

RUDOLF STEINER

Geschichtliche Notwendigkeit
und Freiheit
Schicksalseinwirkungen
aus der Welt der Toten

Geistige Wesen und ihre Wirkungen

Acht Vorträge, gehalten in Dornach
vom 2. bis 22. Dezember 1917

Band III

GA 179

1993

RUDOLF STEINER VERLAG
DORNACH / SCHWEIZ

РУДОЛЬФ ШТАЙНЕР

Историческая необходимость
и свобода
Воздействие судьбы
из мира мёртвых
Духовные существа и их влияние

Восемь лекций прочитанных в Дорнахе
со 2 по 22 декабря 1917 года

III том

GA 179

bdn-steiner.ru

Перевод: Гончаров Виктор
Вена, 2024 год

1993

ИЗДАТЕЛЬСТВО РУДОЛЬФА ШТАЙНЕРА
ДОРНАХ, ШВЕЙЦАРИЯ

ПОДРОБНОЕ СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРВАЯ ЛЕКЦИЯ, Дорнах, 2 декабря 1917 года

Человек имеет в себе границу между физическим и духовным мирами; естественно-научное мышление мешает нам это увидеть. Единые функции нервной системы. Человек – это телесное отражение сложной духовной действительности. Прерывность пучка нервных волокон в спинном или головном мозге образует границу между физическим и психическим опытом. Образ лунного космоса внутри нас. Граница между природным знанием и духовной жизнью. Бессмысленное образование понятий. Соответствие и несоответствие действительности. К исходным точкам необходимости приходят не через ход фактов, а через прочувствование духовных оснований. Односторонность понятий. Отношение представления к действительности.

ВТОРАЯ ЛЕКЦИЯ, Дорнах, 9 декабря 1917 года

История с точки зрения необходимостей, которым нет нужды приходить. Порог между жизнью представлений и жизнью чувств человека. Реальное, стоящее за жизнью чувств и жизнью воли, - это то, в чём живут мёртвые; их импульсы вторгаются в жизнь наших чувств и воли. Мир мёртвых: соответствующая чувствам возбуждение. Тайны животно-живого, в котором действуют мёртвые. Освящение жизни мертвыми. Отношения с царством человеческих душ после смерти. Разрушительные силы в чувственном бытии. Граница между царством необходимости и царством свободы.

ТРЕТЬЯ ЛЕКЦИЯ, Дорнах, 10 декабря 1917 года

Влияние сил и действий мёртвых на нашу жизнь. Их импульсы становятся историей в человеческом обществе. Духовная наука – это язык, способный на уровне чувств связывать живых с так называемыми мёртвыми. Вживание мёртвых в своё третье царство, которое одновременно является царством третьей иерархии, через отстранение от себя. Регулирование отношений с другими душами - через Ангелов; с продолжающимися инкарнациями - через Архангелов; с физически живущими - через Архав. Плещущаяся Духами Времени протекающая вперёд мировая мудрость и мировая волевая деятельность, - это история, это этическая и социальная жизнь какой-то эпохи. Поворотные моменты времени: смена Духа Времени.

ЧЕТВЁРТАЯ ЛЕКЦИЯ, Дорнах, 11 декабря 1917 года

Спиритуальное распутывание (разгадывание) чувственного ковра поначалу ставит духовного наблюдателя перед суммой сил, которые импульсируют земную жизнь; человек находит себя в своём определении. Это воспринимается через вдох. Одновременно это ритмичная жизнь. В этом определяющем нашу эфирную жизнь мировом ритме есть астральное, в котором присутствуют, так называемые, мёртвые и существа более высоких иерархий. Эфирный кентавр в человеке. Чтение звездного текста. Физические буквы являются отблеском космических средств чтения. Действительность под порогом и её отражение на чувственном ковре. Говорить о причинной необходимости в майе или в исторической последовательности

событий абсурдно. Однако, наша свобода основана на том, что наш воспринимаемый мир - это Майя. Человек должен импульсировать себя через самого себя.

ПЯТАЯ ЛЕКЦИЯ, Дорнах, 15 декабря 1917 года

Природа и сущность Я. Настоящее Я живёт в той же мировой сфере, в которой живёт истинная действительность нашей воли; Астральное тело живёт в сфере жизни наших чувств: то есть, оба живут в той области, которую мы делим с мёртвыми. Различное по скорости развитие членов человеческой природы. Только четверть нашего существа является самосознательной, другая принадлежит общему миру, который мы проводим в сновидениях или просыпаем, и которая преобладает в историческом, социальном и нравственном становлении происходящего на Земле. Только эта четверть является свободным существом, является истинным, самостоятельно развивающимся человеком, чья деятельность подчинена импульсу чистого мышления, независимого от внешнего мира. Стремление к реализации свободы приходит к нам из духовного мира. Сознательно-ясновидчески он переживается как имажинация, инспирация, интуиция, иначе как моральная фантазия. Это может побудить людей делать не только то, что касается их лично, но и то, чего хочет Дух Времени. Импульсы соответствующей эпохи должны протекать через человека. Обретённое посредством духовной науки знание духовных импульсов поднимает к требованиям времени, может стать чем-то подобным тому, что в древние времена являлось нахождением внутри живого мифа.

ШЕСТАЯ ЛЕКЦИЯ, Дорнах, 16 декабря 1917 года

Естественно-научные законы и представления не охватывают действительность. Естественные причины не всегда приводят к своим следствиям: бесчисленные зародыши жизни погибают. Там, где зародыши жизни погибают, возникает сущностное на более ранней, ещё не материальной ступени. В этом процессе участвуют люди и животные. Соответствующие духовные законы часто противоположны. Есть беспричинные действия, которые окружают нас будто волей, которая хочет в нас войти, которой мы, отклоняя её, противостоим; это духовно-образное, которое можно было бы достичь посредством имажинации, по отношению к чему мы можем сделать себя восприимчивыми, но чему мы также можем и сопротивляться. Тогда вместо живого действия производится действие смерти, которое в историческом становлении, благодаря одеревенению старого, ведёт к катастрофическим событиям. Однако, духовные импульсы, принятые в правильное время, могут придать историческим событиям другое направление. В историческом развитии господствует свобода, которая идентична с чудом. Нашему времени необходимы две вещи: признание Мистерии Голгофы - чуда - как свободного поступка, и поиск реального моста к мёртвым.

СЕДЬМАЯ ЛЕКЦИЯ, Дорнах, 17 декабря 1917 года

Свободное действие возникает посредством воздействия друг на друга процесса разложения, имеющего место всегда, и чистой мысли действия. Процессы разложения в человеческом организме должны быть поняты так же, как созидательные процессы: только тогда можно понять действительность Я. Истинное Я, которое принадлежит к волевой природе и относительно которого поэтому обычное сознание спит, должно быть оплодотворено посредством того, что уже с помощью публичного обучения человек приводится к конкретному пониманию больших интересов времени, уясняя себе, какие духовные силы и

влияния участвуют в происходящем. Благодаря этому, для человечества была бы желательна совместная работа, так называемых, мёртвых с, так называемыми, живыми. - Ритмическое проживание времени мёртвых; оно, в определённых отношениях, приводит их к существам Архангелов и Архаев. В это взаимодействие земной человек заглянуть не может. Граница между эфирным телом и физическим является, как бы, душевным мешком, который препятствует восприятию того, что находится за его пределами. Эта область лежит за воспоминанием, её мы должны пытаться преобразовать. Воспоминание - это не нечто такое, что только приходит и уходит, его содержание может оставаться. Тогда оно становится принадлежащим к Акаша-Хронике. Она становится прозрачной, если человек всё больше и больше вспоминает из того, что к нему подступает снаружи. Расширение интересов за пределы личного во времени и до него пробуждает силы, с которыми Я входит в сферу мёртвых и Духа Времени.

ВОСЬМАЯ ЛЕКЦИЯ, Дорнах, 22 декабря 1917 года

В наше время различные душевные силы людей склоняются к интеллектуальности, которая в известном смысле является единственной господствующей силой; к этому должна добавиться и поднятая в сознание воля. Что такое воля, в наше время непонятно. Импульсы Духа Времени необходимо понять и принять. Понимание микрокосма как макрокосма есть познавательная деятельность души между смертью и новым рождением; оно присутствовало как наследие мудрости до 15-го столетия и теперь должно подготавливаться между рождением и смертью. Посредством поглощения мистериальных сил Голгофы должно быть приобретено то, что ранее естественным образом присутствовало как наследие некоего пратковения. Для понимания социального становления необходимо найти новые, коренящиеся в духовном познании отправные точки. Воля к волеию должна жить в душе как импульс, для стремления к действительно новым идеям, для понимания более глубоких основ событий.

ПЕРВАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 2 декабря 1917 года

Сегодня мы дополним некоторые вещи к тому, что рассматривали ранее. В это время я пытался сделать понятным, от каких обстоятельств в большом и малом зависит человеческая жизнь. Вы видели, как также и в публичных лекциях, которые мне было позволено прочитать в это время, мне было важно указать, как раз, на те проблемы духовной науки, которые необходимы для понимания человечества, чтобы выйти за рамки определённых кругов представлений, в которые человечество, как бы, закутано по всему земному шару, и в конечном итоге всё же принадлежат к причинам теперешних катастрофических событий.

Прежде всего, речь идёт о том, чтобы человек учился видеть, где лежит граница между так называемым физическим миром и духовным миром. Эта граница лежит, собственно, внутри самого человека. Как раз, это предложение важно для понимания мира: что мы видим границу между физическим и духовным мирами внутри самого человека. Естественно-научный образ мышления, большое значение которого со стороны духовной науки для настоящего и будущего я часто подчёркивал, сейчас, однако, когда он более или менее ещё стоит на своём исходном пункте, способен, собственно, к тому, чтобы относительно определённых важных жизненных истин распространять поначалу, можно сказать, даже тьму.

Только уясним себе, что развитие времени, собственно, только теперь начало постепенное внедрение научного мышления в рассмотрении мира и жизни. Сегодня некоторые монистические и другие объединения заняты - зачастую в ужасной дилетантской манере - внедрением естественно-научного мировоззрения в общее сознание. Только это, ведь, только один из путей, по которому это естественно-научное мышление постепенно втекает в человеческую душу. Намного более решительным путём является публицистика.

Недаром, но в полной внутренней связи, прорыв нового естественно-научного мышления и изобретение книгопечатания совпадают в развитии человечества. Поскольку то, что до сих пор входило в человечество как первоначальное посредством печати, разумеется помимо того, что уже было напечатано раньше, по существу вышло из научного сознания. Я имею в виду, что новое возникло из естественно-научного сознания и, прежде всего, способ ухватывания мыслей возник из научного образа мышления.

Ну, теологи в отношении такого высказывания, конечно, скажут: Хорошо, но не напечатали ли мы также нашу теологическую мудрость и всевозможные добродетельные вещи в последние годы и десятилетия, и столетия? - Да, это так, но к чему это привело? То, как под флагом книгопечатания духовная жизнь вошла в души людей, привело к тому, что постепенно спиритуальный элемент полностью исчез также и из области религиозного сознания. И даже из самого Христа Иисуса, как вы знаете, под влиянием естественно-научного мышления сделали «простого человека из Назарета», которого, правда, пытаются характеризовать различным образом, но который всё же, собственно, уже поставлен в один ряд с другими великими личностями, пусть даже пока ещё и на некоторую вершину. Собственно, духовное, которое связано с мистерией Голгофы, постепенно исчезло, по крайней мере для тех, кто считает, что они прогрессируют во времени.

Я говорил, что естественно-научный образ мышления должен был поначалу привести к определённому помутнению, к поддержке того, что, начиная с 1879-го года, внесено в человеческое мышление духами тьмы. И в естественно-научной области эти вещи проявляются довольно рафинированным образом, - рафинированным потому, что не только естественно-научно образованный, но и профессионально естественно-научно образованный человек, если он сегодня участвует в общем образовании времени, участвует в формировании мировоззрения, не может никак иначе, согласно тому, какова сегодня наука, - позвольте мне

использовать тривиальное слово, - «исходя из наилучшего знания и совести», как действовать так, что посредством популяризации естественно-научного образа мышления человек, как раз, отучился направлять взгляд на границу, которая лежит в нём самом между физическим миром и духовным миром. Наступит будущее человеческой мысли (ужасно, что об этом приходится говорить сегодня, ужасно для тех, кто сегодня образован в одном определённом направлении), когда определенные представления, которые доминируют сегодня в науке - и которые не слишком присутствуют в популярном сознании, но влияют на популярное сознание тем, что учёные сегодня рассматриваются как, извиняюсь, авторитеты - когда некоторые представления настоящего покажутся совершенно странными будущему современному сознанию.

На одно такое представление я уже часто указывал, публично теперь в своей книге «О загадках души»: это популярное сегодня естественно-научное представление, что в нервной системе - останемся пока при человеке, но сходным образом, но только сходным образом, это относится и к животным, - что в нервной системе различают так называемые чувствительные, сенситивные нервы - воспринимающие нервы - и моторные нервы. Схематически это можно представить только так, что, например, какой-то нерв, скажем осязательный нерв, переносит осязательное ощущение до центрального органа, скажем до спинного мозга; там то, что проводится из периферии тела, заканчивается в роге спинного мозга. И затем из другого рога, переднего, выходит так называемый моторный нерв, где снова передается волевой импульс.

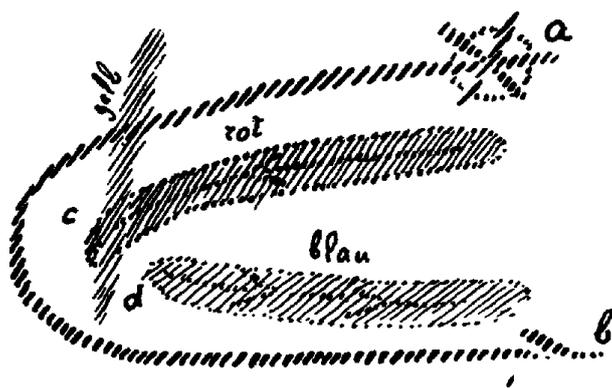

Рис. 1

В головном мозге это представляется просто сложнее, примерно так, будто нервы — это своего рода телеграфные провода. Чувственное впечатление, кожное впечатление проводится к центральному органу, там, как бы, сообщается приказ, что должно выполниться какое-то движение. Например, муха садится на какую-то часть тела, это производит некое впечатление, которое доводится до центрального органа; там даётся приказ, протянуть к этому месту руку и согнать муху. Это, объяснённое схематически, очень распространённое представление. Будущим временам это представление покажется чрезвычайно странным, поскольку, ведь, оно странно только для того, кто понимает эти вещи. Но это представление, которое завладело сегодня большей частью специальной и специализированной науки. Вы можете открыть ближайший лучший элементарный учебник, обучающий подобным вещам, и вы обнаружите, что вам нужно различать нервы чувственного восприятия и моторные нервы. И сегодня всё ещё можно найти весьма распространённым сверх комический образ телеграфных проводов - того, как впечатление доносится до центрального органа и там дается приказ возникнуть движению, - как раз, в популярных работах.

Однако действительность понять труднее, чем напоминающие самые примитивные представления сравнения с телеграфными проводами. Действительность можно понять, как раз, только с духовной наукой. То, что следует некий волевой импульс, - это в

действительности не имеет никакого отношения к тому процессу, который ребяческим образом выражают так, будто где-то в материальном центральном органе отдаётся приказ. Нервы существуют только для того, чтобы служить некой целостной функции, - как те нервы, которые сегодня называют чувствительными, так и те, которые называют моторными. И прерывается нервное волокно в спинном или головном мозге, - в обоих случаях это указывает на одно и то же; в головном мозге это прерывание просто более сложное.

Это прерывание существует не для того, чтобы, если можно так сказать, снаружи нечто проводилось к центральному органу через одну половину, а затем, после преобразование в волю, проводилось дальше от центрального органа через другую половину. Это прерывание присутствует по совсем другой причине. То, что наша нервная система устроена так, что она прерывается в такой закономерности, имеет основание в следующем: на том месте, где наша нервная система прерывается, там в человеке лежит в отражении - правда, только в телесном отражении некой сложной духовной действительности, - граница между физическим и духовным опытом, физическим и духовным переживанием. Правда, в человеке она содержится неким странным образом. Она присутствует таким образом, что человек вступает в связь с ближайшим окружающим его физическим миром так, что эта связь имеет некоторое отношение к части нервного волокна, идущего до прерывания. Но человек как душевное существо должен иметь также связь со своим собственным физическим телом. Эта связь, которую он имеет со своим собственным физическим телом, осуществляется посредством другой части. Если я двигаю рукой потому, что на меня произведено внешнее чувственное впечатление, то импульс к движению этой руки, соединенный душой с чувственным впечатлением, представленный схематически, уже здесь (см. рис. 1, «а»). И то, что здесь проводится, проводится вдоль всех чувствительных нервов и, так называемых, моторных нервов от «а» до «в». Это не так, что чувственное впечатление идёт вначале до «с», а затем оттуда отдаётся приказ для исполнения «и», - нет, когда осуществляется волевой импульс, душевное уже в полной мере присутствует в «а» и проходит через весь прерванный путь.

Нет никакой речи о таком ребяческом представлении, будто душа каким-то образом сидит между чувствительными и моторными нервами и как телеграфист принимает впечатления внешнего мира и затем отдаёт приказ, нет никакой речи о том, что это ребяческое представление соответствует какой-либо действительности. Это ребяческое представление, которое мы постоянно слышим, представляется особенно странным перед тем требованием, что в естественной науке, ведь, нельзя быть антропоморфным! Люди требуют теперь не быть антропоморфным и не замечают, насколько они антропоморфны, когда используют слова подобные: Получает представление, отдаёт приказ и так далее. - Они болтают, не имея никакого понятия о том, какие мифологические существа - если бы они всерьёз приняли эти слова - они помещают в своих сновидениях в человеческий организм.

Но возникает всё же вопрос: Почему нервное волокно прерывается? - Оно прерывается по той причине, что, если бы оно не прерывалось, мы не были бы включены в весь процесс. Только благодаря тому, что импульс здесь, как бы, перескакивает через место прерывания - тот же импульс, если он является волевым импульсом, идёт уже из «а», - только благодаря этому, мы сами находимся в этом мире, благодаря этому мы находимся при этом импульсе. Если бы оно было целым, если бы не было прерывания, то всё представляло бы собой природный процесс, при котором нас бы не было.

Представьте себе тот же процесс, который мы имеем при, так называемом, рефлексивном движении: Где-то на вас садится муха, весь этот процесс вами почти не осознаётся, но вы отмахиваетесь от этой мухи. Этот процесс имеет свой аналог, свой вполне оправданный аналог в физической области. Поскольку этот процесс требует физического объяснения, это объяснение должно быть несколько более сложным, чем какой-то другой физический процесс. Предположим, у вас есть резиновый мяч. Вы надавливаете на него, вы деформируете этот резиновый мяч: восстанавливается. Вы надавливаете ещё раз; он снова принимает прежнюю форму. Это простой физический процесс: некое рефлексивное движение. Только не включается никакой орган восприятия, не включается ничего духовного.

Если вы включите здесь что-то духовное (внутренний круг; см. рис. 2) и сделаете прерывание здесь (центр), то резиновый мяч почувствует себя собственным существом. Правда, тогда этот резиновый мяч, чтобы воспринимать как мир, так и себя самого, должен был бы включить нервную систему. Но нервная система всегда предназначена для того, чтобы ощущать мир внутри себя, а не для того, чтобы каким-то образом проводить ощущение по одну сторону провода и двигательный импульс по другую сторону провода.

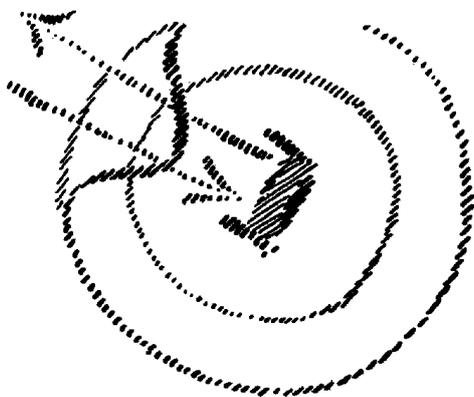

Рис. 2

Я объясняю это по той причине, что если проследить это дальше, это ведёт к многочисленным пунктам, где необходимо исправлять естественную науку, если она должна вести к представлениям, которые более или менее доросли до действительности. Представления, которые господствуют сегодня, являются не больше, чем представлениями, которые служат импульсам духов тьмы. Граница между физическим переживанием и духовным переживанием лежит в самом человеке.

Эта часть нерва, которая обозначена здесь красным (рис. 1), в основном служит для того, чтобы вставить нас в физический мир, чтобы опосредовать нам ощущения в пределах физического мира. Другая часть нерва, которую я обозначил синей, в основном служит для того, чтобы ощущать самого себя как тело. Это несущественная разница, переживаем ли мы сознательно цвет снаружи посредством волокна a-c, или мы внутреннее переживаем какой-то орган или положение органа, или нечто подобное, посредством волокна d-b; это, по существу, одно и то же. В первый раз мы переживаем нечто физическое, которое кажется нам внешним, в другой раз мы переживаем физическое, находящееся в нас, то есть, в границах нашей кожи. Благодаря этому, однако, мы включены в то, что при каком-то волевом процессе мы можем переживать всё то, что находится не только снаружи, но и внутри нас. Но сила этого восприятия опосредуется через волокно a-c и через волокно d-b по-разному. То, что наступает, является, однако, существенным ослаблением интенсивности. Если мы формируем какое-то представление вместе с волевым импульсом в «а», то этот импульс проводится от «а» дальше. При перескакивании от «с» к «d», всё в целом ослабляется в нашем сознании, в нашем сознательном переживании, так, что остальное, что мы при этом переживаем, - поднятие руки и так далее - мы переживаем лишь в состоянии слабой интенсивности сознания, которое иначе мы имеем также во сне. Мы видим волеие снова только тогда, когда рука движется, когда мы снова имеем некое ощущение (Sensation) с другой стороны.

Сон анатомически, физиологически распространяется в действительности постоянно и на бодрствующую жизнь. Мы стоим в связи с внешним физическим миром и бодрствуем, собственно, всегда только той частью нашего существа, которое идёт до прерывания нервов. То, что лежит в нас самих по ту сторону прерывания нервов, мы просыпаем также и днём. Это, однако, процесс, который в теперешней фазе земного развития ещё не физический, а разворачивается ещё на определённой духовной высоте, хотя и во многом имеет дело с более

низкими свойствами человеческой природы. Однако, я здесь уже часто говорил о той тайне, что то, что является в человеке более низкой природы, связано, как раз, с более высокими проявлениями определённых духовных существ.

Если собрать в человеке все те места, где есть прерывания нервов, и изобразить их схематически, то в соответствии с этим изображением мы получили бы границу между переживанием в физическом мире и переживанием, исходя из какого-то более высокого мира. Поэтому я могу также использовать следующую схему (рис. 3):

Рис. 3

Предположим, - я схематически изображаю здесь все прерывания нервов, - это голова, а это нога. Теперь предположим, что отсюда идёт так называемое впечатление, а здесь находится место прерывания нервов «ходьба». Что является реальным, так это следующее: здесь всё то, что человек переживает посредством этого нерва, переживает днём в бодрствующем состоянии; здесь то, что человек переживает как некую подсознательную волю, переживает спящим также и в бодрствовании. И всё то, что здесь лежит под местом прерывания нервов, образуется, создаётся прямо из духовного мира.

Эти представления, если вы слышите о них в первый раз, могут показаться вам несколько сложными. Только они должны в вас также вызвать представление, что без определённых трудностей всё же нельзя подойти к этим интимным вещам познания человека.

Если вы взглянете на это таким образом, что здесь (красное, гол) является всем тем, что связывает человека с физическим миром, под этой границей всё то, что связывает человека с духовным миром, который лишь сегодня имеет в нём некое вторичное физическое отражение, - если вы примите это всё во внимание, то сможете связать с этим другое представление. Это другое представление, которое должно быть с этим связано, следующее: Подумайте, например, о растительном мире. Растения вырастают из земли; но они не росли бы из земли, если бы не принимали силы из космоса. Силы, тесно связанные с солнечной жизнью, которые получают всё, что производится из земли. Чтобы лучше это понять, прочитайте ещё раз «Жизнь человека с точки зрения духовной науки». К жизни растительного мира принадлежит всё то космическое, которое приходит из космоса из солнечной жизни, вместе с тем, что приходит от Земли.

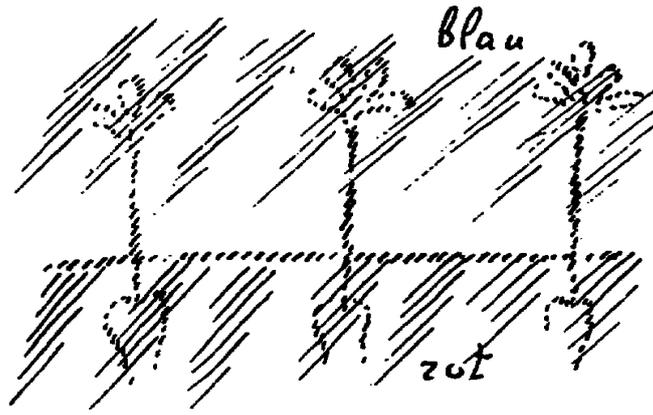

Рис. 4

Но это взаимодействие космического с тем, что является теллурическим, земным, вообще принадлежит к жизни, к бытию в пределах физического мира, так, как мы можем его понять. И те же самые силы, которые под этим штрихом (см. рисунок 4) действуют на растение из земли, вместе с силой семени растения, - ведь, семя тоже погружается в землю, - та же самая масса сил того же рода, - их мы должны искать здесь, где красные штрихи (rot). По эту сторону от границы, которую я схематически обозначил, вы должны искать силы, которые иначе вы ищите для растения приходящими из земли через корень.

Через свои глаза, через свои уши, а именно, через свою кожу, человек принимает в тонком виде то, что растение через всасывает через корни из почвы Земли. Растение является земным существом, благодаря своим корням. Человек является земным существом, благодаря своим нервам и тому, что он как земное, теллурическое, принимает через свои лёгкие, через своё питание, которое он получает от Земли. Всё то, что для растения приходит от земли — только благодаря тому, что растение погружает в землю свои корни, - человек принимает через свои органы, только в утончённом виде, а растение в грубом виде через корни.

Но растение принимает ещё и другие силы. Растение принимает силы, которые приходят из небесного царства, пространственно-небесного царства. Эту область я заштриховал синим (blau): это силы, которые растение принимает из космоса. Эти силы того же рода, что и заштрихованные синим силы по ту сторону границы, которую я обозначил. Человек вытягивает из своего тела то, что растение вытягивает из космоса. Из Земли человек вытягивает в утончённом виде те силы и субстанции, которые растение вытягивает из почвы через свои корни. Из своего тела человек в грубом виде вытягивает те же силы, что растение в утончённом виде вытягивает из космоса. Поскольку так, как он вытягивает их из своего тела сегодня, они не присутствуют непосредственно в космосе в настоящее время, а они присутствовали так во время древней Луны. Человека сохранил их с того времени. Посредством того, что содержится по ту сторону этой границы в обозначенной здесь синим части, человек принимает не непосредственно из настоящего, а из того, что он сохранил в виде наследства из времени древней Луны. Он внёс космическое древних времён в настоящее. В своём теле человек сохранил лунные условия. Так мы видим, что мы являемся определённым образом космическими; мы связаны с космосом даже так, что несём в себе отражение того, что космос снаружи уже преодолел.

Ещё один пример к тому, о чём я говорил здесь в последний раз: что бесполезно в общем, исходя из размытых, туманных точек зрения, говорить о том, что человек снова должен прийти к некому космическому ощущению или космическим представлениям. Эти вещи имеют ценность, только если они подступают к человеку полностью конкретно, когда действительно осознаётся то, как лежат эти вещи, как эти вещи себя ведут. Благодаря этому то, что сегодня является только пробованием, будет поставлено на здоровое, действительное основание. И если знать, как всё то, что лежит по ту сторону прерываний нервов внутри человеческого тела, связано с лунным существом, то из этого родства можно обнаружить,

каковы делающие больным или оздоравливающие силы надо искать в космосе и в земной жизни. И если знать, как то, что лежит по эту сторону границы, связано с земными условиями, только в утончённом виде, так, как растение связано с условиями почвы своими корнями, тогда можно действительно сознательно определить связь между болезнью и здоровьем и между существом определённых растений.

Сегодня эти вещи представляют собой пробование. Сначала надо на здоровое основание поставить человеческое познание, а затем можно будет поставить на здоровое основание также и то, что человек развивает в виде понятий и представлений, чтобы как-то регулировать, социальную, нравственную, педагогическую и политическую жизнь, пронизывать её, получать возможность придавать ей какую-то структуру.

Мы видим во многих областях, что, как раз, те, кто широко мыслит естественно-научно, в специальных областях, начинают болтать, ужасно выдумывать, когда привычные им представления они переносят на область социальной жизни. Но эта область социальной жизни является, ведь, не совсем самостоятельной областью. В ней человек стоит со своей физической, душевной, духовной природой, и эти вещи нельзя отделить друг от друга. И нельзя оставаться при том факте, что человечество в социальной области делается глупым естественно-научно, что в социальной области оно может только болтать.

Сегодня без труда можно легко доказать, что солидные естествоиспытатели погружаются в болтовню, когда переступают границу между естественной наукой и духовной жизнью. Особенно чрезвычайно продуктивны в этой области болтовни медики, когда речь идёт о том, чтобы с представлениями, обрётёнными сегодня в естественно-научной области, переходить в духовную область. Достаточно выделить что угодно. Возьмите человеческую жизнь, - куда ни глянь, она в этом отношении в полной растерянности.

Тут у меня, например, есть одна брошюра: «Повреждения нервов и духовной жизни войной», написанная отличным медиком. Чтобы не нарушать вашу непредвзятость, я не хочу сказать о нём ничего, кроме того, что он прекрасный медик. Но этот прекрасный медик рассматривает теперь нервную систему, о которой, ведь, естественная наука не имеет и тени правильного представления, - вы могли это видеть после тех вещей о которых я сегодня говорил, - он рассматривает теперь нервную систему, как она страдает от условий теперешней войны. Да, достаточно подумать лишь о самом примитивном, чтобы увидеть, как действительно разумное мышление заканчивается, когда естественно-научное представление переводится на то, что, я хочу сказать, имеет какую-то связь с духовной областью, я даже не хочу сказать - на саму духовную область. Не правда ли, если человек обсуждает что-то вроде «Повреждения нервов и духовной жизни войной», то он имеет перед собой необходимость то, что якобы должно происходить в нервах, выражать посредством того, что взято из духовной жизни, - конечно, той духовной жизни, которая протекает здесь на физическом плане, - через всяческие представления, взятые из этой духовной жизни.

Теперь этот господин даёт здесь представление, - которое при определённых обстоятельствах ненормальной нервной жизни должно быть оправданным, - представление о «сверхценных (überwertigen) идеях». Сверхценные идеи - это симптом для больных нервов. Сверхценные идеи, - что это за сверхценные идеи? Если выдвигают такое понятие, то надо отдавать себе отчёт, что такое понятие должно быть жизненно реальным. Но что такое сверхценная идея? Сверхценная идея для этого мужа - это нечто такое, что возникает, когда подчёркивание чувства и восприятия идеи слишком сильное, если оно одностороннее. И он приводит множество таких смутных представлений. Я, конечно, не могу об этом сказать ничего определённого. Но если я формулирую это неопределённо, то не приписывайте это духовной науке, поскольку я, ведь, должен это как-то описывать. Сверхценная идея возникает, например, если из-за войны человек слишком ненавидит другую нацию. Одна из «ценных идей» - это настоящая любовь к Родине. Но эта настоящая любовь к Родине, если нервная система раздражена, сверхценна. Человек не только любит свою Родину, но и ненавидит другие народы: тогда эта идея становится сверхценной (überwertig). Ценная идея

является здоровой, и, исходя из этой ценной идеи надо заключить, что и нервы здоровы. Но если идея сверхценна, то и нервы повреждены.

Соответствует это где-нибудь действительности, если с одной стороны характеризуют некий нервный процесс, а с другой стороны идею, которая должна иметь определённое свойство? Как идея она должна быть сверхценна. С одной стороны, это нервный процесс, с другой стороны, это сверхценность идеи. Люди поступят хорошо, если будут додумывать такие вещи до конца, поскольку мысль показывается себя только тогда в своей правильности или неправильности, то есть, в своём соответствии действительности или несоответствии действительности, когда её додумывают до конца. Сверхценной идеей было бы, если бы я, например, представил себе, что я король Испании. Не правда ли, это без сомнения было бы сверхценной идеей. Но эта идея совсем не должна быть сверхценной, если бы я был им действительно. Тогда моя нервная система была бы совершенно здорова, и я имел бы ту же самую идею. Эта идея имеет то же содержание. Таким образом идея как таковая всё же не сверхценна, поскольку иначе короля Испании надо было бы рассматривать больным в отношении его нервной системы, поскольку он думает, что он является королём Испании, не так ли? Таким образом речь идёт совсем не об этой связи. Тем не менее кругом болтают об этих вещах. И не только болтают, но и образуют понятия, определения и так далее, и тогда приходят к тому странному, что больше не является болтовнёй.

Поскольку теперь этот хороший господин образовал это понятие о сверхценных идеях. Сверхценность идеи является теперь симптомом неверной нервной жизни. Ну, хорошо! Но его подсознанию при этом не совсем уютно, поскольку подсознательно он всё же чувствует: в то время как он представляет людям все эти вещи о сверхценности идей, те, в свою очередь, имеют всякие подсознательные идеи о том, что всё же тут что-то не так. У слушателей это полностью остаётся в подсознании, поскольку этот господин является авторитетом - извините меня! - тут эти впечатления не должны проникнуть в сознание. Поскольку этим обозначением «сверхценности» должно быть выражено не только сама по себе живая оценка соответствующих представлений, но и, как раз, их «сверхценность» в отношении реального значения действительно лежащих в их основе фактов. «Сверхценная идея владеет сознанием так сильно, что рядом с ней нет места другим, также объективно оправданным идеям. Поэтому последние вытесняются, теряют свою действенность в сознании и своё влияние на ограничение и обуздание сверхценных представлений. Так возникает одностороннее преувеличение в образовании суждений, одностороннее направление волевых устремлений, отвращение от всех других кругов мыслей, которые непосредственно не связаны с центром сверхценных идей». Так, как если бы говорили: Бедность появляется из-за Pauvreté¹, - примерно так!

«Поэтому спокойно судящему наблюдателю нервно-возбуждённое сознание всегда кажется чем-то неразумным, чем-то духовно безудержным, и потому вполне соответствует тому факту, когда спокойно наблюдающий пытается вновь вернуть нервно-возбуждённого человека на правильный путь мышления и суждения словами: <Будь разумным>».

То есть, он говорит о сверхценности идей, об их связи с нервной системой. Но теперь ему становится несколько неуютно в подсознании, поскольку эта история, ведь, только болтовня, и вписывается плохо. Поэтому он продолжает свою речь так: «Нельзя, однако, <сверхценную идею> напрямую приравнивать каждому вообще чувственно-выделенному и необычно живому образу представлений. Также всё благородное и высокое, что движет человеческим духом и делает его способным совершать великие дела, что пробуждает отдачу и воодушевление для великих поступков и для напряжения всех сил для достижения великих целей, - это также возникает только из великих идей, владеющих духом и дающих ему силу и выносливость воли, без которых невозможна осознающая цель деятельность».

¹Pauvreté (франц.) - бедность.

Сверхценные идеи, которые разрушают нервную систему, являются по меньшей мере симптомом этого; но всё высокое и благородное - то же самое. Нет настоящей разницы. Но ему надо по крайней мере упомянуть, что эта история, собственно, такая же.

«Повсюду в истории отдельных людей и в истории народов мы видим великие дела, осуществленные под влиянием какой-либо великой ведущей идеи, которая неудержимо движет своего носителя вперед в том же направлении, удерживая на том же пути, позволяя ему проявлять неутомимую настойчивость в достижении желаемой цели, несмотря на препятствия и сопротивления. Что стало бы с Галилеем, с Рихардом Вагнером, с Бисмарком и многими другими великими мужами без импульсной силы великой ведущей идеи, которая года и десятилетия двигала бы их вперед в определенном направлении воли, не смотря на борьбу и сопротивление! - которая, таким образом, была «сверхценна», исключительно «сверхценна».

Тут возникает иногда такой прилив искренности. Существует естественно-научное направление, которое считает всех гениев несколько сумасшедшими, поскольку, ведь, на этой почве невозможно определить настоящую разницу между гениальностью и безумием. И я говорил вам, что сегодня уже есть произведения, которые изображают Христа Иисуса как патологически больного человека, так что всё христианство, собственно, является результатом того, что когда-то в Палестине был некто, носивший имя Иисус, который не был по-настоящему в себе. Сейчас это предмет рассмотрения различных, скорее считающихся серьезными, чем действительно учёных, личностей.

Пустота таких мыслителей проявляется иногда разительным образом, как в случае с этим господином, который продолжает: «Но в этом состоит трагизм человеческого духа, что представления, которые наполняют сознание огромной силой, не всегда правильные» - очень глубоко здесь объяснён трагизм человеческого духа, чрезвычайно глубоко! - «и не всегда вписываются в установившиеся связи внешнего мира».

В общем достаточно! Насколько далеко от таких представлений до познания, которое может быть достигнуто на основе таких рассуждений, которые мы провели здесь. Определённо, в двух людях может присутствовать одна и та же масса представлений, только она в одном случае, скажем, люциферическая, в другом случае ариманическая, в третьем случае в смысле нормального развития человечества. Вместо того, чтобы создавать пустое по содержанию слово «сверхценные идеи», надо ввести понятие духовности, подобно люциферической или ариманической духовности, так чтобы знать: важно узнать хочет человек что-либо сам, или в нём хочет кто-то другой. Но такая кажущаяся наука, конечно, шарахается от этого сегодня.

Эти вещи становятся очень приятными, когда человек надеется, что представляет действительно нечто субстанциональное: «Тут я прежде всего» - он хочет сначала дать то, посредством чего у человека проявляются определённые нервные нарушения, - Тут я прежде всего называю те же представления, которые часто играют огромную роль при нервозности отдельных людей:» - он имеет в виду, также при сегодняшнем народном безумии, - «представления уныния, озабоченности, малодушия, недостатка доверия к себе».

Это, таким образом, те вещи, которые характеризуют нарушение нервной системы при нервной жизни, стоящей под сверхценными идеями. Уныние, озабоченность, малодушие, недостаток уважения к себе. Не правда ли, ведь, такая лекция является средством того, что она могла бы каким-то образом быть полезной. Поскольку такой авторитет вероятно не будет говорить просто для сотрясения воздуха, а хочет каким-то образом быть полезным. То есть, можно было бы ожидать, что этот господин теперь скажет, как человечеству выйти из этой ситуации, поскольку он находит, что наряду с отдельными людьми, сегодня также и у всего человечества малодушие, уныние и недостаток доверия к себе являются причинами нервных нарушений. Можно было бы ожидать, что он теперь скажет, как устранить это, как преодолеть эти малодушие, озабоченность и недостаток доверия к себе. Надо это предполагать. Собственно, он это и предполагает. Поэтому он говорит: «Таким образом, разочарованное и неудовлетворенное настроение, которого мы должны бояться больше всего

другого, может закрепиться, по крайней мере временно, среди больших слоёв населения. Поскольку оно ведёт к ослаблению волевой активности, к расслаблению твердого, единого стремления к цели к ослаблению энергии и выносливости».

Ну, таким образом, ожидается нечто, не правда ли? Тогда он говорит: Не быть нервным значит поэтому, в первую очередь, не терять мужество, уверенность и доверие к собственным силам и поведению, признанное тобой верным».

Хорошо, теперь мы это получили. Человек является нервным, когда он имеет заботы, малодушие, уныние, недостаток в доверии в себе. Как от этого избавиться? Не иметь этого! Это же совершенно ясно, не правда ли, если у человека этого нет!

Это ничтожество мышление переносится на субстанциональное также и в науке, и такие авторитеты имеют в своём распоряжении весь материал, оккупируют весь материал, конфискуют его, когда нужно попытаться как-то обработать этот материал разумно, - но обрабатывая его, они обрабатывают его ничтожными мыслями. Анатомический, физиологический, физический материал теряется. Не создаётся ничего, поскольку за тем столом, где для человечества должно создаваться что-то полезное, сидят люди с такими ничтожными мыслями! Разумеется, из вскрытия трупа ничего не выйдет, если - простите за резкость - его вскрывает пустоголовый. Здесь вещи уже становятся социальным. И на эти вещи нужно смотреть уже этой точки зрения. И вот, столь многообещающая работа, воспроизводящая лекцию, заканчивается таким образом!

Я привёл вам один из примеров: Не быть нервным, значит, в первую очередь, не терять мужество, уверенность и доверие. Но если сегодня среднестатистический читатель возьмёт в свои руки такую работу и прочтёт: «Повреждение нервов и духовной жизни из-за войны», он подумает: Теперь мне всё понятно, поскольку это, ведь, профессор Доктор такой-то, директор медицинской клиники там-то. - Ну, да, теперь он понимает это: теперь ему становится всё ясно.

И всё-таки тут стоит, например, на странице 27, где говорится о народной ненависти: «Но, конечно, и в нас самих теплятся подобные чувства, и мы воспринимаем это почти как некое облегчающее удовлетворение, также встречать нашего главного врага с подобным настроем. Но достаточно лишь небольшого спокойного осмысления, чтобы понять, что эта общая народная ненависть является лишь следствием болезненного, возбуждённого настроения, в который народные массы впадают в результате взаимного распаления, подстрекательства и подражания».

Но, как, собственно, после этого предложения возникла история с народной ненавистью? Это народы: А, В, С; собственно, ни А, ни В, ни С не способны ненавидеть само по себе, поскольку, ведь, вся эта история из-за этого возникнуть не могла, а эта всеобщая ненависть возникла из-за болезненно перевозбуждённого душевного настроения, в которое эти народные массы себя ввергли посредством взаимного распаления, подстрекательства и подражания. То есть, А не может этого сделать; В - тоже не может; С - тоже не может; но то, что не может сделать каждый, достигается взаимным распалением. Подумайте только, насколько остроумна такая мысль! Я объясняю нечто, передо мной А, В, С; всё это для объяснения не подходит - но они всё же это делают. То есть, я что-то прекрасным образом объясняю, исходя из ничего. Эти вещи люди берут в руки, читают, не замечая, что это просто бессмыслица.

Необходимо указать на такие вещи, поскольку они показывают, насколько извращено и ничтожно мышление, претендующее сегодня на авторитет. Конечно, в науке, которая ссылается на уже имеющееся, это выступает не так сильно, поскольку там историю контролировать нельзя. Но так, как люди мыслят там, в науке, они мыслят и в социальной, педагогической, политической жизни. И так подготавливалось уже четыре столетия. Такие дела. И так вышло, что из извращённого, ничтожного мышления постепенно вышли те импульсы, с которыми мы сталкиваемся в сегодняшних катастрофических событиях. Тут уже надо взглянуть в глубины вещей, туда, где, я бы сказал, эти вещи становятся непосредственно

актуальными для отдельного человека, а также для социальной структуры целого народа, - там эти вещи особенно грустны!

Не правда ли, перед нами стоит задача, с одной стороны, понять вещи; надо познакомиться с ними в их взаимной разделённости, если мы хотим их понять. Если мы хотим понять такое событие как сегодняшняя война, которая так сложна и, разумеется, сегодня действительно в своих деталях с физического плана охвачена быть не может, надо, как говорят, вернуться к её причинам, и так далее. Но каждый верит: Если он найдёт её причины, если он поймёт их таким образом, то они также с необходимостью должны были произойти так, каковы они сегодня есть. Сегодня не замечают даже чуть-чуть, что одно совершенно не имеет дела с другим. Тот факт, что человек узнает какую-то вещь в её взаимосвязях, не означает, что событие должно произойти, или, как говорится, что его нельзя было бы избежать. Тот, кто пытается более или менее разумным образом прояснить, почему настоящая война должна была начаться, почему она не является чем-то таким, что решила какая-то пара людей, а связана с более глубокими причинами человеческого развития, тот часто удовлетворяется уже тем, что говорит: Ну, я понял, что не было возможно никак иначе, нежели то, что должна была начаться эта война! Это, разумеется, необходимость в том смысле, что если знать её причины, то она со всей необходимостью развилась из этих причин, из этих конкретных условий. Но это не значит, что можно делать вывод: всё должно было случиться непосредственно так, как это произошло. Никакое событие, происходящее во всемирной истории, не является необходимым в этом последнем смысле, хотя оно необходимо в предыдущем смысле - ни одно событие не является необходимым в этом последнем смысле. Каждое может быть разным; и каждое могло бы также и не быть!

И тот, кто тогда говорит об абсолютной необходимости, мог бы с тем же правом обдумать: Я хотел бы знать, когда умру. То есть, я иду в страховое общество; люди там считают и согласно этим подсчётам определяют величину страхового полиса: сколько из определённого числа людей после определённого времени умерли и сколько ещё живы. Согласно этому выплачиваются квоты. Я иду туда, таким образом, осведомляюсь у страхового общества; согласно их расчётам должно получиться в результате, умру ли я в 1920-ом году.

Это, конечно, абсолютная бессмыслица. Но такая же бессмыслица, когда хотят вывести необходимость одного события из другого, понимание причины, которая должна привести к этому событию. И этим я затрагиваю одну тему, которая, правда, далеко не лёгкая по той причине, что именно в этой области господствуют самые вывихнутые идеи, поскольку в этой области проявляется ещё не слишком много воли для понимания этих вещей.

Дело в следующем: если есть желание прояснить, как раз, этот затронутый здесь вопрос, то надо обратить внимание на то, что, если где-нибудь что-нибудь появляется, то оно появляется под влиянием определённых обстоятельств. В ряду этих обстоятельств всегда приходишь к тому пункту, где в мире есть начала, настоящие начала. Если вы сегодня видите какое-то деревцо, которое ещё мало, то вы знаете: позднее оно будет больше. Это большое деревца развивается из его малости с необходимостью. И через некоторое время вы можете сказать: это необходимость, что это деревцо так развилось; я мог видеть, как это развивалось с необходимостью из совсем малого, развивалось из земли, возможно, в виде первых движущих сил. Если я ботаник, то я могу видеть, что через некоторое время с необходимостью должно возникнуть большое дерево. Но если семя упало не туда, не на то место, как тогда? Возможно это сделал какой-то человек. Если бы он этого не сделал, то это было бы тем пунктом, где эта необходимость была бы не включена. Но теперь там должна эта необходимость начаться. И, скажем, у вас здесь мощный дуб - в действительности, ведь, его там нет, - вы смотрите на него и восхищаетесь им. Этот дуб, разумеется, был маленьким деревцом, он с необходимостью развился из маленького деревца. Но предположим, какой-то никчёмный мальчишка, или - пардон, чтобы не быть невежливым - какая-то никчёмная девчонка, когда это деревцо было ещё совсем маленьким, появился на том месте, где стояло

это деревцо, и вырвал его: благодаря этому, вся эта необходимость была сведена к нулю. Эту необходимость вы можете убрать также и негативным образом.

Отправные точки, где начинаются необходимости, возникают для соответствующего действительности мышления, это является существенным. Но к этим отправным точкам нельзя прийти, если рассматривать только внешний ход фактов. К ним приходят только тогда, когда можно, по крайней мере, ощутить духовные основания. Поскольку так же, как вы здесь имеете букет роз, и, когда вы его представляете, он дает абстрактному человеку идею, которая представляет реальность - потому что букет роз для него действителен, а его представление представляет действительность, - так для оккультиста букет роз, когда он его представляет, это вообще ничего реального, поскольку букета роз не существует; розы могут существовать, только если они вместе с корнями вместе с почвой, и так далее. Действительное представление не даётся, если с самого начала копируется нечто внешнее, а это переживаемое представление берётся из действительности. Но это переживаемое представление получается также и в отношении внешней чувственной действительности только естественно-научному рассмотрению.

Таким образом, также и для какого-то мирового исторического события даётся какое-то действительное представление только в том случае, если это мировое историческое событие можно охватить взглядом духовно-научно. Тогда обнаруживается, что оно позволяет проследить себя в отношении своей необходимости. Тогда действительно обнаруживаются его разветвления, его корни. Но что-то делается только этим конкретным следованием корням, - не общей констатацией абстрактной необходимости. Например, если бы определённые события в восьмидесятых годах 19-го столетия были другими, то были бы другими и события 1914-го года. Но это, как раз, и важно, чтобы поступать не так, как это делают историки: сейчас происходит нечто, что является следствием предыдущего, а то, в свою очередь, - следствие предшествующего предыдущему и так далее. Тут доходят не просто до начала мира, а ещё дальше, до полного ничто. Так одно представление нагромождают за другим. Не это важно, а конкретное следование этой вещи на предмет действительных корней. Как где-то начинается корень растения, так где-то начинаются и события. Если семена не посажены, то не возникнут и события. Этим я затрагиваю тему, которую я сегодня, разумеется, не смогу исчерпать. В следующее воскресенье мы ещё должны будем говорить на эту тему, которую я хотел бы обозначить следующим образом: не смотря на рассмотрение необходимости, ни одно событие не необходимо абсолютно.

Действительно необходимо, чтобы современное человечество, также и в отношении настроения, вышло из этой ужасной догмы, которая пронизывает сегодня так называемую науку, чтобы эти вещи воспринимались серьёзно. Я хочу привести вам подходящий пример. Им я хочу завершить сегодняшнее рассмотрение. В Цюрихе и Базеле я пытался дать понять, что бессмысленно рассматривать мировые исторические события одно за другим, как будто одно вытекает из другого. Я сказал, что это абсурд, когда одно событие вытекает из другого, рассматривать одно только как вытекающее из другого. Это похоже на то, будто у меня здесь был источник света, который сначала освещает объект «а», а затем освещает объект «b» и, наконец, освещает объект «с». Тогда в своём наблюдении я вижу освещенным сначала «а», затем «b», затем «с», тогда как источника света я даже не замечаю. Теперь я бы сделал ошибку, не так ли, если бы, увидев сначала освещенным «а», затем «b», я сказал бы, что «b» освещено из «а»; и затем, увидев освещенным «с», я сказал бы, что «с» освещено от «b». Я сказал бы что-то совсем неверное, поскольку освещение «b» и «с» не имеет никакого к этому отношения, а они освещаются от общего источника света. Я использовал этот пример для объяснения исторических событий.

Теперь предположим, что кому-то это понятие, эта идея, которую я этим дал, покажется привлекательной. Возможно, что также выросшее на антропософской почве понятие покажется привлекательным. В последнее время даже то там, то здесь случалось, что, как раз, противники брали эти понятия и использовали их со своей стороны. Некоторые даже стали противниками потому, что нечто подобное надо было критиковать. То есть, могло быть

и так, что и с антропософской стороны принесённая аналогия могла быть не такой уж и бессмыслицей. Предположим, что некто подхватил это, но затем выдвинул в другом контексте, нежели это сделал я; он представил это догматически, - а не симптоматически, как я, - с другим настроем, и я слышал на одной лекции, в которой он сказал: Это совершенно неверно представлять последовательность причины и следствия, если всё время говорить, что действие «b» является следствием причины «a», действие «c» - следствием причины «b» и так далее; поскольку тогда делается та же ошибка, как если бы кто-то сказал, что когда освещаются «a», «b» и «c», то «b» освещено в следствии «a», а «c» - в следствии «b». Когда я это слышу не в том же контексте, как это делал я в Базеле и в Цюрихе, то я, вероятно, мог бы возразить из его контекста: Но если дело обстоит так, что «a», «b» и «c» являются, так называемыми материалами послесвечения, - есть, ведь, такие материалы, которые ставятся перед каким-то источником света, а затем начинают светиться сами, так что источник света может быть удалён, - если тогда «a» действительно начинает светиться, освещая «b», а «b», в свою очередь, освещает «c»: тогда эта история может быть такой, что «b» светится как следствие свечения «a», а «c» светится в следствии свечения «b». То есть, вся аналогия может быть очень ломкой, если её представляет тот, кто в продолжении своей лекции не показал, что понятия для действительности в духовной жизни являются будто фотографиями. Если фотография делается с одной стороны, то она будет выглядеть совсем иначе, чем если бы эта фотография делалась с другой стороны. Если действовать без такой предпосылки, если при этом не ведут к соответствующим действительности понятиям, так чтобы эти соответствующие действительности понятия всегда являлись перспективными понятиями, то при определённых обстоятельствах можно с тем же самым, что абсолютно верно, если иметь в виду это перспективно, говорить бессмыслицу, говоря это как абсолютное.

В этом разница, исходит ли человек из действительности, или он исходит из понятий. Когда кто-то исходит из понятий, он всегда будет впадать в односторонность. Если же кто-то исходит из действительности, то он может - поскольку он не может иначе, как пользоваться понятиями, а каждое понятие односторонне, - то он, разумеется, может и должен представлять односторонние понятия. То есть, вы видите, важно полное изменение душевной жизни, глубокое изменение душевной жизни. Поэтому, конечно, совершенно не трудно критиковать многочисленные понятия, принесённые мной. Я не знаю, появилась ли одна их этих критик, но то, что надо критиковать, я буду критиковать сам.

Нужно осознавать, как представление относится к действительности. Только тогда вы получаете возможность проникнуть в реальность, иначе вы всегда будете спорить о представлениях. И сегодня весь мир спорит о представлениях в социальной сфере, пусть этот спор и трансформировался во внешние действия. А споры о внешних представлениях очень часто выливаются во внешние действия. Эти вещи вводят в большую интимность, интимность духовной жизни. Но эти вещи надо обдумать, если хочешь понять бытие.

После того как я сегодня привлек ваше внимание к таким вещам более теоретически, в следующий раз, когда я буду говорить о временной истории с этой точки зрения, я покажу, в какой степени было необходимо, чтобы произошли определенные события; а что эти события были вовсе не нужны, и могли наступить совсем другие события. События, от катастрофического характера которых мы все страдаем, совсем не должны были произойти. Обсуждение этого важного вопроса мы хотим продолжить в следующее воскресенье.

ВТОРАЯ ЛЕКЦИЯ
Дорнах, 9 декабря 1917 года

Как я уже заметил, в эти дни мы будем проводить рассмотрения, касающиеся исторической необходимости и свободы, которые достигнут своего пика завтра или послезавтра, - достигнут своего пика в том, что должно будет показано, в каком смысле необходимо какое-то историческое событие, и в каком смысле какое-то историческое событие или вообще что-нибудь, душевно захватывающее человеческую жизнь, могло бы быть другим. Эта проблема, которая в настоящее время, когда такие значимые события вторгаются в человеческую жизнь, имеет особенно глубоко идущее значение. Поскольку перед лицом печальных, катастрофических событий современности каждый человек должен поставить себе вопрос: Насколько такие события и, как раз, это событие, зависит от определённой необходимости, и насколько это также могло произойти иначе, насколько оно могло бы приобрести другой вид.

Как было сказано, в эти дни мы попытаемся ответить на этот всеохватывающий вопрос теми средствами, которые в настоящее время можно иметь в подлежащих публичному обсуждению оккультных основах. Но мы должны исходить из всеохватывающего рассмотрения человеческой жизни. Мы должны углубиться с определённой стороны в саму человеческую природу. Этому мы должны позволить предшествовать. Поскольку, как вы, вероятно, могли узнать из в последнее время прочитанных публичных лекций, в человеческую жизнь постоянно вмешиваются силы того мира, в котором человек находится в период между смертью и новым рождением. Гораздо интенсивнее, чем думают, на жизнь влияют силы, в которые помещён человек в качестве, так называемого, мёртвого. Мы - в последний раз я обращал на это внимание больше, так сказать, физически, - мы как люди устроены так, что, по сути, порог между обычным физическим миром и духовным миром проходит прямо через нас. Если взглянуть на нашу обычную жизнь и то, что мы рассматривали в прошлый раз более физически, рассмотреть сегодня более с душевной точки зрения, то можно сказать: наша человеческая жизнь, когда мы воплощены здесь, в физическом теле, протекает так, что, прежде всего, в нас действительно всё, что можно пережить в течение нашей жизни посредством наших органов чувств, всё, что простирается вокруг нас как чувственно воспринимаемый ковёр, и о чём мы получаем информацию через наши органы чувств. На этом мире строится затем всё, что мы вырабатываем из этого чувственного мира, но во что также, независимо от этого чувственного мира, мы можем проникнуть в нашей жизни представлений. Но если мы объединим жизнь чувств и жизнь воображения, то мы в принципе уже имеем все, чем мы живем с нашим обычным бодрствующим сознанием. Если же мы обобщим жизнь чувств и жизнь представлений, то, по сути, мы уже получим то, в чём мы живём в нашем обычном бодрствующем сознании.

С момента, когда мы пробуждаемся, до момента, когда мы засыпаем, мы в действительности полностью бодрствуем только в наших чувственных впечатлениях и в наших представлениях. В наших чувствах, в нашей жизни чувств мы, собственно, не бодрствуем в полном смысле этого слова. И между жизнью представлений и жизнью чувств для обычного сознания довольно незаметно лежит порог. Поскольку то, что пронизывает нашу жизнь чувств как более глубокая реальность, собственно, в действительности совершенно не доходит до сознания. До сознания доходят сами чувства. Эти чувства поднимаются из подсознательного мира, но сознание имеет дело с этими чувствами не больше, чем мы имеем дело нашим сновидениями во сне. Поэтому и в публичных лекциях здесь в Швейцарии можно теперь сказать: Когда человек живёт своей жизнью чувств, он, собственно спит, видя сны. Эту жизнь сновидений распространяется и на нашу бодрствующую жизнь. От засыпания до пробуждения мы, собственно, всегда находимся в сновидении; но только наиболее сильно связанные с нашим физическим бытием сны доходят до сознания или до воспоминания. Сновидения идут через всю жизнь во сне дальше, и лишь в более глубоких слоях нашего сознания мы спим, как бы, без снов. Но эта сновидческая и спящая без снов жизнь переходит также и в нашу бодрствующую жизнь. Жизнь сновидений входит в нашу жизнь чувств, в жизнь аффектов. И о действительности, о действительном содержании в обычном сознании, в неясновидческом сознании, мы знаем о нашей жизни

чувств не больше, чем мы знаем о том, что происходит, когда перед нами протекают картины жизни сновидений. Поэтому можно также сказать, что содержание того, что называют «историей» человек не переживает в бодрствующем сознании, а сновидит. То, чем является история, для человека - космос. Поскольку импульсы, живущие в истории, живут, собственно, в импульсах чувств и аффектов; человек сновидит, переживая историю. Таким образом, жизнь чувств лежит уже под порогом собственно бодрствующего сознания. Также и в этом душевном отношении граница между сознательной и подсознательной жизнью проходит через человека.

А в волевой жизни человек спит полностью. Поскольку то, что, собственно, живёт в воле, человек в обычном сознании не знает. Его обычное сознание живёт в реальности, которая высказывается в воле так же, как она живёт в глубоком сне. Сознательно человек прослеживает, собственно, только то, что уже перешло из воли в действие; в этом человек бодрствует, в осуществлении воли он бодрствовать не может. Поэтому философы постоянно спорят о свободе и несвободе воли, поскольку они не могут проникнуть в область, - которая может быть увидена только ясновидческим сознанием, - из которой воля, собственно, и получает свои импульсы. Таким образом, я подчёркиваю это ещё раз, также и в душевном отношении для человека порог между собственно бодрствующим физическим миром и миром, остающимся в подсознании, лежит внутри самого человека.

Итак, в нашу жизнь, насколько она является жизнью чувств и воли, то есть, проходит в снах и просыпается, вторгается всё то, что человек сопереживает между смертью и новым рождением. Переживания умерших, собственно, находятся в мире, в котором живём также и мы, когда чувствуем или волим. Только в обычном сознании мы не знаем те реальности, которые живут в чувствовании и волении. Если бы мы проживали лежащее в основе жизни чувства реальное, лежащее в основе жизни воли действительное, так же, как мы проживаем, бодрствуя, действительное чувственное восприятия и представления, - представления уже меньше, но ещё в определенной степени, - тогда умерший, человек, прошедший через врата смерти, будет так же находится рядом с нами, в постоянной связи с нами, как и тот, кто ещё пребывает с нами на физическом плане так, что мы можем получать от него впечатления в бодрствующем сознании через наши чувства и через нашу жизнь представлений. То, что живёт в импульсах умерших, постоянно вносится в жизнь наших чувств, в жизнь наших волевых импульсов. И только потому, что мы это проживаем в сновидении и просыпаем, мы чувствуем себя разделёнными с умершими, с которыми мы были связаны.

Но, по сути, мир, в котором живут, так называемые, умершие, также довольно отличается от того мира, в котором живём мы, когда воплощены в физическом теле. Поскольку, спросите себя в полном рассудительности состоянии: Что, собственно, имеет место быть для бодрствующего сознания, для не ставшего ясновидческим сознанием, во время от пробуждения до засыпания? Имеет место быть только то, что может быть пережито в мире, который распространяется как ковёр чувств, и в мире, который который мы создаём для себя посредством наших представлений из этого чувственного мира. От этого мира, прежде всего то, что принадлежит к, так называемому, минеральному царству, для чего необходимы органы чувств, чтобы его воспринять, для умершего непосредственно ничего нет. К этому минеральному миру принадлежат, например, также звёзды, Солнце Луна, принадлежит вообще всё то, что воспринимается чувствами, и к тому же принадлежит большая область растительного мира. Это области, которые не открыты духовному и душевному зору умершего.

Напротив, душевному оку умершего уже открывается мир, который также более или менее бессознательно лежит перед нами, когда мы направляем свой взгляд - здесь, правда, посредством взгляда, завуалированного чувственным миром, - на мир животных. Животный мир, то есть, мир импульсов, сил, живущих в животных, для умерших является низшим миром, точно так же, как для нас в физическом теле низшим является минеральный мир. Как для нас строится растительный мир, который вырастает из минерального мира, так для умерших на основе, которая живёт в животном мире, строится человеческий мир, -

человеческий мир как душевный мир. И как для нас животный мир образует только третью категорию, после минерального и растительного мира, так для умерших следующими близлежащими царствами являются царства Ангелов и Архангелов и так далее.

Всё окружение, в которое помещён умерший, поэтому является другим, нежели окружение, в котором мы живём в физическом теле. Ведь, представьте себе: из того мира, который вы воспринимаете в своём физическом теле, о котором вы создаёте себе представления в своём физическом теле, исчезает всё, что вы воспринимаете чувствами: для неясновидческого сознания вообще остаётся поначалу только нечто из того, что может собой представлять мир сновидений, что можно только сновидеть, что может жить в сознании не сильнее, чем сновидение.

Это различие, однако, будет более отчётливым, если мы взглянем на него ещё другим образом. Существенной характеристикой нашей жизни в окружающем мире, пока мы воплощены в физическом теле, - хотя внутренне дело обстоит по-другому, мы знаем это из других лекций, - является то, что мы, вступая в связь с минеральными и растительными существами, можем осознавать: этим существам сравнительно всё равно, что мы с ними делаем. Мы, ведь, действуем также под влиянием этих только что высказанных мыслей. Мы спокойно разбиваем камни и поначалу имеем сознание, что мы не причиняем боли этому камню или не вызываем у него никаких желаний. Вы знаете, внутренне дело обстоит по-другому. Но пока мы, люди, стоим в соприкосновении с минеральным миром, мы с определённым правом думаем: Удовольствие и боль не возникают сразу, когда мы разбиваем камень или делаем что-то подобное.

Сходным образом мы ведём себя по-отношению к растительному миру. И очень редко встречаются люди, которые, например, ощущают, своего рода, боль, своего рода, сочувствие, когда срывается какой-нибудь цветок. Люди, которые в определённом смысле предпочитают всё же розы на кусте, чем букет роз в комнате, встречаются не часто. Только в отношении животного мира мы начинаем связывать наше человеческое с окружающим миром. И повторю, люди, которые пусть и с очень отдалённо похожим чувством срывают розы с куста, как они срывали бы головы с животных, чтобы сделать букет, - такие люди среди современных людей редки. Даже среди антропософов, я обнаружил, что не все всегда предпочитают розы на кустах, хотя чувство развито настолько, что ещё никто в этом зале не дарил мне, например, букет из голов соловьёв! Тут мы начинаем чувствовать, как жизнь, которая распространяется в нас самих, продолжается в окружающем нас мире.

У умерших это не так. Для умерших в окружении нет ничего, относительно чего он не мог бы иметь чувства, что если он пошевелит хоть пальцем - это сейчас говорится полностью символически, образно, - если он произведёт хоть какую-то акцию, то есть, посредством всего того, что умерший делает, в окружении возникает удовольствие и страдание. Он не приходит в связь с окружением без того, чтобы ни пробуждать удовольствие и страдание. Когда вы делаете что-то, после того, как прошли врата смерти, через то, что вы делаете всегда где-то возникает боль или радость, расслабление или напряжение чего-то, что подобно жизни чувств. Когда вы стучите по столу, то у вас есть чувство, что столу не больно. Умерший же не может выполнить никакое действие без того, что он знает: он живёт и действует не просто в живом, а в чувственном живом, чувственное возбуждение простирается на всё его окружение.

С другой стороны, вы найдёте это описанным в соответствующей главе мой «Теософии». Этот чувственно-возбуждённый мир живёт, таким образом, наверху, в животном мире на самой нижней ступени. И как мы знакомы с определённой внешней стороной минерального мира посредством восприятия наших чувств, так умерший знаком с внутренней стороной - не с внешней стороной, а с внутренней, - животной жизни во всём своём мире. Это самое нижнее основание, на котором он живёт, на котором он построен, на котором он строит своё бытие. И большая часть работы умершего состоит в том, чтобы привести себя в непосредственную связь с миром животно-живого.

Как здесь, начиная с детства, мы входим в связь с миром минерально-мёртвого, так после смерти мы живём в постепенно растущей, расширяющейся связи с миром животно-живого. С ним умерший знакомится во всех отношениях. С ним умерший знакомится, когда поступенчато проникает во все тайны, которые здесь для него душевно скрыты как то, что дремлет под его жизнью чувств; поскольку это то же самое.

Само собой разумеется, что вопрос вроде того, что я сейчас поставил, не может считаться по-настоящему научным вопросом. Но он всё же может указывать на нечто такое, что находится позади реальных связей. Можно спросить, почему же, собственно, здесь в физическом мире многие вещи скрыты от человека, если повсюду царит всепроникающая мировая мудрость. Можно спросить, почему скрыто то, во что должен быть посвящён умерший: в тайны строения всего животного мира.

Как раз, тогда, когда человек пытается ответить на подобный вопрос, он подступает к глубочайшим тайнам бытия вообще. И этим вопросом мы также должны немного заняться в этом рассмотрении. Но сначала мы взглянем на то, что же, собственно, представляет собой эта внутренняя сторона животной жизни.

Тут, чтобы не быть теоретическим, я, вероятно, прежде всего, оттолкнусь от одного временно-исторического факта. Вы знаете, что человеческое историческое сознание определённым внешним образом испытало в Новое время одно изменение, благодаря дарвинизму. Была сделана попытка найти силы, посредством которых организм развился бы от, так называемых, несовершенных состояний к совершенным. Дарвинисты, ведь, многое называли: прежде всего, принцип целенаправленного отбора, принцип адаптации к условиям и так далее. Я не хочу утомлять вас этими вещами, которые можно прочесть в каждом учебнике по дарвинизму, даже в каждом лексиконе. Но я хочу указать на то, что это внешние, абстрактные принципы; что для того, кто смотрит глубже, этим ничего не говорится. Когда говорят, что усовершенствование происходит благодаря тому, что выбираются наиболее приспособленные, а остальные постепенно вымирают, в то время как выживают самые приспособленные, то из этого не становится ясно, что же, собственно, происходит. Этим, конечно, ничего не говорится о силах, об импульсах, которые, собственно, живут в животном царстве, чтобы животные совершенствовались и могли соответствующим образом устраивать свою жизнь в обычном современном мире.

Что же в действительности действует в силах, о которых говорится как о силах селекции, как о силах чисто механической целесообразности и так далее? В них действуют умершие. Это принадлежит к самому удивительному и захватывающему опыту, который может быть сделан в кругу умерших, когда человек подходит к тому, как - точно так же, как здесь есть кузнецы и плотники и другие, которые вручную работают в механическом мире и, благодаря этому, создают здесь физически-чувственную основу жизни, - в духовном мире, начиная с животного царства и выше, работают умершие. В то время как животное царство здесь является во многих отношениях таким, что человек воспринимает его как более низкий, а минеральное царство лежит ещё ниже, основой работы умерших является продвижение животного царства. Поэтому умерший, как бы, вживается во все умения, которые были для него скрыты в жизни между рождением и смертью.

Здесь мы приходим к пункту, который в наше время во многом сохранился в тайне братствами, которые отчасти по праву, отчасти не по праву, считали, что остальные люди ещё не созрели для таких вещей. Когда человек учиться познавать то, что в животной природе относится к миру мёртвых, когда он осматривается там, то всё там является чувственно-живым². Человек также и в своей душе имеет чувственно-живое. Но как? Между рождением и смертью он имеет это так, что, если бы оно не было включено в его бессознательное, лежащее между рождением и смертью, человек мог бы в любое время использовать это чувственно-живое для уничтожения прочего чувственно-живого в мире. То есть, подумайте только, что это, собственно, значит! Вы сами в своей личной жизни живёте как нечто

²Живым как чувствующим. Прим. пер.

чувственно-живое, которое, однако, заключено в границы, очерченные для физического человека. Если бы люди в общем имели бы это в свободном распоряжении, - антропософы в этом отношении уже более культивированы, - то человек мог бы в любое время разрушать лежащее вокруг него чувственно-живое, используя силы, которые там скрыты. Животная природа в человеке поначалу, и даже в преобладающем смысле, разрушающая, и она даже предназначена для разрушения. И когда человек проходит врата смерти, то первой его задачей является выбрасывание из своей души всех импульсов, которые тогда высвобождаются таким образом, что очень многое предрасположено, собственно, к тому, чтобы разрушать живое. Убивать живое. И можно сказать, что к тому, чему должен учиться умерший, прежде всего принадлежит святое почтение, уважение всего живого.

Это святое почтение перед всем живым является тем, что можно наблюдать как естественное развитие умершего. Как мы с глубоким интересом следим за ребёнком, который естественным образом развивается с раннего возраста, постепенно, изо дня в день, из недели в неделю, как мы следим за тем, как у этого ребёнка душевное овладевает плотско-телесным, как мы радуемся тому, что тогда происходит, без того, что участвует, так называемая, свободная воля, что происходит тут посредством чисто психически-органических сил, так мы снова, если мы будем дальше следовать за умершим человеком в его жизни после дня его смерти, имеем видение поначалу не подвластному свободной воле вживания в святое почтение ко всему, находящемуся в окружении живому. Это, как бы, нечто такое, что происходит в умершем будто некая внешняя сторона, как у ребёнка происходит в качестве такой внешней стороны то, что он растёт, что его черты становятся более выразительными. То, что так внешне к нашей радости растёт в ребёнке, это растёт в умершем, когда мы обнаруживаем в нём всё более и более сильно излучаемое возвышающее святое почтение ко всему живому.

И в этом отношении жизнь после смерти весома отличается от жизни здесь. Жизнь здесь, как раз, скрывает за завесой то, во что умерший должен углубиться. Мы воспринимаем мир посредством наших чувств и выводим для себя определённые законы, которые мы называем природными законами, согласно которым мы строим затем вокруг себя наши механические инструменты, наши приборы. То, что мы выстраиваем вокруг себя как мир согласно законам природы, является, по существу, миром смерти. Даже растение, даже дерево мы должны убить, если хотим поставить его древесину на службу наших механических искусств. И это принадлежит, в свою очередь, к потрясающим познаниям, что всё то, чему нас учат наши чувства, когда мы применяем это посредством своей воли, является разрушительным и никак не может быть ничем иным как разрушительным.

Даже если мы создаём что-то как искусство, мы принимаем участие в деятельности мира разрушения. То, что мы тут строим, первоначально выходит из разрушения. Хорошая мировая мудрость лишь заставляет нас, людей, поначалу уклоняться от использования всего живого, начиная с животной природы и ниже, на службе механического искусства. Однако в определенном высшем смысле в мире, собственно, живёт всё. Это вы уже можете узнать из различных представлений, которые были даны в продолжении лет. Но что мы, собственно, делаем, когда ставим на службу механического искусства то, что мы воспринимаем нашими чувствами и комбинируем посредством нашего разума? Мы постоянно вносим в жизнь смерть. Даже картина Рафаэля не могла бы появиться без этого внесения смерти в жизнь. До появления картины Рафаэля, живёт большее, чем после её появления. Скидка вселенной состоит только в том, что приходят души, которые наслаждаются этой рафаэлевской картиной, которые получают некий импульс, некое впечатление от этой рафаэлевской картины. Импульс, впечатление, которое получает творящая или наслаждающаяся душа, это единственное, что может помочь преодолеть действие смерти - даже в том случае, когда создаются высшие блага, так называемые, высшие блага человечества здесь, на физическом плане. Земля в основном будет разрушена, благодаря тому, что люди в таком большом объёме вносят в Землю смерть со своими механическими искусствами. Она больше не сможет жить, поскольку смерть перевешивает то, что может быть спасено после гибели физической Земли

и перенесено в мир Юпитера. Но из того, что создал человек, вплетая в жизнь смерть, он снова получит душевное содержание, которое он перенёс теперь в мир Юпитера.

Больше, чем можно сказать, смерть постоянно вплетается в самую человеческую деятельность, поскольку эта человеческая деятельность между рождением и смертью тесно переплетается с чувственным бытием, больше, чем можно сказать, смерть, разрушение живого постоянно вплетается в жизнь. Правда, на том, что в жизнь вплетается смерть, вообще основано возникновение сознания, и человек не смог бы выполнить свою земную задачу в отношении сознания, если бы он ни был призван к тому, чтобы вплетать в жизнь смерть. Даже внутри себя мы убиваем в данный момент жизнь в нервах, которыми мы хотим представлять. Поскольку по-настоящему живой нерв не может представлять. В нашей нервной жизни мы постоянно умираем, - это я говорил в публичных лекциях в последнее время.

В этом отношении жизнь между смертью и новым рождением полностью противоположна. Там речь идёт о том, что человеческая душа полностью вживается в состояние святости по отношению к живому, всё больше и больше вживается в это проникновение живым. Таким образом, жизнь между рождением и смертью связана со смертью, а жизнь между смертью и новым рождением связана с жизнью целого. Поскольку только благодаря тому, что человек умирает и из духовного мира посылает свои импульсы в жизнь животных, на Земле живёт мир животных.

Второе, во что вживается после смерти человек, это царство самих человеческих душ, - неважно, воплощены ли эти человеческие души в физические тела, или они уже прошли врата смерти. После смерти, когда человек выполняет какую-то акцию, он имеет по отношению к животному миру чувство: что-то приносит радость, или что-то причиняет боль какому-то существу или, по крайней мере, чему-то существенному. Он знает: если ты применяешь свою духовную силу, то ты натыкаешься на что-то живое.

Здесь больше общая жизнь в живом. В отношении того, что вступает в нашу сферу, в человеческую сферу, когда мы мертвы, дело обстоит так, что, когда с нами связывается другая душа после того, как мы прошли врата смерти, то, через тот способ, которым мы вступаем в связь с этой душой, мы тогда чувствуем, что наше собственное чувство жизни либо усиливается, или ослабляется. С одной душой, независимо от того, находится она на Земле или в духовных мирах, мы вступаем в связь так, что чувствуем, что становимся внутренне сильнее, после определённого совместного пребывания с ней наши внутренние силы становятся сильнее, мы, как бы, оживаем. Мы встречаем какую-то душу и чувствуем, что пробуждаемся рядом с ней больше, чем были пробуждены до неё. В нас с определённой силой вливается жизненная интимность с этой душой. При знакомстве с какой-то другой душой мы становимся слабее в каком-то направлении силы; она в некоторой степени приглушает нашу жизнь. И в этом состоит совместная жизнь с душами, что мы чувствуем нашу собственную жизнь живой в соединении с другими душами.

Как люди между рождением и смертью мы проживаем нашу чувственную и волевою жизнь и совершенно не знаем, что посредством волнения нашей чувственной и волевой жизни, которую мы просыпаем и проводим в сновидении, живут души умерших. Они всегда здесь; они живут в нашей собственном проявлении чувств и воления, и они живут так, что они участвуют в этой жизни. В то время как мы с нашими чувствами некоторым образом переживаем окружение всё же как нечто внешнее, в наших чувствах и в наших волевых импульсах умершие живут вместе с нами, будучи связанными с нами интимнее, чем мы связаны с нашим окружающим миром, пока воплощены физически.

Но это происходит так, что эта жизнь, это переживание, лучше сказать, внутреннее бытие этой жизни умерших постепенно и медленно развивается, а именно, согласно тем отношениям, которые установились здесь в жизни. Конечно, после смерти мы вместе со всеми душами, это верно, но мы ничего не знаем об этом. Медленно и постепенно устанавливаются связи, а именно с теми душами, с которыми мы были связаны в жизни между рождением и смертью. Новые связи, первоначальные связи человека с другими

людьми в жизни между смертью и новым рождением, первоначально, непосредственно, он установить не может. Если мы здесь кого-то любили, или кого-то ненавидели, то есть, были с ним в какой-то позитивной или негативной связи, то это снова выступает из некой серой духовной глубины в постепенном оживании жизни после смерти так, как я это обрисовал, что мы живём внутри этих душ.

И так большая часть этого переживания, этого внутреннего бытия жизни умерших, состоит в том, что постепенно из серой духовной глубины появляется всё то, что было в качестве связей с другими душами из последней или предпоследней, или более ранней жизни. Это может расширяться дальше, расширяется для некоторых умерших сравнительно очень рано, сразу же после смерти, но всё же опосредованно.

Может быть так, что кто-то умирает; он вступает в связь, в какую-то связь с какой-то душой, которая либо ещё пребывает на Земле, либо пребывает в духовном мире. Эта связь в своей действительности выступает для него после смерти снова описанным выше образом. Но эта душа, с которой он был в связи, имеет связи с другими душами, с которыми он, возможно, не состоял в связи ни в какой жизни между рождением и смертью. Тогда, не напрямую, а опосредованно, к этому, так называемому, мёртвому могут подступить и войти с ним в связь и такие души. Только тогда это никогда не бывает непосредственными связями, как я уже сказал, а они всегда опосредованы другими душами, с которыми человек был кармически связан посредством физической жизни. Связь с такими душами, с которыми она не была установлена в физической жизни, всё же всегда другая, и она опосредуется душами, с которыми была связь в физической жизни.

Вы можете также легко себе представить, что вначале имеют место быть непосредственные связи, а затем — опосредованные. Но, благодаря тому, что по всей Земле все души всё-таки более или менее связаны друг с другом, человек в своей долгой жизни между смертью и новым рождением, по крайней мере опосредованно, входит во многие отношения, действительно вживается в широкий круг отношений с другими душами, если учитывать эти опосредованные связи. Это вживание в другие души мы имеем в себе всегда, также и тогда, когда стоим здесь на Земле. Мы снова и снова жили в духовном мире вместе с бесчисленными душами. Это ощущение единства со всеми душами, которое абстрактная философия и описывает абстрактно как абстрактное единство, имеет очень конкретную форму: собственно, едва ли по всей Земле имеются души, с которыми не было бы по крайней мере далёкой, опосредованной связи.

Эту вещь надо воспринимать так конкретно, как это возможно, тогда с ней приходишь к реальности. То, что умерший так переживает, является, таким образом, постепенным вращением. Вращением в мир, который, однако, является основой его кармы в самом широком смысле. Внутри этого мира всё становится, как бы, светлее и ярче, когда мы переживаем всё более и более богатые вещи в этом втором царстве, который строится на животном царстве, точно так же, как наше переживание растительного царства строится на царстве минерального. Вы переживаете всё более и более богатые вещи.

Если вы представите себе это переживание во всех конкретных связях, то получите многое из того, что пронизывает души умерших между смертью и новым рождением. Поскольку, ведь, с этим переживанием связаны все мысли, которые кармически как-то связывают нас с другими душами. В этом лежит бесконечно богатый мир. И в существенном - это вы можете увидеть уже из цикла о жизни между смертью и новым рождением - в первой половине жизни между смертью и новым рождением дело обстоит так, что развитие является наполненным большей мудростью. Человек мудро вживается в отношения, которые он постепенно извлекает из серой глубины духа; он мудро вживается в них.

В основном из того, что я в Мистериях назвал «полуночный час бытия», нити протягиваются ко всем прямым и опосредованным кармическим связям, к которым они могут протягиваться. Затем происходит обработка. Тогда в человеческую душевную жизнь вступает элемент силы, больше похожий на волну, но только похожий, не тот же самый. Этот сходный с волей элемент силы делает человека сильнее и сильнее. Прежде всего, он усиливает в нём

импульсы, которые добавляются к мудрому восприятию мира как сходные с волевыми элементами, - сходные с волевыми импульсами в виде силовых импульсов.

Теперь выступает нечто странное. Во второй половине жизни между смертью и новым рождением в человеке просыпается определённая воля. Если понаблюдать за этой волей, - особенно у тех людей, которые из-за каких-либо обстоятельств имеют сравнительно короткую жизнь между смертью и новым рождением, укороченную жизнь, - то выявляется странное волевое направление, которое можно охарактеризовать тем, что говорят: Выступает воля, которая некоторым образом стирает следы жизни, следы кармы.

Я прошу вас это ясно понять. Такая воля: стирать следы кармы, усиливается в человеке всё больше и больше. Это стирание следов кармы связано с глубочайшими тайнами человеческой жизни. И если бы человек всегда имел полный обзор мудрости, который он может иметь вскоре после своей смерти, то бесчисленное множество людей предпочли бы лучше стереть следы своего бытия, нежели войти в новую жизнь на Земле. Переработка предыдущих земных жизней в кармическом отношении, которую мы, ведь, осуществляем, в существенном может развиваться только благодаря тому, что во второй половине жизни между смертью и новым рождением мы затуманиваемся, парализуемся определёнными существами более высоких иерархий, так что наша деятельность, наши волевые импульсы всё больше и больше ограничиваются. И можно только сказать: цель заключается в том, чтобы мы создали то, что затем соединяется в течении наследственности с физическим человеческим телом и в этом физическом человеческом теле могли изжить свою земную судьбу.

Однако, полностью человек поймёт эти мысли только тогда, когда он сам взглянет на эту земную судьбу. Насколько всё же эта земная судьба является чем-то сновидческим для земного человека! Как ребёнок он вживается в условия этой земной жизни. То, что называют судьбой, приходит к нему в форме отдельных жизненных опытов. Из ткани, которая образует эти жизненные опыты, образуется нечто такое, что, собственно, является нами самими. Поскольку, подумайте только, кем бы вы были до сегодняшнего дня, если бы не пережили в виде судьбы того, что пережили. Вы уже можете сказать: То, что я пережил как судьбу, - это я сам. - Поскольку вы были бы совершенно другим, если бы пережили другую судьбу.

И всё же, насколько чуждой ощущает человек свою судьбу, насколько мало он чувствует её связанной с тем, что он называет своим Я. В насколько бесчисленных случаях его Я чувствует удары судьбы. Почему? Потому что то, что мы сами вырабатываем из себя в построении своей судьбы, остаётся в подсознательном. То, что мы переживаем, помещается в мир чувственного опыта и в мир представлений. Оно бьёт, ведь, только по нашей жизни чувств. Наша жизнь чувств относится к этому пассивно. Но активно из этой жизни чувств и из этой жизни волевых импульсов проявляет силу то, что мы теперь имеем общим также с царством мёртвых. Но то, что тут проявляет силу и что мы сами делаем бессознательно, что мы просыпаем и сновидим, - это образует нашу судьбу, это мы сами. То, что мы делаем в отношении нашей судьбы, мы просыпаем и проводим в сновидениях. То, что мы переживаем в отношении нашей судьбы, мы, однако, проживаем в бодрствующем состоянии, но опять же только потому, что это остаётся в подсознании. Что же тут, собственно, остаётся в подсознательном? То, что вторгается в виде импульсов из предыдущих земных воплощений и из жизни между смертью и новым рождением чисто духовным образом из царства, в котором также находятся мёртвые, из царства, которое мы просыпаем и про-сновидим. Это одновременно силы, которые также приходят от нас самих. Это силы, которыми мы строим свою судьбу. Мы плетём нашу судьбу из того же царства, которое вместе с нами оживляют мёртвые.

Подумайте, как мы тут срастаемся с царством, о котором мы сейчас в определённой степени знаем, что мы его просыпаем: Как мы это переживаем! - хотя мы ещё не смогли обсудить то, каково это переживание по отношению к существам более высоких иерархий; этим мы ещё займёмся. Но что хотелось бы вызвать таким обсуждением, которым мы сейчас занимаемся, так это то, что царство, так называемых, мёртвых мы приближаем этим к

царству, в котором живём мы сами. И мы осознаём, что мы чувствуем себя отделёнными от мёртвых лишь обстоятельствами, - но не являемся отделёнными от них в действительности, - что нашу жизнь чувств, в которой находятся и мёртвые, и нашу волевою жизнь, в которой также находятся мёртвые, мы про-сновидим и просыпаем.

В этом мире, который мы про-сновидим и просыпаем, лежит, однако, ещё нечто другое, - нечто такое, что человек в обычном сознании, по сути, совершенно не замечает. Иногда он обращает на это внимание, когда сталкивается с особенно вопиющими случаями; но это сенсационные отдельные случаи, которые указывают лишь на то, что жизнь пронизывает непрерывно. Сколько вы сами слышали о таких случаях, как следующий!

Человек привык каждый день совершать прогулку; он совершает её к склону горы. Он делает это каждый день, это то, что ему нравится. Однажды он идёт туда снова. Неожиданно он слышит что-то вроде голоса, но не физического, который ему говорит: Почему, собственно, ты идёшь этим путём? Неужели нельзя обойтись без этого удовольствия? - Примерно так говорит ему этот голос. Тогда он настораживается. Он отходит немного в сторону и обдумывает то, что с ним произошло. В этот момент срывается кусок скалы, который наверняка убил бы его, если бы он не отошёл в сторону.

Это реальная история, но одна из тех историй, которая, я бы сказал, лишь сенсационным образом указывает на то, что постоянно присутствует в нашей жизни. Как часто происходит так, что вы намереваетесь сделать то или иное. Вас останавливает то или это. Представьте себе, как иногда много вещей изменилось бы в небольших переживаниях дня, если бы вы решили выйти из дома в назначенный час, но затем сделали это только полчаса спустя, потому что вас что-то остановило, представьте себе, какие перемены вошли бы в вашу жизнь, и даже в жизнь многих других людей! Это легко можно себе представить. Предположим, однажды вы решили что-то сделать после обеда в четверть четвёртого, тогда вы должны были бы встретиться с другим человеком; вы сделали бы ему какое-то сообщение, а тот, в свою очередь, должен был бы передать его ещё кому-то другому. Вы не делаете это сообщение, поскольку приходите слишком поздно и видите: определённые важные вещи не произошли.

Тут виден мировой порядок другого рода, нежели тот, который мы называем природной необходимостью. В том, что кто-то был задержан при прогулке, поскольку услышал некий голос, из-за которого он отошёл в сторону, что предотвратило падение на него куска скалы, - в этом мы чувствуем вторжение какого-то другого мирового порядка. Но этот другой мировой порядок вторгается, ведь, в каждый момент нашего бытия, - только не посредством таких сенсационных событий. Просто человек привык направлять своё внимание на сенсационное и в этих вещах. Только мы не замечаем этот мир. Почему? Потому что мы направляем внимание на то, что происходит в нашей жизни и в нашем окружении, а не на то, что не происходит, что всегда прерывается, что всегда сдерживается.

С определённого момента духовного переживания то, что не происходит, от чего нас, так сказать, защищают или удерживают, может прийти в наше сознание точно так же, как и то, что произошло. Только это придёт в наше сознание как некий другой мировой порядок. Попробуйте приблизить к своей душе этот мировой порядок, говоря себе: Человек привык видеть только то, что происходит, а не то, чему было не позволено произойти. - То, чего он тогда не замечает, тесно связано с тем царством, в котором находятся умершие, в котором с нашими сновидящими чувствами, с нашей спящей волей, находимся мы сами. П посредством этого мы отделяем самих себя от совершенно другого мира, так, что и в нашу бодрствующую жизнь вторгаются сновидение и сон. И то, что там бродит, живёт и действует под границей, отделяющей наше представление от нашего чувствования, это одновременно то, что включает в себе тайны, которые образуют мост между, так называемыми, живыми и, так называемыми, мёртвыми, но образуют также и мост между царством необходимости и царством свободы, и, так называемым, случаем.

ТРЕТЬЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 10 декабря 1917 года

Я хочу ещё раз коснуться некоторых уже приведённых выше фактов, поскольку они понадобятся нам для продолжения наших рассуждений. Я сказал, что то, что мы можем назвать порогом между обычным чувственно-физическим миром и духовно-душевым миром, также и душевно, лежит в самом человеке. А именно таким образом, что в обычном бодрствующем сознании, которым человек оснащён между рождением и смертью, мы полностью бодрствуем, собственно, только в отношении чувственных восприятий, то есть, восприятий всего того, что приходит к нам через наши чувства, и во вторую очередь, в отношении того, что мы развиваем в представлениях, будь то представления, которые мы делаем о чувственно воспринятом, или представления, которые появляются из нашего внутреннего для понимания, для оживления мира. Уже совершенно обычное самонаблюдение - для этого совсем не требуется ясновидческие способности, - учит нас, что обычное человеческое сознание не может полностью бодрствующим образом охватить больше, чем область жизни представлений и область чувственного восприятия. Кроме того, в самой нашей душе мы переживаем наш мир чувств и наш волевой мир. Но мы говорили, что мир наших чувств мы проживаем лишь приблизительно так, как проживаем сновидение, что эта сновидческая жизнь распространяется на наше обычное бодрствующее сознание, и мы, собственно, как чувствующие люди, являемся сновидцами этой жизни. Поскольку в основании жизни чувств происходят вещи, о которых бодрствующее сознание в представлении и в чувственном восприятии не знает. Ещё меньше бодрствующее сознание знает о действительных процессах волевой жизни. Жизнь чувств человек про-сновидит в обычном бодрствующем сознании, жизнь воли он просыпает. Так что под жизнью наших представлений живёт некое царство, в котором мы помещены сами, и который знаком нам лишь частично, знаком нам только, благодаря волнению, которое прорывается через его поверхность.

Далее мы подчёркивали, что в этом царстве, которое человек про-сновидит, просыпает, вместе с нами живут человеческие души в бытии между смертью и новым рождением. То есть, от, так называемых, мёртвых мы отделены только тем, что мы не в состоянии в обычном сознании воспринимать, как силы мёртвых, жизнь мёртвых, действия мёртвых влияют на нашу собственную жизнь. Поскольку эти силы, эта деятельность мёртвых постоянно пронизывают жизнь наших чувств и жизнь нашей воли. То есть, мы живём вместе с мёртвыми. Поэтому важно в этом нашем настоящем уяснить себе, каким образом духовная наука имеет задачу развить это сознание принадлежности к нам душ мёртвых.

Остаток земного развития не сможет протекать, если он должен протекать на благо человечеству, без того, чтобы это человечество не развило это живое чувство общности с мёртвыми. Поскольку жизнь мёртвых различными обходными путями воздействует на жизнь, так называемых, живых.

И недаром в ходе публичных лекций обращалось внимание на то, как историческая жизнь, как то, что люди проживают исторически, проживают социально, как то, что он проживает в отношении этических процессов среди людей, имеет, собственно, цену сновидения, сна; что импульсы, которые развивает человек, когда он выходит из своей личности, то есть, когда он действует в человеческом сообществе, являются импульсами сновидения, сна.

Люди будут смотреть на историю совершенно по-другому, когда это придёт в их живое сознание. Они уже не будут считать историей ту *Fable convenue*³, которую сегодня обычно называют историей, но они увидят, что историческую жизнь можно понять лишь в том

³Нечто общепринятое, но выдуманное (прим. пер.)

случае, если в этой исторической жизни искать то, что для обыкновенного сознания сновидится, просыпается, во что, как мы видели, вмешиваются импульсы, действия, так называемых, мёртвых. Действия мёртвых переплетаются с чувствами, с волевыми импульсами, так называемых, живых. И это собственно история.

Человек не перестаёт быть деятельным в рамках человеческого общества, если он прошёл врата смерти. Он продолжает быть деятельным, пусть и не так, как он должен быть деятельным здесь в физическом теле. Но многое из того, о чём человек из-за своих иллюзий думает, что он делает это, исходя из своих чувств, исходя из своих волевых импульсов, на самом деле действует до наших собственных дней, когда мы совершаем соответствующие действия, из действий тех, кто уже находится по ту сторону.

Знание того, что человек, в тот момент, когда речь идёт о его жизни в человеческом обществе, также действует в сообществе с мертвыми, будет иметь большое значение для развития людей в будущем. Только, разумеется, такое сознание, которое по существу относится к жизни чувства и воли, должно также быть и охвачено чувством и волей. Абстрактные, сухие представления никогда не смогут охватить этого, но это могут охватить представления, взятые из области духовной науки. Правда, людям придётся привыкнуть о многом образовывать совершенно другие понятия.

Вы, ведь, все знаете, что тот, кто твёрдо стоит в понимании духовно-научных импульсов, может попытаться сохранить связь с теми, кто прошёл через врата смерти. И в мыслях духовной науки, в идеях, которые мы формируем о процессах в духовных мирах, мы имеем такие мысли, которые понятны нам, земным людям, но понятны и душам умерших. И из этого получается то, что мы называем: чтение мёртвым. Когда мы мысленно читаем умершим о материи духовной науки, тогда это действительная совместная жизнь с умершими. Поскольку духовная наука говорит языком, общим и для живых, и для умерших душ. Но речь идёт о том, чтобы всё больше и больше подходить к этим вещам, как раз, с жизнью чувств, с просвещённой жизнью чувств.

Поскольку, обдумайте только некоторое из того, что я говорил вчера. Человек живёт между смертью и новым рождением в окружении, которое, по существу, полностью пронизано не просто живым, а чувствующим живым. Это уже его самое нижнее царство, говорил я. Как для нас бесчувственное минеральное царство является тем, что нас окружает в продолжении нашей чувственной жизни, умершего окружает царство такого рода, что когда он чего-то в нём касается, он вызывает боль или радость. С умершими дело обстоит так, как, если бы нам пришлось в жизни знать, что как только мы прикасаемся к какому-либо камню, прикасаемся к листу дерева, мы вызываем чувства. Умерший ничего не может делать без того, чтобы не вызывать в своём окружении чувства радости, чувства боли. Не вызывать чувств напряжения, чувств расслабления и так далее. Когда мы состоим в связи с умершим, как это случается при чтении ему, тогда для самого умершего выступает та общность, о которой мы также говорили, но именно в этом особом случае чтения. Благодаря этому, умерший вступает в связь с душой, которая ему здесь читает, с душой, которая как-то особенно связана с ним кармически. И как умерший в своём самом нижнем царстве, который мы должны связывать с животным царством, находится в таких обстоятельствах, что всё, что он делает, производит радость, страдание и так далее, так со всем тем, что вызывает связь с человеческими душами, - будь то человеческие души, живущие здесь на Земле, или человеческие души, которые уже развоплощены и живут между смертью и новым рождением, - он находится в таком соединении, что посредством того, что происходит в других душах, он получает возвышенное или пониженное чувство жизни.

Уясните себе это. Когда вы здесь читаете, так называемому, мёртвому, вы знаете, что он понимает, - в том смысле, как говорят о человеческом понимании, - то, что вы ему читаете. Мёртвый живёт в этом, мёртвый живёт в каждом слове, которое вы ему читаете, мёртвый проникает в то, что проходит через вашу собственную душу (Gemüt). Мёртвый живёт вместе с вами, он живёт более интенсивно, чем он мог жить когда-либо в жизни между рождением и смертью. Это может увеличить ваше понимание общности с мёртвым. И эта общность с

мёртвым, если её искать, является, собственно, довольно тесной, и она повышается, благодаря видящему сознанию.

Если человек действительно сознательно вступает в то царство, в котором мы живём вместе с умершими, то общение с умершими таково: Если вы, например, читаете или говорите с умершим, то вы слышите от него, как духовное эхо, то, что вы сами читаете. С такими понятиями надо ознакомиться, если хочешь получить настоящее представление о конкретном духовном мире. В духовном мире всё по-другому, нежели здесь. Здесь вы слышите себя говорящим, или знаете что вы думаете, когда говорите, или, когда вы думаете. Когда вы говорите с умершим, или вступаете в связь с умершим в мыслях, тогда, если эта связь сознательна в видении, вам звучит от самого умершего то, что вы ему говорите, или то, что вы думаете, представляя, что направляете эти мысли к нему.

И далее, если делаете умершему какое-то сообщение, то у вас появляется чувство состояния тесной связи с ним. И он отвечает на ваше сообщение, так, что сначала у вас появляется неопределенное сознание: умерший говорит. У вас появляется неопределенное сознание: умерший говорит, и теперь то, что он говорит, вы должны извлечь из собственной души. Из этого вы узнаете, насколько важно для действительно духовного общения слышать от другого то, что вы сами думаете и представляете, слышать из самого себя то, что говорит другой. Это, своего рода, обращение всех взаимоотношений существа с существом. Но это обращение происходит, когда вы действительно вступаете в духовный мир.

Поскольку духовный мир настолько отличается от физического, и люди приблизительно с 15-го столетия хотят образовывать только те представления, которые сформированы в смысле физического мира, люди закрывают себе вход в духовный мир. Если люди позволят себе, по крайней мере, допустить возможность того, что может существовать мир, который в определённом смысле не во всём, но противоположен тому, что человек здесь называет истинным миром, если люди захотят создать себе представления, которые, возможно, покажутся самыми сумасшедшими тому, кто хочет жить только в материалистическом мире, - только тогда люди преобразуют свою душу так, что она получит возможность действительно заглядывать в духовный мир, который, ведь, постоянно находится вокруг нас. Это не так, чтобы человек был непременно посредством своей природы был отделён от духовного мира, а посредством того, что, благодаря своей привычке, благодаря наследственным отношениям, начиная с 14-15-го столетий, он совершенно отвык формировать другие представления, кроме тех, которые были взяты из физического мира. Так стало даже в отношении искусства! Ведь, сегодняшнее искусство не хочет создавать ничего, кроме того, что образовано по модели, имеющегося снаружи в природе. Даже в искусстве люди не хотят допускать действовать тому, что как реальное свободно поднимается из духовной жизни души. Но люди не могут стереть то, что является действенным и деятельным как свободно поднимающееся в исторических событиях, в этически-моральной совместной жизни, в социальной совместной жизни, пусть они это и про-сновидят и просыпают. Как только даже в самом малом человек выходит за пределы того, что является его самыми сугубо личными делами, - а, ведь, это происходит в каждый момент его жизни, - через его руку, через слово, через его взгляд действует духовный мир, тот мир, который мы - я должен всегда это подчёркивать - имеем общим с мёртвыми.

Умерший вживается теперь в царство, о котором я уже говорил, так же, как мы, когда мы растём в детстве, вживаемся в жизнь между рождением и смертью в физический минеральный, растительный, животный и человеческий миры. Когда он таким образом вживается в самую нижнюю область, имеющую нечто общее с животным царством, во вторую область, где образуется сообщество со всеми душами, с которыми умерший стоит в непосредственной или опосредованной кармической связи, тогда этот умерший одновременно развивается до того, чтобы вжиться в царство тех существ, которые - если можно воспользоваться таким выражением, хотя оно может быть только чем-то иносказательным, - стоят над человеком: сначала в царство Ангелов, Архангелов, Архаев.

Здесь, в физическом мире, человек стоит - многие так любят это подчеркнуть - как вершина физического творения. Он чувствует себя здесь как высшее существо. Самыми нижними являются минеральные существа, затем идут растительные существа, затем - животные, и затем он, человек. Он чувствует себя принадлежащим к высшему царству. Не так обстоит дело с умершими в духовном царстве; поскольку умерший чувствует себя примыкающим к иерархиям, стоящим выше него: к иерархиям Ангелов, Архангелов, Архаев и так далее. Так же, как здесь, в физическом мире, человек чувствует себя, как бы, выходящим, вырастающим из минерального, растительного и животного царств, физического человеческого царства, так умерший чувствует себя содержащим, несомым стоящими над ним иерархиями в жизни между смертью и новым рождением.

То, как человек постепенно вживается в эти царства, в царства Ангелов, Архангелов, Архаев и так далее, можно обозначить следующими словами: человек чувствует это как некое отделение (Loslösen) от самого себя. - Мы, в свою очередь, должны усвоить некое представление об этих вещах, которое в физически-чувственном мире вообще нельзя приобрести. В физически-чувственном мире, когда мы растём в детстве, мы учимся узнавать вещи постепенно: сначала наше ближайшее окружение, затем то, что лежит дальше в нашем жизненном опыте и так далее. Мы знакомимся с вещами так, что мы знаем, они подходят к нам шаг за шагом. В случае между смертью и новым рождением это не так. Там с того момента, когда мы знаем, что теперь мы стоим в связи с Ангелами, мы чувствуем, будто были связанными с ними уже целую вечность, будто мы принадлежим к ним, едины с ними, но будто сознание может развиваться, только благодаря тому, что мы доводим его до, как бы, отделения представления об Ангелах от самих себя. Здесь, в физическом мире, мы совершаем наш опыт благодаря тому, что мы принимаем представления. В духовном мире мы совершаем наш опыт благодаря тому, что эти представления мы, как бы, отделяем от самих себя. Мы знаем, мы несём их в себе; и мы знаем, что мы полностью заполнены ими. Но для того, чтобы иметь возможность привести их к сознанию, мы должны отделить их от себя. И так мы отделяем от себя представления об Ангелах, Архангелах и Архаях.

Через самое нижнее царство человек, как бы, связан с существом животного, которое, в том смысле, который я уже объяснил, он должен овладеть. Тогда образуется царство, стоящее над ним, с теми душами, с которыми человек непосредственно или опосредованно связан кармически. Тогда он узнаёт свои связи с царством Ангелов. И только посредством связей с царством Ангелов, выступает многое из того, что даёт настоящие связи с царством человеческих душ. Так что для жизни между смертью и новым рождением, собственно, трудно разделить то, что человек должен делать с другими человеческими душами, и то, что он должен делать с существами из царства Ангелов. Ведь, люди и существа из царства Ангелов имеют много общего. Можно сказать, - хотя о таких вещах, конечно, можно говорить лишь в сравнении, хотя все разговоры могут давать лишь намеки, но это все же верно - как здесь, в физической жизни, воспоминания снова ведут нас к какому-то событию, которое мы пережили, так и в жизнь между смертью и новым рождением, существо из царства Ангелов ведёт нас к чему-то, к чему мы должны быть приведены, чтобы это пережить. Существа из царства Ангелов являются, собственно, посредниками для всего того, что образуется в жизни, так называемого, мёртвого.

А для всего того, что человек должен делать между смертью и новым рождением в отношении овладения животного - ведь, он должен иметь свою собственную животную природу внедрённой в своё духовное существо, чтобы подготовиться к следующей инкарнации, - помогают Архангелы. Тогда, если вы поймете всё это правильно, вы скажете себе: Благодаря тому, что человек между смертью и новым рождением принимает участие в общении с Ангелами, он оказывается в состоянии устанавливать свои настоящие связи, свои настоящие отношения с душами, с которыми он должен установить отношения. Благодаря тому, что человек вступает в связь с царством Архангелов, он оказывается в состоянии правильным образом подготовиться к тому, что должно произойти в следующей земной инкарнации.

Архаи, те существа, которые мы также назвали существами духа времени, - это, однако, те существа, которые деятельны со своими задачами как для мёртвых, так и для живых. Из моих объяснений вы можете видеть, что в основном умерший имеет дело с Ангелами, чтобы те регулировали его отношения с другими душами; что Архангелы регулируют его отношения с его последовательными инкарнациями. То, что умерший имеет дело с существами, принадлежащими к иерархии Архаев, он имеет дело - на общей основе с, так называемыми, живыми - с теми, кто воплощен здесь в физическом теле. Умерший в жизни между смертью и новым рождением и, так называемый, живой человек здесь между рождением и смертью, они одинаково вплетены в нечто, сотканное духами времени, как непрерывно текущая мировая мудрость и волевая деятельность мира. То, что ткётся духами времени, есть история, этически-моральная жизнь эпохи, социальная жизнь эпохи.

Хотелось бы сказать, мы можем заглянуть в царство духа и сказать себе: Там, так называемые мёртвые; то, что они переживают в своём царстве, регулируется, - насколько это пережитое является их личным делом, - Ангелами и Архангелами; то, что они переживают совместно с, так называемыми, живыми, - это ткётся существами, принадлежащими к иерархии Архаев. - Поэтому мы совершенно не можем плодотворно действовать в социальной, в исторической, в этически-моральной жизни без сознания: эти действия должны вырастать из общего с мёртвыми элемента, должны вырастать из элемента Архаев, Духов Времени.

Эти Духи Времени, однако, меняются в отношении своей задачи. Мы, ведь, об этом много раз говорили. Такой Дух Времени вплетается в судьбу продолжающегося исторического потока и социального потока, морально-этического потока в человеческих событиях на протяжении определенных столетий, а затем сменяется другим Духом Времени. Моменты, когда один дух Времени сменяет другого, являются наиважнейшими для наблюдения того, что, собственно, происходит в пределах человеческого развития. Поскольку это человеческое развитие нельзя понять, если не принимать во внимание живое воздействие Духа Времени, а вместе с тем и вообще всего духовного мира; нельзя понять, что, собственно, происходит между людьми, если не учитывать царство духа.

Абстрактно, в высшей степени абстрактно думает человек о том, что происходит социально, этически-морально, исторически. Будто история - это непрерывный поток, где всегда одно следует за другим: так представляет себе человек временной поток происходящего. Он спрашивает: почему события в начале 20-го столетия такие, какие они есть? - Потому что они обусловлены событиями конца 19-го столетия. Почему были такими события конца 19-го столетия? - Потому что они были обусловлены событиями середины 19-го столетия. А события середины 19-го столетия, в свою очередь, обусловлены событиями начала 19-го столетия и так далее.

Такой способ рассмотрения, который всегда считает исторические события непосредственным следствием предыдущих, умён примерно так же, как если бы крестьянин сказал: Пшеница, которую я буду иметь в этом году, является следствием пшеницы прошлого года, от которой остались семена; пшеница прошлого года, в свою очередь, является следствием пшеницы позапрошлого года. - Одно примыкает к другому, следствие всегда - к причине. Только не произойдёт ничего, если этому не помочь! Поскольку крестьянин, разумеется, должен вмешаться лично: он должен сначала эти семена посеять, чтобы из причины произошло следствие. Само собой из причины не выйдет никакого следствия. Это даже, с определённой точки зрения, ужасная иллюзия материалистического времени, что люди верят в то, что следствие возникает из причины, и что люди не хотят формировать даже самых простых мыслей об истинности этих отношений.

Я уже приводил вам пример события, которое является сенсационным событием в человеческой жизни. Правда дело обстоит так, что на такие сенсационные события людям смотреть легче, чем на другие события точно такого же рода, которые, однако, происходят в нашей жизни ежечасно, даже ежеминутно. Я обращал ваше внимание на то, как протекает такое событие: человек привык гулять по склону горы; он делал это ежедневно в течение

длительного времени. Но однажды, когда он подошёл к одному определённом месту своего пути, он слышит, будто какой-то голос говорит ему: «Почему, собственно, ты идёшь этим путём? Тебе нужно это делать?», - приблизительно так. Услышав этот голос, он задумывается; он отходит в сторону, обдумывая услышанное - срывается кусок скалы, который непременно убил бы его, если бы он не отошёл в сторону. Это сенсационное событие. Но для того, кто смотрит на мир трезво, но всё же духовно, это событие является не большим, чем то, что происходит в каждый момент нашей жизни. Поскольку в каждый момент нашей жизни могло бы произойти нечто другое, если бы вмешалось, то или иное.

Очень умный человек - вы знаете, что люди, особенно в наше время, очень умны, - он говорит: Хорошо, почему же того человека не раздавило скалой? - Потому что он отошёл в сторону! Это причина. - Ну, хорошо; но предположим он не отошёл бы в сторону и был бы раздавлен, тогда очень умный современный человек сказал бы: Упавший кусок скалы - это причина гибели этого человека.

Чисто формально, внешне абстрактно это верно: упавший камень является причиной, а смерть человека - следствием. Но о том, что причина не имеет ничего общего со следствием - поскольку падающему камню всё равно, стоит человек здесь или там, - он не думает. Эта причина не имеет ничего общего с этим следствием. Обдумайте только по-настоящему и попытайтесь тогда уяснить себе, какое, собственно, значение имеет эта болтовня о причинах и следствиях. Так называемой причине совсем нет нужды иметь дело со своим следствием. Для камня происходил бы тот же самый процесс и в том случае, если бы человек не стоял там, и он происходит: для камня, когда человек был отвлечён и отошёл в сторону, не произошло ничего другого.

Я привожу этот пример для того, чтобы показать, что даже в таких внешних, чисто формальных вещах, так называемая причина совсем не нуждается в том, чтобы иметь дело с, так называемым, следствием. Всё это рассмотрение причины и следствия выходит только из абстракции. Говорить о причине и следствии можно только в пределах определённых границ.

Рис. 5

Предположим, перед вами какое-то дерево, у которого здесь корни (см. рис.). Ну, то, что происходит в корнях, определённо в каком-то отношении можно обозначить как причину того, что тут растёт; то, что происходит в ветвях, с определённым правом можно, в свою очередь, обозначить как причину того, что происходит в листьях. Дерево является в определённом отношении неким целым; и конкретное рассмотрение жизни относится к тотальностям, к целому; абстрактное рассмотрение жизни присоединяет одно к другому, не

спрашивая себя: где завершённое целое? Но для духовного рассмотрения очень важно осознавать это целое. Поскольку, смотрите, там, где находятся самые внешние листья, для дерева заканчивается то, что является внутренними причинами того, что происходит. Там, где заканчиваются листья, там заканчиваются также обуславливающие силы. Но там, где прекращается действие обуславливающих сил, начинает действовать нечто другое. Здесь, где прекращают своё действие обуславливающие силы, смотрите, если вы посмотрите духовно, дерево окружено духовными сущностями, духовными элементарными существами, тут начинается, если можно так сказать, некое негативное дерево, которое распространяется в бесконечность, - в бесконечность, лишь кажущимся образом, поскольку через некоторое время оно теряет себя. Росту дерева встречается элементарное бытие, и там, где заканчивается дерево, оно соприкасается с элементарным, растущим ему навстречу бытием. Так обстоит дело в природе. Растение, выстреливая из почвы, прекращается. Причины прекращаются там, где прекращается растение. Но навстречу растению из вселенной растёт элементарное бытие.

Я уже пояснил некоторые вещи в лекции, где речь идёт о «Человеческой жизни с точки зрения духовной науки»⁴. Растения растут из почвы вверх. Духовное растёт сверху вниз навстречу растению. И так со всеми существами. То, что здесь видно для природы, имеет место во всём бытии. Прежде всего имеется поток социального, этически-морального, исторического становления. Происходящее - это не такой продолжающийся поток, а им правит в течении определённого времени Дух Времени, которого сменяет другой, того, в свою очередь, сменяет третий и так далее. И в тех местах, где один дух Времени сменяет другого, возникает также различие в потоке происходящих событий, такой разрыв, что нельзя сказать, что последующее является прямым следствием того, что было раньше. Это не следствие того, что было раньше, в том смысле, как это представляется.

Закономерность уже присутствует в том, что происходит последовательно. Но то, что обычно называют «необходимостью», является иллюзией, если понимать это так, как это часто понимают сегодня. В потоке происходящих событий это очень похоже на такое место, где заканчивается обычное дерево и начинается элементарное дерево; только в природе здесь существо видимого, чувственно-зримого царства граничит с существом чувственно-невидимым, то есть сверхчувственным. Здесь чувственное граничит со сверхчувственным, - здесь же, в потоке времени, граничат друг с другом вещи одного рода; но так же, как здесь кончается видимое дерево и начинается элементарное дерево, так здесь кончается одно и начинается другое.

Так есть временные эпохи, в которых старое происходящее, старые импульсы, как бы, прекращаются и должны вступить новые. Люди в такие моменты часто предпочитают держаться Люцифера и Аримана и сохраняют ещё то, что в действительности, собственно, уже отмерло. В сознании ещё можно удерживать то, что в действительности уже отмерло. В природе этого сделать нельзя. Если кто-то в 1914-ом году хочет культивировать такие же идеи, которые были правомерны в 1876-ом году, он может это сделать. Он может это сделать, по той причине, что в продолжающемся потоке человеческих событий, в котором человек цепляется за Аримана и Люцифера, старое можно сохранить, даже если в действительности оно уже мертво. Но это то же самое, как если бы кто-то захотел заставить дерево продолжать расти после достижения им своих естественных пределов. В истории обычно бывает так, что люди не находят возможности должным образом противостоять новой эпохе, то есть поставить себя на службу новому Духу Времени.

Но, как раз, для нашего времени, это имеет совершенно особую важность. Мы всю неделю говорили о том, что было духовно важным в 1879-ом году (см. рис. 6, gelb, жёлтое). Тогда закончился один период, тогда нечто отмерло, прекратилось, как здесь прекращается дерево. С тех пор было необходимо - и необходимо, разумеется, также сегодня, и будет необходимым ещё долго, - чтобы люди стали доступны идеям, импульсам, идущим из самого

⁴Сравните автореферат прочитанной в Листале 16 октября 1916 года в «Философии и антропософии. Сборник очерков 1904–1923 гг.», GA 35, стр. 225–268.

духовного мира. В противном случае старое превращается в ариманическое, люциферическое.

Этим уже сказано необычайно важное. Поскольку в этой последней трети 19-го столетия было важное время в развитии человечества. Было и остаётся необходимым, чтобы люди открылись для понимания инспирированных идей; люди должны стать восприимчивыми к ним. Правда, при внешнем рассмотрении, - а мы будем рассматривать вещи не просто внешне, а углубимся во внутреннее рассмотрение, - при внешнем рассмотрении это поначалу выглядит так, будто дела обстоят, собственно, довольно безутешно. Из духовных миров уже исходили импульсы, которые притекали и воздействовали так, чтобы провести людей через эту точку в 1879-ом году, чтобы они стали восприимчивы к инспирированным идеям. Уже были импульсы для того, чтобы дать людям мысли, чтобы они уже к концу 19-го столетия могли иметь сознание: Когда мы действуем социально, когда мы действуем этически-морально в общественной жизни, тогда среди нас действуют наши мёртвые, действуют Ангелы, Архангелы, Архаи. - Всё это было. Были импульсы, только поначалу они бесследно проходили мимо многих людей.

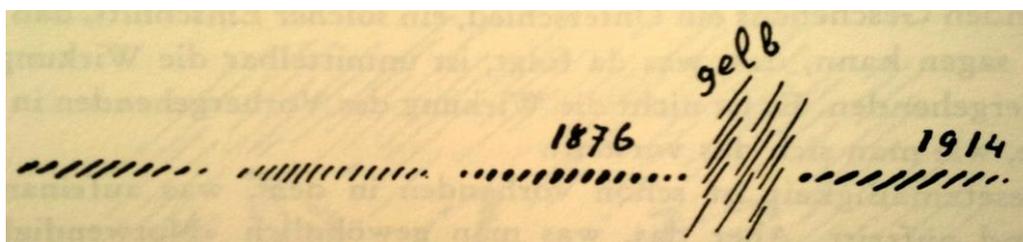

Рис. 6

Я говорю, я рассматриваю это сегодня вначале внешне, и хорошо было бы себе уяснить, насколько кажущим образом, всё прошло мимо без следа. Важные вещи, важные импульсы были даны уже в этой второй половине 19-го столетия, когда уже были люди, которые имели значительные мысли, которые представили значительные мысли. Если вы взглянете на эти мысли сегодня, то сами они выглядят как абстрактные мысли, несомненно, но они - не абстрактные мысли. Они также и не должны оставаться такими, какими они были тогда. Я ещё раз повторяю, сейчас мы рассматриваем внешне, внутренне мы будем делать это завтра.

Так было почти во всех областях сегодняшнего мира образования. Кто, например, чтобы коснуться следующего, рассматривает здесь на этой земле, в Швейцарии, это жизнь так, что он сказал бы себе: Здесь в Швейцарии в 19-ом столетии в пятидесятых годах жил человек, который выдвигал полные значения мысли, правда, бывшие тогда философскими мыслями, но которые были взяты на вооружение двумя-тремя другими, использованы, чтобы стать популяризированными, и которые могли бы самым плодотворным образом повлиять и одухотворить всю историю Швейцарии! - Кто думает, например, что в середине 19-го столетия в Отто Генрихе Егере (Otto Heinrich Jäger) спал дух первого ранга, - один из величайших здесь в Швейцарии? Где его имя, где он упоминается? Где есть сознание для того, что, хотя эти мысли и выступают сегодня абстрактно, кажутся абстрактными, они всё же стали бы конкретными, расцвели бы и могли бы принести плоды, потому что нечто великое прошло через голову того, кто учил в университете в Цюрихе, кто написал книги о важнейших идеях, - которые должны были быть применены в жизни современности - об идее человеческой свободы и её связи со всем духовным миром. С другой точки зрения, нежели в затем появившейся в девяностые годы моей «Философии свободы», Отто Генрих Егерь здесь в Швейцарии создал, своего рода, философию свободы.

И можно привести бесчисленное количество таких примеров. Вырастали и расцветали самые плодотворные идеи. Но то, что сегодня рассказывается как духовная история 19-го и вплоть до 20-го веков, является самым незначительным из того, что произошло на самом деле. И самое существенное, самое впечатляющее учтено не было. Вот как выглядят эти

вещи, поначалу рассмотренные внешне. Внутренние рассмотрения, возможно, покажутся более утешительными.

ЧЕТВЁРТАЯ ЛЕКЦИЯ Дорнах, 11 декабря 1917 года

Тема, которую мы сейчас обсуждаем, очень обширна, и она не сможет зайти сегодня так далеко, как мне, собственно, хотелось, но мы, ведь, продолжаем эти рассмотрения. Поскольку, как раз, в этих рассуждениях мне хотелось бы заложить основу для понимания свободы и необходимости таким образом, чтобы вы получили картину того, что входит в рассмотрение с оккультной точки зрения, чтобы понять ход социальной, исторической, этически-моральной жизни человека.

Мы подчеркивали, что в течение жизни между рождением и смертью полностью в бодрствующем состоянии переживается, собственно, только то, что мы имеем в чувственном восприятии, то, что происходит из наших чувственных впечатлений и то, что переживается в представлениях. Напротив, всё то, что живёт как действительность в чувствах, человек просновидит, и он, собственно, просыпает всё то, что лежит в волевых импульсах как более глубокая необходимость, как более глубокая действительность. В своей чувствующей и волевой жизни мы живём в тех же сферах, в которых вместе с нами живут, так называемые, мёртвые.

Теперь было бы хорошо, если бы мы вначале создали себе представление о том, что, собственно, лежит за чувственной жизнью в направлении вовне. Впечатления чувств можно представить себе так, будто они простираются перед нами как ковёр. Конечно, этот ковёр мы должны представлять себе состоящим также из слуховых впечатлений, из всех впечатлений двенадцати чувств, которые мы знаем из антропософских рассмотрений. Вы знаете, что действительное число чувств - двенадцать. Этот чувственный ковёр, как бы, закрывает лежащую за ним действительность. Эту лежащую за чувственными восприятиями действительность мы не должны представлять себе так, как, например, естествоиспытатель представляет себе мир атомов, или как определённое философское направление говорит о вещи в себе. Поскольку я даже в публичных лекциях подчёркивал: поиски вещи в себе, как это делает сегодняшняя философия, как это делает кантианство, выглядят примерно так же, как будто человек хочет найти существо, которое он видит в зеркале, таким образом, что он разбивает зеркало, чтобы увидеть, что лежит за ним. - В этом смысле я говорю не о чём-то, что лежит за чувственными восприятиями, а я говорю о том, что лежит за чувственными восприятиями как нечто духовное, в чём находимся мы сами, но до чего не доходит обычное человеческое сознание, которое он носит между рождением и смертью. В тот момент, когда мы, как бы, разгадали бы загадку чувственного ковра на первой ступни, так что мы увидели бы снаружи больше, чем многообразие чувственных импульсов, - что мы увидели бы на этой первой ступни спиритуальной разгадки чувственного ковра? Этот вопрос мы хотим себе однажды поставить.

Вначале можно удивиться, что должно быть названным как то, что видно сначала. То, что видно сначала - это сумма сил, целью которых является стимулирование всей нашей жизни от рождения или, скажем, от зачатия, до смерти. Разгадывая загадку этого чувственного ковра, мы увидели бы нашу жизнь не из отдельных событий, а в общем. Мы не нашли бы сначала ничего совершенно чуждого; на первой ступни разгадки чувственных восприятий мы обнаружили бы самого себя, но не того самого себя, каким мы являемся в этот момент, а самого себя, каким мы являемся всю эту жизнь между рождением и смертью. Эта жизнь протекает не в нашем физическом теле, и потому не может быть воспринята физическими чувствами, эта жизнь протекает в нашем эфирном теле, в нашем теле образующих сил. А

наше тело образующих сил является в основном выражением этой жизни, которую мы охватили бы, если бы отключили чувства, чувственные восприятия. Если бы чувственный ковёр, как бы, разорвался, - а он разрывается, когда человек приходит к видению, - то человек бы нашёл самого себя, каким он создан для той земной инкарнации, в которой он делает соответствующее наблюдение. Но, как уже было сказано, чувства не подходят для того, чтобы это воспринять.

Что же подходит для того, чтобы это воспринять? Человек уже имеет то, что подходит для того, чтобы это воспринять; но он имеет это на такой ступени развития, что о действительном восприятии ещё не может быть и речи. То, что было бы тогда воспринято, не проникает ни в один глаз или ухо, не проникает в органы чувств, а - я прошу вас понять это - вдыхается, всасывается вместе с дыханием. И то, что лежит в основании наших лёгких эфирно, - ведь, о физических лёгких при этом речи быть не может, поскольку лёгкие, как они есть, не являются непосредственным органом восприятия, - то, что лежит в основании наших лёгких эфирно, является, собственно, органом восприятия, но для человека между рождением и смертью оно не является используемым органом восприятия того, что вдыхается. В воздухе, который мы всасываем, в отношении каждого вдоха-выдоха, как они интегрированы в общий ритм жизни от рождения до смерти, лежит, собственно, наша более глубокая действительность. Только это устроено так, что то, что лежит в основании всей системы лёгких, у человека на физическом плане не достроено, не достигло способности воспринимать. Если бы то, что, собственно, образует нашу лёгочную систему, что лежит в её основе эфирно, было исследовано и познано, то оно представляло бы собой, по сути, то же самое, чем является физически, для физического мира, наш мозг с органами чувств. В том, что лежит в основе нашей лёгочной системы, мы имеем мозг на более ранней стадии развития, на, я бы сказал, ещё детской ступни развития. Также и в этом отношении мы, как бы, - я подчёркиваю это: как бы, - несём второго человека в нас. И вы не будете представлять себе это неверно, если будете думать, что кроме физической головы, которую носит человек, есть ещё и эфирная голова, которая просто ещё не может использоваться как орган восприятия в обычной жизни, но которая является зачатком способности воспринимать то, что лежит за телом образующих сил, как создающая это тело образующих сил. Однако, то, что, творя, лежит за этим телом образующих сил - это то, во что мы вступаем, когда проходим через врата смерти. Поскольку само тело образующих сил мы тогда отбрасываем, но то, что его создаёт, что его продуцирует, - в это мы вступаем. Это, вероятно, трудно себе представить; но было бы хорошо попытаться действительно продумать это представление до конца. Схематически мы могли бы сделать это представление более ясным.

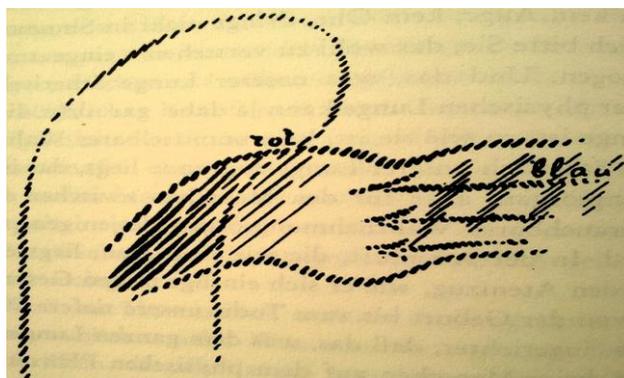

Рис. 7

Мы представляем себе физическую систему головы, и мы представляем себе физическую систему лёгких (см. рис. 7, *rot*, красным), действующие из космоса импульсы космоса (*blau*, синие стрелки), которые ритмически выражаются в движении лёгких (заштриховано *rot*, красным). Через лёгкие мы состоим в связи с целым космосом, и весь космос работает над

нашим эфирным телом. Само эфирное тело мы складываем с себя, когда проходим через врата смерти, но мы вступаем в то, что действует в нашей лёгочной системе; оно стоит в связи со всем космосом. Отсюда и то странное соответствие в ритме человеческой жизни и в ритме дыхания. Вы, ведь, знаете - я уже приводил это когда-то здесь, - если вы возьмёте 18 вдохов, которые человек имеет в минуту, умножите его на 60 (в час), а затем на 24, то получите 25920 дыханий в день. Человек вдыхает и выдыхает; это задаёт его ритм, поначалу самый малый ритм. Но затем в его жизни есть другой ритм, как я уже упоминал: который состоит в том, что каждое утро при пробуждении мы некоторым образом вдыхаем наше душевное, Я и астральное тело, а при засыпании его снова выдыхаем. Это мы делаем в продолжении всей своей физической жизни. Если мы возьмём средний возраст человеческой жизни, то его мы рассчитываем так, что говорим: 365 раз в году мы вдыхаем и выдыхаем себя самого. Если мы возьмём человеческую жизнь в среднем длиной, скажем, в 71 год, то это даст 25915. Вы видите, что это, по существу, - ведь, продолжительность жизни отдельных людей не одинаково, - то же число 25920 в продолжении жизни между рождением и смертью, когда человек вдыхает и выдыхает то, что мы называем нашей собственной самостью. Таким образом, мы можем сказать: Как мы относимся к окружающим нас элементам с одним дыханием, так мы относимся к миру, к которому сами принадлежим. Мы живём в течение жизни в том же ритме с космосом, в котором мы стоим посредством дыхания в течение дня. И снова, если мы возьмём нашу жизнь, скажем, около 71-го года, и будем рассматривать эту человеческую жизнь как один космический день, - назовём сейчас человеческую жизнь космическим днём, - тогда космический год будет в 365 раз больше, 25 920, - опять же, примерный год. Но это то время, за которое Солнце возвращается в тот же зодиакальный знак: 26920. Если в какой-то определённый год Солнце появляется в Овне, то через 25920 лет оно снова появляется в Овне, поскольку Солнце движется через весь зодиакальный круг в продолжении 25920 лет. Таким образом, один год человеческой жизни, выдохнутый из космоса, одно дыхание космоса, относится к космическому становлению, к космическому обороту Солнца по зодиакальному кругу так же, как одно дыхание - к дневной жизни. Глубокая внутренняя закономерность! Вы видите, всё построено на ритме. Мы дышим тройственным образом, или, по крайней мере, тройственным образом стоим внутри процесса дыхания. Вначале мы дышим посредством наших лёгких в элементах - в ритме, который дан числом 25920. Мы дышим во всей солнечной системе, когда восход и заход Солнца мы считаем проходящими параллельно нашему пробуждению и засыпанию. Всю свою жизнь мы дышим в ритме, который, в свою очередь, определён числом 25920. И, наконец, вселенная выдыхает нас и вдыхает снова в ритме, который снова определён числом 25920, - определён оборотом Солнца через зодиакальный круг.

Так мы вписаны в весь видимый космос, в основе которого лежит невидимый космос. В этот невидимый космос мы вступаем, когда проходим врата смерти. Ритмическая жизнь, - это та жизнь, которая лежит в основе жизни наших чувств. В ритмическую жизнь космоса мы вступаем во время, которое мы проживаем между смертью и новым рождением. Эта ритмическая жизнь как определяющая нашу эфирную жизнь лежит за чувственным ковром. Видеть человек будет в тот момент, когда он придёт к видящему сознанию этого мирового ритма, который представляет собой, как бы, ритмически волнующееся мировое море, теперь в виде астрального. И в этом ритмически волнующемся мировом море есть также, так называемые, мёртвые, есть существа более высоких иерархий, есть то, что принадлежит нам, но что лежит под порогом, откуда поднимаются чувства, которые про-сновидятся, и поднимаются волевые импульсы, которые в своей собственной действительности просыпаются. Может быть поставлен вопрос - мы можем сказать в сравнении, без впадения в телеологию: Почему мудрейшее мировое правление устроило так, что человек, какой он есть между рождением и смертью, не воспринимает то, что в виде ритмической жизни лежит позади чувственного ковра? Почему голова человека, скрытая голова человека, соответствующая лёгочной системе, не годится для такого восприятия? Да, это ведёт к истине, которую, можно сказать, вплоть до сегодняшнего времени соответствующие

окультиные школы сохраняли в тайне, поскольку с этой тайной связаны другие тайны, которые не должны быть открытыми, не должны были быть открытыми до сих пор. Только в наше время наступила эпоха, когда такие вещи должны быть донесены до сознания человечества.

Окультиные школы, которые были сформированы здесь или там, хранили такие вещи по причинам, которые сейчас не должны быть объяснены, - во многом не должны быть объяснены до сих пор, хотя эти вещи сегодня необходимым образом должны быть донесены до человеческого сознания. Но с последней трети 19-го столетия даны средства и пути, посредством которых можно получить доступ к тому, что окультиные школы часто незаконно скрывают. Это связано с событием, о котором я говорил вам, что оно выпадает на осень 1879 года. В этот раз мы можем прикоснуться лишь к самой внешней грани этой тайны. Сама по себе эта внешняя грань этой тайны относится к одному из самых важных познаний о человеческом существе. Это, конечно, голова, которую мы тут носим как голову некоего второго человека, это голова, - но то, что к этой голове принадлежит, это также тело, и тело, которое принадлежит к ней, это, прежде всего, животное тело. Человек, таким образом, носит в себе второго человека: этот второй человек имеет правильно сформированную голову, но с животным телом, - настоящий кентавр. Кентавр - это уже некая истина. Это эфирная истина.

Значительным здесь является то, что в этом существе действует относительно большая мудрость, - мудрость, которая относится к всему космическому ритму. То, что видит голова, принадлежащая этому кентавру, это космический ритм, в который вписан также и человек как существо, которое живёт между смертью и новым рождением. Это тот мировой ритм, который был здесь показан тройственно даже числовым образом, тот ритм, на котором основаны многие тайны космоса. Эта голова гораздо мудрее нашей физической головы. Все люди носят в себе гораздо более мудрого человека, а именно, кентавра. Но эта природа кентавра, не смотря на свою мудрость, оснащена всеми дикими инстинктами животного.

Теперь вы поймёте это мудрое мировое правление. Оно не может дать человеку такое сознание, чтобы он, с одной стороны, был мощным и просматривал мировой ритм, а, с другой стороны, живущим несвязанным в диких порывах. Но то, что в одной инкарнации является животным в этом кентавре, - свяжите то, что я сейчас говорю с другими лекциями, в которых эта тема освещена мной с других точек зрения, - в следующей инкарнации становится связанным, когда он проходит через мир мирового ритма между смертью и новым рождением. То, что в настоящей инкарнации лежит в основе нашей лёгочной системы, то, что там скрыто, является как ваша физическая голова, которая тогда, правда, является притупленной до своего ограниченного чувственного знания, и она появляется в следующей инкарнации как целый человек, теперь также связанный в отношении своих диких инстинктов. То, что является кентавром в этой инкарнации, становится чувственно-воспринимающим человеком в следующей инкарнации.

И сейчас вы поймёте нечто другое. Сейчас вы поймёте, почему я сказал, что человек между смертью и новым рождением в качестве самого нижнего царства имеет животное царство, в силах которого он должен стать мастером. Что же он должен делать? В чём же он должен принимать участие между двумя инкарнациями? Он должен участвовать в том, чтобы преобразовать для следующей инкарнации кентаврическое, животное в нём, в человеческое. Для этого действительно необходимы знания, которые должны распространяться на импульсы всего животного царства, которые в своём затухании были атавистически присущи людям того времени, в котором жил Хирон. Пусть эти познания, о которых говорит Хирон, и являются затуханиями этой инкарнации, они являются этого рода. Но вы видите связь. Вы видите, для чего человек между смертью и новым рождением нуждается в этом нижнем царстве, в котором он должен стать мастером: он нуждается в нём, чтобы преобразовать кентавра в человеке.

То, что предлагает антропософски ориентированная духовная наука, до сих пор было достигнуто, собственно, лишь в отдельных вспышках света за пределами окультиных школ. Но всегда имелись отдельные люди, которые пришли к таким вещам, будто через вспышки

света жизни. Особенно в 19-ом столетии, я бы сказал, предчувствуя, отдельные духи пришли к тому, что в человеке кроется нечто вроде диких связанных инстинктов. Есть писатели, которые говорят об этом. И из того, как они об этом говорят, видно, как они испуганы этим знанием. Да, высокие истины не так удобны для духовного переваривания, как теперешние естественно-научные знания. Эти высокие истины обладают уже тем свойством, что от их действительности можно прийти в ужас. И в 19-ом столетии были духи, которые были испуганы, были ужасно затронуты, когда восприняли то, что говорит из иногда растеряно глядящих глаз человека или прочего в человеке. Один из писателей 19-го столетия выразился резко, сказав: Собственно, каждый человек носит в себе убийцу. - Он имел в виду этого кентавра, который неясно входит в сознание.

Тот факт, что в основе человеческой природы существуют загадочные вещи, о которых человек должен постепенно просвещаться, - это то, что следует подчеркивать снова и снова. К этим вещам нужно относиться мужественно и спокойно. Но их нельзя воспринимать как тривиальные, поскольку они вступают в человеческое сознание в великую серьёзность жизни. И просматривать эту серьёзность жизни, - это то, что предусмотрено для человека того времени, которое теперь приходит, которое проявляется сейчас через такие ужасные знамения.

Это одна из сторон, посредством которой я хочу подготовить определённое рассмотрение, которое будет затем продолжено. Другая сторона следующая: Человек проходит через врата смерти; я, ведь, в последний раз говорил о том, насколько отличаются тогда все переживания, указав на то, что общение с умершим происходит так, что то, что вы сообщаете умершему, звучит, как бы, из него, а то, что он говорит вам, звучит будто из глубины вашего собственного существа. Взаимоотношения в обращении с мёртвыми полностью перевёрнутые. Когда вы здесь общаетесь с человеком, вы говорите. Вы слышите, как говорите то, что сообщаете другому человеку. От него вы слышите то, что он говорит вам. Когда вы общаетесь с умершим, тогда то, что он говорит, исходит из вашей собственной души, а то, что вы говорите ему, возвращается к вам будто эхо. То, что вы говорите ему, в себе вы совершенно не воспринимаете: вы воспринимаете это в нём. Я просто хотел привести это как пример радикальной разницы, которая существует между физическим миром, в котором мы живём между рождением и смертью, и миром, в котором мы живём между смертью и новым рождением.

Мы смотрим внутрь, глядя на этот мир с одной стороны: глядя сквозь чувственное полотно, мы всматриваемся в ритм мира. Но у этого ритма есть две стороны. Я хочу показать вам эти две стороны ритма схематически таким образом, что здесь, возможно, изображу несколько звёзд, скажем, вначале планет (см. рис. 8; rot, красное). Это какое-то количество звёзд, планет. Пусть это будет какое-то количество звёзд, планет, скажем, планетная система, принадлежащая нашей Земле. Человек проходит через эту планетную систему во время, лежащее между смертью и новым рождением. Есть напечатанный цикл лекций, где вы можете почитать об этих вещах. Человек проходит через эту систему. Но, проходя через то, что ещё является видимым миром, во время между смертью и новым рождением он также входит в мир, который больше не является видимым, который даже не является пространственным. Тут, правда, мы говорим о сложных вещах, поскольку человек, согласно опыту, здесь в физическом мире, привык там, где он вообще что-то себе представляет, представлять себе это пространственно. Но по ту сторону чувственно-воспринимаемого лежит мир, который уже не пространственный. Схематически я могу изобразить его только пространственно.

Древние говорили: По ту сторону планет находится небо фиксированных звёзд - это сказано неверно, но сейчас речь идёт о другом, - а за ним лежит сверхчувственный мир. - Древние представляли это себе пространственно, но это лишь образное представление этого (см. рисунок, blau, синее).

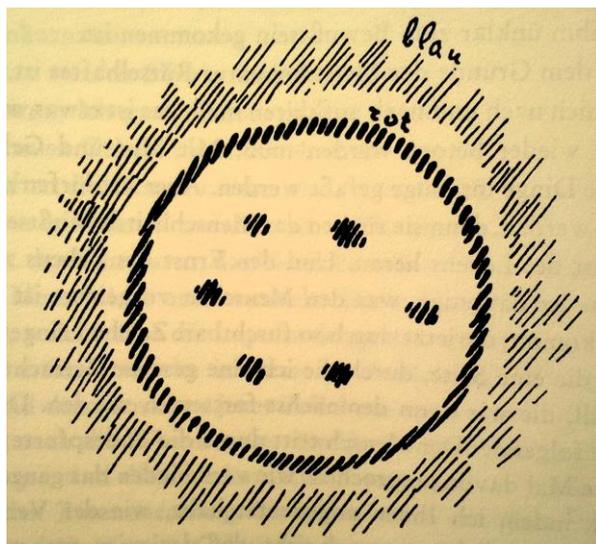

Рис. 8

Когда человек вступает в этот сверхчувственный мир во время между смертью и новым рождением, тогда можно сказать, - не смотря на то, что это снова говорится образно, - что тогда человек находится по ту сторону звёзд, а сами звёзды служат ему, своего рода чтением. То есть, между смертью и новым рождением звёзды служат человеку, своего рода чтением. Сделаем себе совершенно ясным то, как обстоит дело. Как мы читаем, когда читаем здесь на Земле? Когда мы читаем здесь на Земле, у нас есть примерно 12 согласных и семь гласных с различными нюансами. Эти буквы мы самым различным образом сводим в слова. Мы смешиваем их друг с другом. Представьте себе, как наборщик ссыпает эти вещи в наборный ящик, чтобы из них получились слова. Из определённых букв, которые у нас есть, получаются все слова. То, что для человека здесь на физическом плане является этими буквами, этими двенадцатью согласными и семью гласными с различными нюансами, - это является для умершего фиксированными звёздами Зодиака и планетами. Фиксированные звёзды Зодиака являются согласными, а планеты - гласными. Если человек находится по ту сторону звёздного неба, то он видит периферически. Центрично человек видит, находясь между рождением и смертью; у него есть здесь глаза, и тогда он видит так, излучая, в направлении различных точек. Труднее всего представить, что после смерти это происходит наоборот: тогда человек видит периферически. Человек находится, собственно, в окружении и снаружи может видеть звёзды Зодиака, согласные, и планеты, гласные. И так он смотрит снаружи на то, что происходит на Земле. И в зависимости от того, как он оживляет какую-либо часть своего существа, он смотрит - не с Земли надо думать об этом, а наоборот, глядя на Землю сверху вниз - вниз на Землю через Тельца и Марс, или он смотрит через Тельца между Марсом и Юпитером. Вы читаете, кружа над Землёй как умерший, вы читаете с помощью звёздной системы. Только это чтение вы должны сейчас представлять себе несколько иначе. Не правда ли, мы могли бы читать и по-другому, только технически это было бы устроено не так удобно, как в нашей современной системе чтения. Можно было бы читать по-другому. Можно было бы читать так, что буквы у нас были бы стоящими друг за другом: a, b, c, d, e, f, g и так далее, - или по другой системе - и вместо того, чтобы сваливать их в наборный ящик, мы могли бы читать так, что, например, если нам нужно прочесть «der», то луч света падает на «der», если нам надо прочесть «geht», то луч света падает на «geht». То есть, буквы могли бы стоять друг за другом, и они могли бы поочерёдно освещаться. Технически это было бы не так удобно, но вы могли бы, по крайней мере, представить жизнь на Земле, когда чтение совершалось бы так, что у вас был бы перед собой алфавит, и было бы какое-то устройство, с помощью которого подсвечивалась бы одна из

букв; тогда вы прочли бы последовательность подсвечивающихся букв - и получился бы «Фауст» Гёте. Конечно, это нелегко себе просто так представить, но всё же есть способ представить это именно так, не так ли?

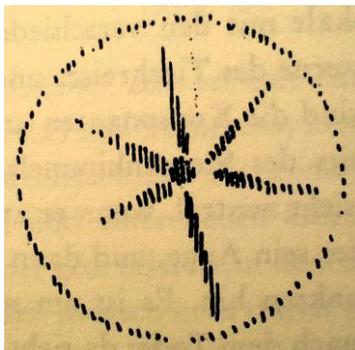

Рис. 9

Но так читает умерший с помощью звёздной системы: фиксированные звёзды неподвижны, а он движется, поскольку он в этом движении. Фиксированные звёзды стоят неподвижно, в он движется. Если ему надо прочесть Льва над Юпитером, то он движется так, чтобы Лев стоял над Юпитером, так же, как мы читаем «der», сводя вместе буквы «d» и «e» и так далее. Это чтение земных обстоятельств из космоса - к которому принадлежит и невидимый космос - состоит, таким образом, в том, что то, что духовно лежит в основе звёзд, может быть прочтено умершим. Только вся эта система устроена неподвижной; вся эта божественная система чтения снаружи из космоса основана на покое. Что это значит? Это значит, что, согласно намерениям определённых существ более высоких иерархий, планеты должны находиться в покое, должны давать спокойную форму. Тогда только существо, читающее снаружи, было бы в движении. Из вселенной можно было бы правильно читать то, что происходит на Земле, только если планеты были бы в покое, имели бы спокойное состояние.

Но они не такие! Почему они не такие? Они были бы такими, если бы мировое творение происходило так, что Эксузиан, или, согласно нашему обозначению, Духи Формы, создали мир одни. Но в этом принимали участие, вторгаясь в мир, как вы знаете, также люциферические духи. Люциферические духи принесли то, что являлось законом во время лунной формы Земли, - когда определённые вещи, которые затем перешли во власть Духов Формы, стояли под управлением Духов Движения, - эта система движения была перенесена из лунного времени Земли: они (эти люциферические духи) привели планеты в движение. То, что планеты находятся в определённом движении, - это люциферическое в мировом пространстве. Это в определённом отношении вносит беспокойство в элохимский порядок; это вносит во вселенную, в космос, люциферический элемент. Это тот люциферический элемент, с которым человек между смертью и новым рождением должен познакомиться; познакомиться, как раз, посредством того, что он учится, как бы, извлекать из того, что он читает, то, что приходит из движения планет, из заблуждающихся или блуждающих звёзд. Это он должен считывать, это он должен рассчитывать; тогда он получит правильное.

Человек между смертью и новым рождением действительно знакомится со многим о правлении и деятельности люциферического в космосе. А такие вещи, как ход блуждающих звёзд, ход планет, связаны с люциферическим.

Это та другая сторона, на которую я хотел обратить ваше внимание. Из этого вы, однако, видите, как та другая жизнь, которую мы проживаем между смертью и новым рождением, связана с нашей теперешней жизнью. Я бы сказал, мир имеет две стороны. Здесь, между рождением и смертью мы видим одну сторону через чувства. С другой стороны, во время между смертью и новым рождением, вы смотрите на мир оком души. И между смертью и

новым рождением вы учитесь читать обстоятельства здесь, в земном мире, вместе с теми, что связаны с духовным миром.

Нечто подобное будет совершенно ясным только тогда, когда вы попытаетесь поместить себя в эти обстоятельства. Надо будет признать, что это имеет глубокое значение, когда говорится о том, что мир, с которым человек знакомится вначале через свои чувства и свой разум, является майей. Как только человек вступает в действительный мир, он видит, что мир, который он знает, относится к этому действительному миру как то, что появляется в зеркале; то, что находится перед зеркалом - это живое, которое просто отражается в зеркале.

Ведь, если у вас здесь есть зеркало и в нём вы видите различные фигуры, то это указывает на то, что здесь, вне зеркала есть фигуры, которые там отражаются. Предположим, вы смотрите в зеркало как посторонний зритель (делается рисунок). Две фигуры, которые я изобразил, дерутся, вы видите это, они дерутся. Это указывает на то, что те фигуры, которые вы видите отражёнными в зеркале, что-то делают, но вы не можете утверждать, что фигура «А» в зеркале бьёт фигуру «В». То, что появляется внутри зеркала, даёт картину драки потому, что нечто делают фигуры вне зеркала. Если вы полагаете, что фигура «А» как отражение в зеркале причиняет что-то фигуре «В» в том же зеркале, то вы находитесь в заблуждении. Вы не можете установить отношения между этими зеркальными отражениями, а можете лишь сказать: То, что выражается в этих зеркальных отражениях, указывает на нечто в мире действительности, которая тут отражается. - Но мир, который есть у человека как данный, является зеркалом, майей, и в этом мире люди рассуждают о причинах и следствиях. Когда они говорят в этом мире о причинах и следствиях, то это выглядит так, будто они верят, что фигура «А» бьёт фигуру «В». В действительных существах, которые отражаются, нечто происходит; но в отражении «А», в отражении «В» не лежат импульсы этого.

Пройдёмся по всему природному порядку: он поначалу, как он является чувствам, является майей, зеркальным, отражённым. Действительность лежит под границей, которую я обозначил лежащей между жизнью представлений и жизнью чувств. Даже её собственной действительности в том, что содержит бодрствующее сознание, в ней нет вовсе. Но эта собственная действительность есть внутри духовной действительности, в которую погружаются сновидящие и спящие силы чувств и воли. Таким образом. Как вы видите, говорить о причинной необходимости в майе, - это бессмыслица; бессмыслицей является также говорить о причине и следствии в историческом ходе событий. Бессмыслица! К тому, что я уже сказал, я добавлю, что это бессмыслица говорить о том, что события 1914-го года являются следствием событий 1913-го, 1912-го и так далее. Это так же умно, как говорить: Ах, этот «А» в зеркале - плохой парень, он избивает там «В»! - Идти к истинной действительности, - вот о чём идёт речь. А истинная действительность лежит под порогом, который переступается в направлении вниз к нашему миру чувств и воли, которые, однако, не вступают в обычное бодрствующее сознание. И там также живёт этот кентавр, о котором я говорил.

Вы видите, что понятие: что-то должно должно было произойти - что-то было необходимым — должно пониматься иначе, нежели оно понимается в обычной истории или даже в естественной науке; что нужно поставить вопрос: Каковы действительные существа, которые произвели то, что следовало из предыдущего? - Так называемые, исторические события из прошлого - это лишь зеркальные отражения, которые не могут обуславливать то, что происходит в последующем.

Это, однако, только одна сторона. Другая сторона будет вам ясна, если вы подумаете о том, что в жизни чувств и представлений бодрствующей действительности даётся, собственно, лишь зеркало истинной жизни, майя. Эта майя, однако, не может действовать. Эта мая не в состоянии быть Causa⁵, какой-то действительной причиной. Но человек в состоянии позволить определять свои действия, руководствуясь только своими

⁵Причина (прим. пер.)

представлениями. Это некий опытный факт жизни, когда человек руководствуется в своих действиях не страстями, побуждениями и желаниями, а чистыми представлениями. Это может быть, и это возможно; человек может импульсироваться чистыми идеалами, чистыми идеями. Но сами они действовать не могут. То есть, я могу совершить какое-то действие под влиянием какой-то чистой идеи; но сама идея не может действовать.

Сравним ещё раз идею с её зеркальным отражением. Да, картина в зеркале не может повлиять на то, что вы от него отходите. Вам может это не нравиться, или так должно быть, что совершенно никак не связано с отражением в зеркале, что вы от него отходите. Отражение само не может взять кнут и подействовать так, что вы от него убежите. Это не может быть Causa. Но если человек действует под влиянием своих отражений, то есть, своих идей, то он действует, исходя из майи, исходя из отражения мира: он должен быть тем, кто действует, поэтому он действует тогда свободно; но не тогда, когда он действует, руководствуясь своими чувствами. Если он руководствуется своими представлениями, которые являются просто отражениями в зеркале, он действует свободно. Это та причина, почему я писал в «Философии свободы», что человек, когда он следует чистым идеям, чистому мышлению, является свободно действующим существом, поскольку чистые идеи не могут действовать, то есть, действие должно прийти откуда-то ещё. Эту вещь в этом образе я привёл ещё раз в своей книге «О загадке человека». Как раз, потому, что то, что нас окружает, является майей, которая не может действовать, но мы действуем под её воздействием, мы свободные человеческие существа. Наша свобода основывается на том, что наш мир восприятия является майей. Наше существо состоит в браке с майей и, благодаря этому, является свободным существом. Если бы мир, который мы воспринимаем, был действительностью, то эта действительность принуждала бы нас, тогда мы не были бы свободными существами. Мы являемся свободными существами, как раз, потому, что мир, который мы воспринимаем, не является действительностью, и потому также не может нас принуждать, точно также, как зеркальное отражение не может нас принуждать от него убежать. В том-то и состоит тайна свободного человека, что он видит связь между миром восприятия как майи, простого отражения действительности, и импульсированием человека самим собой. Человек должен импульсировать себя сам, чтобы то, под впечатлением чего он действует, его не определяло.

Свободу можно строго доказать, если это доказательство искать на основе того, что мир, такой, какой он дан как восприятие, является отражением, а не действительностью.

Это предварительные идеи, которыми я хотел поделиться с вами, о том, что лежит в основе человеческой природы. В том, что воспринимало бы действительности, но в какой-то инкарнации ещё не созрело для восприятия, и только в ослабленном виде в следующей инкарнации становится человеком, истину, действительность воспринимал бы кентавр; но кентавр, как раз, ещё не воспринимает. То, что сегодня воспринимается, ещё не является действительностью. Но человек может определять себя посредством того в своём существе, что больше не - или ещё не - кентавр: тогда он действует как свободное существо. Тайна нашей свободы тесно связана с обузданием нашей природы кентавра. Наша природа кентавра соотносится с нами так, что она скована, связана, чтобы мы воспринимали не кентавра, а только майю. Когда мы импульсируем себя майей, мы свободны.

Так обстоит дело, если смотреть с одной стороны. С другой стороны мы познаём мир между смертью и новым рождением так, что то, что нас окружает как прочий космос, сжимается до некоего средства для чтения в космосе, отблеском которого здесь являются физические буквы. Тот факт, что сегодня в языках имеется больше букв, - финский язык и сегодня имеет только двенадцать согласных, - существует только потому, что появились нюансы; но, по существу, есть двенадцать согласных и семь с различными нюансами гласных. Различные нюансы гласных являются теми, что были добавлены как люциферические. То, что приводят гласные в движение, соответствует движению планет.

Вы видите связь того, что в малом разыгрывается в человеческой жизни: чтением, связью между чтением букв, которые мы имеем здесь на бумаге, и того, что живёт снаружи в

космосе. Человек рождается из космоса, а не является просто следствием того, что предшествовало ему в наследственности.

Это некоторые предпосылки для того, чтобы постепенно подойти к действительному пониманию свободы и необходимости исторических, социальных и этически-моральных событий.

ПЯТАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 15 декабря 1917 года

Если мы хотим постигнуть то, что лежит в основе обоих захватывающих человеческую жизнь импульсов, так называемой, свободы и, так называемой, необходимости, то к тем предпосылкам, которые мы уже имеем, мы должны добавить ещё некоторые другие. Это я и хочу сегодня сделать, чтобы затем завтра мы были в состоянии сделать вывод, заключение относительно понятий свобода и необходимость в человеческой, социальной, нравственной и исторической деятельности. Когда речь идет о таких вещах, то всё больше и больше в рассмотрение входит, собственно, то, что люди, а именно современные люди, стремятся охватить самое высокие, самые важные, самые значительные вещи, самыми простыми понятиями и представлениями. Чтобы понять часы, - я уже много раз упоминал об этом, - считаются необходимыми какие-то знания, и, не имея никакого представления о том, как взаимодействуют колёса или о что-то подобное, вы не сможете с ходу в деталях объяснить работу часов. Экспертом относительно свободы и необходимости все хотят быть, собственно, в любом жизненном положении, не обучаясь ничему, что лежит в основе этих вещей. Тому, что представляют собой самые важные, самые существенные вещи, которые только могут быть рассмотрены во всей связи с человеческой природой, люди предпочитают не учиться, а знать и судить об этом, будто это приходит само собой. Это является желанием особенно нашего времени. Если признать, что человек является сложным, многосоставным существом, существом, которое, с одной стороны, глубоко погружено во всё то, что связано с физическим планом, а, с другой стороны, в свою очередь, душевно погружено во всё, что связано с духовными мирами, то легко возразить, что такие вещи являются сухими и понятийными, что эти самые важные, самые существенные вещи надо воспринимать совсем иначе.

Мир должен будет познакомиться - он, вероятно, всё же знакомится с этим немного, как раз, благодаря современным катастрофическим событиям - со всем тем, что скрыто в человеке и его отношениях с ходом мирового развития. Мы уже годы учились в сыром виде различать в человеке то, что называется его физической природой, его физическим телом, его эфирным телом, телом образующих сил, как я его называю, его астральным телом, которое уже является душевным, и собственно Я.

Затем, в последнее время мы с различных точек зрения подчёркивали, что человек, как он живёт от пробуждения до засыпания, то есть, в обычном бодрствующем сознании, в действительности знает немного только о впечатлениях своих чувственных восприятий и ещё о своих представлениях, но что содержание жизни своих чувств он, собственно, просновидит, а собственное содержание своей волевой жизни просыпает. Сновидение и сон продолжают и в обычной жизни бодрствования, и в обычном бодрствующем сознании мы осознаём нашу жизнь чувств не больше, чем в сновидении. И действительное содержание своей воли человек осознаёт не больше, чем в лишённом сновидений сне. Поскольку посредством наших чувств, посредством нашего волевого содержания, мы погружаемся в тот же мир, - и мы подчёркивали это в этих рассуждениях, - в котором мы живём сообща вместе с умершими среди существ более высоких иерархий, Ангелов, Архангелов, Архав и так далее. Когда мы живём в каком-то чувстве, - а мы, ведь, постоянно живём в чувствах, - в сфере, в области этого чувства живёт также всё то, что есть в царстве мёртвых.

Теперь сюда добавляется ещё кое-что. В нашей обычной бодрствующей сознательной жизни мы говорим о нашем Я. Но об этом Я мы можем говорить в обычном бодрствующем сознании только в высшей степени не-собственном смысле. Поскольку, какую природу, какое существо имеет, собственно, это Я? Это не может быть познано в обычном бодрствующем сознании. Когда видящее сознание погружается в истинное существо Я, тогда это истинное Я человека носит волевою природу. То, что человек имеет в обычном сознании, - это лишь представление о Я. Поэтому естественно-научным психологам легко вообще отрицать это Я, хотя, с другой стороны, это отрицание является действительно бессмыслицей. Такие естествоиспытатели и психологи говорят о том, что Я, собственно, образуется постепенно, что человек приходит к этому Я в ходе своего индивидуального развития. Но таким образом он приходит не к Я, а к представлению о Я. Его легко отрицать, поскольку в обычном сознании это лишь представление, отражение действительного, истинного Я. Настоящее Я живёт в той же сфере мира, в которой живёт истинная действительность нашей воли. И то, что мы называем астральным телом, что мы можем обозначить как собственную душевную жизнь, живёт, в свою очередь, в той же сфере, в которой живёт наша жизнь чувств. Если мы обе эти вещи, которые мы так рассмотрели, возьмём вместе, то из них мы сможем увидеть, что с нашим Я и нашим астральным телом мы погружаемся в ту же область, которую мы имеем общей с умершими. В тот момент, когда мы спускаемся в своё истинное Я ясновидчески, мы также находимся среди множества Я умерших и, так называемых, живых.

Это надо себе уяснить, чтобы в полной мере увидеть, насколько человек со своим обычным сознанием живёт в, так называемом, видимом мире, или, как это называют восточным выражением, в майе. Бодрствующе-сознательно мы живём в нашем мире чувств и представлений. Но чувственные импульсы дают нам только часть мира, которая простирается как природа. А наш мир представлений тоже даёт нам ни что иное как то в нас, что соответствует нашей природе, но между рождением и смертью. То, что является нашей вечной природой, по сути, вообще не выступает из того мира, который мы имеем общим с мёртвыми. Оно остаётся, по сути, в мире, в котором мёртвые находятся тоже, когда мы через воплощение вступаем в жизнь физического плана.

Но для того, чтобы полностью понять эти вещи, нам необходимо принять некоторые понятия, которые - ничего не поделаешь, это надо сказать, поскольку таковы вещи, - не так-то легко продумать, при продумывании которых нужно применить усилие. Нужно применить усилие. Таких понятий у человека в ходе своего обычного бодрствующего сознания поначалу нет. Человек знает в обычном бодрствующем сознании то, что находится в пространстве, что протекает во времени. И он, собственно, хотел бы быть довольным тем, что распространено в пространстве и протекает во времени. Человек, ведь, даже заболевает от своего стремления представлять пространственно также и то, что содержится в духовном мире, пусть даже туманно, даже если оно тонко и размыто, но ему всё же хотелось бы думать об этом как-то пространственно: летающие в пространстве души, и так далее. Необходимо подняться над понятиями пространства и времени к сложнейшим понятиям, если хочешь действительно проникнуть в эти вещи. И тут я хотел бы вам сегодня указать на нечто такое, что является важным для понимания всей человеческой жизни.

Ещё раз обратим внимание - как сказано, в сыром виде, - на то, что вначале у нас есть эта четверичная природа: физическое тело, тело образующих сил или эфирное тело, астральное тело и Я. Если говорить с точки зрения обычного бодрствующего сознания и спросить: сколько лет, собственно, какому-то человеку, этому определённом человеку А, сколько ему лет? - Ну, тут кто-то скажет, сколько ему лет, скажем 35 лет, и он подумает, что сказал этим что-то серьёзное. И для физического плана и обычного бодрствующего сознания это действительно нечто серьёзное. Но для духовного мира, то есть, для всего существа человека, этим сказано нечто только отчасти. Поскольку, когда вы говорите, мне 35 лет, вы можете говорить это, собственно, только для своего физического тела. Вы должны были бы сказать: Моему физическому телу 35 лет - тогда это было бы верно. Для эфирного тела, или тела образующих сил, и для других членов человеческого существа вы этим вообще ничего не

говорите. Поскольку то, что вашему Я, например, 35 лет, если вашему физическому телу 35 лет, - это просто иллюзия, это даже чистое фантазёрство. Поскольку, видите ли, здесь выступает понятие различной скорости развития различных членов человеческой природы.

Это вы можете уяснить себе посредством следующих чисел. Человеку исполнилось, скажем, 7 лет; это значит ни что иное, как: его физическому телу исполнилось 7 лет. Тогда его эфирному телу, его телу образующих сил, ещё нет семи лет, его тело образующих сил не поспевает за физическим так быстро; оно ещё не достигло этого возраста. Эти вещи не доходят до человека только потому, что он представляет себе время как единый поток, и он совершенно не может думать о том, что в пределах времени различное продвигается вперёд с различной скоростью. Это физическое тело, которому 7 лет, развивается с определённой скоростью. Медленнее развивается эфирное тело, ещё медленнее - астральное тело, и медленнее всего - Я. Этому эфирному телу только пять лет три месяца, когда физическому телу семь лет, поскольку оно проделывает более медленный темп. Астральному телу три года шесть месяцев, а Я - только один год и девять месяцев. Так что, когда ребёнку семь лет, вы должны сказать, что его Я только один год и девять месяцев. Это Я проделывает на физическом плане более медленное развитие. Это Я проделывает на физическом плане более медленное развитие, в том более медленном темпе, которое является также темпом, в котором можно жить совместно с мёртвыми. Почему человек не воспринимает то, что происходит в потоке переживания мёртвых? Потому что он не привык поддерживать более медленный темп в удержании мыслей, особенно в удержании чувств, в котором пребывают мёртвые.

Таким образом, когда человеку 28 лет, согласно его физическому телу, тогда его Я только семь лет. Так что вы можете утверждать только то, что по отношению к вашему Я, которое является собственно вашим существом, вы сохраняете гораздо более медленный темп развития, чем по отношению к вашему физическому телу. Трудность состоит в том, что обычно человек воспринимает скорость лишь как внешнюю скорость. Когда вещи протекают рядом друг с другом, он говорит: одно протекает быстрее, другое - медленнее, поскольку он берёт время для сравнения. А здесь скорость различна во времени. Но без такого взгляда, что различные члены человеческой природы имеют различный темп в своём развитии, невозможно увидеть то, что связано с собственным, более глубоким существом человека.

Но из этого вы видите, как в обычном сознании совершенно различные вещи, находящиеся в человеческой природе, собственно, просто свалены в кучу. Человек имеет это четверо-членное существо, и четыре члена этого существа так отличны друг от друга, что имеют даже различный возраст. Человек, однако, предаётся существенной иллюзии, связывая всё со своим физическим телом. Он говорит то, что в духовном мире не имеет абсолютно никакого смысла, когда утверждает, что его Я возрастом 28 лет, когда ему 28 лет согласно его физическому телу. Это имело бы смысл, только если бы он затем сказал: Моему Я семь лет, - но при этом, разумеется, год будет в четыре раза длиннее.

Можно выразить эти вещи и так: четыре различные члены человеческого существа рассчитываются согласно совершенно различным единицам времени. Я просто считает год в четыре раза длиннее, чем физическое тело. И образно вы могли бы себе это представить так, если бы не хотели проецировать на физический план. В то время как один человек, например, рос бы нормально и его возраст достиг бы 28-ми лет, ребёнок рос бы медленнее и через 28 лет был бы семилетним ребёнком. Так все эти вещи кажутся поначалу абстрактными истинами, но в человеке это основная действительность. Поскольку, подумайте только, что в своём Я мы носим то, что мы называем своим разумом, своим самосознающим мышлением. Если мы носим в своём Я самосознающее мышление, то наш разум и наше самосознающее мышление, собственно, существенно моложе, чем нам кажется, согласно физическому телу. И так оно и есть, такие мы в действительности!

Да, тогда, однако, мы приходим к видению того, что когда один такой человек двадцати восьми лет, и который производит впечатление, что его разуму двадцать восемь лет, то то, что является собственным от этого разума, который у него есть, составляет лишь одну четверть.

Это не поможет: если мы в двадцать восемь лет обладаем определённой суммой понимания, - нам принадлежит только его четверть, остальное принадлежит общему миру; остальное принадлежит миру, в который мы погружены через наше астральное тело, через наше эфирное тело, через наше физическое тело. Но о них мы, ведь, знаем непосредственно только посредством представлений, нечто - посредством чувственных восприятий, то есть, следственно, тоже в Я. Это значит, когда мы развиваемся как люди между рождением и смертью, тогда мы, собственно, настоящие видимости действительности. Мы производим впечатление в четыре раза более умных существ, чем есть на самом деле. Это правда! Всем, что мы имеем свыше этой четверти, мы обязаны тому, что происходит в исторической, социальной и нравственной деятельности того мира, который мы про-сновидим, который мы просыпаем. Сновидения, импульсы сна, которые мы имеем совместно с общим, всплывают над горизонтом нашего бытия и оплодотворяют нашу четверть разума и души, делая её в четыре раза сильнее, чем она есть на самом деле.

Здесь находится пункт, где возникает заблуждение в отношении свободы человека. Человек - свободное существо; это так. Но только истинный человек является свободным существом - та четверть, о которой я говорил. Другие три четверти, - в них действуют другие существа; они не могут быть свободными. И из-за этого возникает заблуждение относительно свободы, что всегда возникает вопрос: Так, человек свободен или нет? Человек свободен, когда это понятие свободы он связывает с одной четвертью своего существа, в том смысле, как я это объяснил. Если человек хочет иметь эту свободу как свой собственный импульс, то он должен соответствующим образом самостоятельно эту четверть развить. В обычной жизни эта четверть не может прийти к своим правам по той простой причине, что она подавляется тремя прочими четвертями. В этих прочих трёх четвертях действует всё то, что человек несёт в себе как свои инстинкты, желания, аффекты, страсти. Они убивают его свободу, поскольку через инстинкты, желания, аффекты, страсти действует то, что является общими импульсами.

Теперь возникает вопрос: Что мы ходим сделать, чтобы одну четверть душевной жизни, которая является в нас реальностью, действительно привести к свободе? Мы должны привести эту четверть в связь с тем, что является независимым от прочих трёх четвертей.

Философски я попытался ответить на этот вопрос в своей «Философии свободы», когда я тогда стремился показать, как человек может реализовать в себе импульс свободы только тогда, когда свою деятельность, свои поступки он полностью поставит под влияние чистого мышления, когда он придёт к тому, чтобы быть в состоянии чисто мыслительные импульсы сделать чисто деятельными импульсами. Импульсами, которые развиваются совершенно независимо от внешнего мира. Поскольку всё то, что развивается из внешнего мира, не позволяет нам реализовать свободу. Реализовать свободу нам позволяет только то, что развивается в нашем мышлении как побуждение к нашей деятельности независимо от внешнего мира.

Откуда приходят такие побуждения? Откуда приходит то, что не приходит из внешнего мира? Ну, оно приходит из духовного мира. Человеку нет необходимости в любом положении своей жизни находиться в ясновидческом сознании, [чтобы видеть], как эти импульсы приходят из духовного мира, но они всё же могут в нём быть. Только он их необходимым образом должен воспринимать несколько иначе. Если мы поднимемся в видящем сознании к первой ступени духовного мира, то это имагинативный мир; вторая ступень - это, как мы знаем, инспирированный мир; третья ступень - интуитивный мир. Таким образом, вместо того, чтобы позволять подниматься импульсам нашей воли, нашей деятельности, из нашего физического, из нашего эфирного, из нашего астрального тел, мы можем, если с этой стороны мы не будем принимать никаких импульсов, принимать их из духовного мира, встречать их как имагинации, за которыми стоят инспирации, за которыми стоят интуиции. Но это не обязательно должно переживаться сознательно как ясновидческое сознание: теперь я хочу это, позади стоят интуиции, инспирации, имагинации, - а результат этого выступает как понятие, как чистое мышление, выглядит так, как созданное в фантазии понятие.

Поскольку это так, поскольку такое понятие, лежащее в основании свободного действия, для обычного сознания должно являться как созданное из фантазии понятие, то, что лежит в основании свободного действия, в своей «Философии свободы» я назвал моральной фантазией. Таким образом, что такое эта моральная фантазия? Эта моральная фантазия, я бы сказал, противоположность зеркального отражения. То, что мы имеем вокруг себя в виде внешней физической действительности, - это зеркальное отражение, тут вещи отражаются для нас. Моральная фантазия - это табло, сквозь которое мы не видим. Поэтому вещи являются нам как фантазия. Позади них, однако, стоят собственно импульсы: имажинации, инспирации, интуиции, которые действуют (см. рис. 10). Если не знать, что они действуют, а

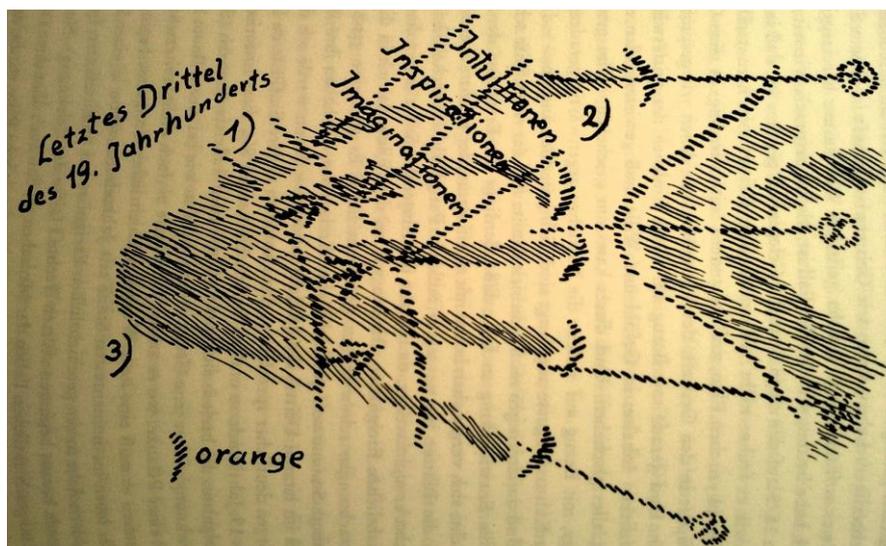

Рис. 10

лишь получать в сознание, в обычное сознание то, что они вызывают, то это выглядит фантазией. И эти результаты моральной фантазии, эти побуждения к действию, которые не исходят от влечений, страстей, аффектов, - это свободные побуждения.

Но как к ним прийти? Если просто так подняться к ясновидческому сознанию, то посредством ясновидения мы пришли бы к этому сознательно. Но в этом совсем нет необходимости. Моральную фантазию может развить также человек, не являющийся ясновидцем. Всё то, что означает действительный прогресс человечества, всегда выходило из моральной фантазии, насколько этот прогресс лежал в этической области. Речь идёт только о том, чтобы человек развил вначале чувство, а затем повышенный градус чувства - мы сейчас услышим более подробно, что понимается под этим повышенным чувством, - чтобы здесь на Земле он находился для того, чтобы делать вещи, которые касаются не просто его личности, его индивидуальности, а чтобы делать вещи, посредством которых осуществляется то, что хотят Духи Времени.

Сначала кажется, что за тем, что говорят, что человек должен реализовать то, что хотят Духи Времени, кроется что-то особенное. Но придёт время, когда это будет пониматься гораздо лучше, чем сейчас. И придёт время, когда к содержанию человеческого учения будут относить другое, нежели это делают в настоящее время, когда даже самые образованные люди пользуются понятиями, направленными на природу. Поскольку то, что даётся людям в отношении этической, в отношении социальной жизни, - это в большинстве своём лишённые существа, схематические абстракции, это чистые абстракции.

В этом отношении мы ещё не достигли того, что имели прошлые времена. Только человек сейчас может с большим трудом вдумываться в прошлые времена. У прошлых времён были мифы, - мифы, связанные с живой жизнью народов, мифы, которые воздействовали на поэзию, на искусство, на все возможные вещи. И чем занимались эти

мифы? В греческих мифах говорилось об Эдипе, о Геракле, о других героях, которым подражали, которые сделали нечто такое, что являлось примером для других. Каждый хотел следовать по их стопам. Назад вели нити представления, нити мышления, нити чувствования. Человек чувствовал себя единым с давно умершими. То, что в виде импульса исходило от умерших, рассказывалось в мифах и в переживании мифов, эти люди жили в отождествлении себя со знаниями импульсов мифов.

Нечто подобное необходимо создать снова, и будет создано, когда будут правильно поняты импульсы духовной науки. Только душевные взгляды будут направлены не столько назад, сколько вперёд. Но то, что должно стать содержанием публичного обучения, - это то, что связывает людей со становлением времени и, вместе с тем, с импульсами, прежде всего, Духа Времени, соответствующего существа из иерархии Архаев, о котором я говорил ранее, что перед ним, так называемые, мёртвые стоят так же, как и живые. В будущем в публичном обучении будут изучать то, чем является содержание такой эпохи, как та, что началась в 15-ом столетии и тем самым закончила греко-латинскую эпоху; будет изучаться то, что, собственно, вообще хочет в этом пятом послееатлантическом периоде вселенная. Будут приняты импульсы этой пятой послееатлантической эпохи. Будут знать: это должно реализоваться между 15-ым столетием и одним из столетий в последующем тысячелетии. И человек будет знать: он принадлежит своей эпохе так, что через него протекают импульсы этой актуальной эпохи. Дети будут в будущем учиться тому, как называются цветы, как называются звёзды, - сегодня они изучают это мало, но это, ведь, по меньшей мере нечто внешне-реальное, - так они будут учиться воспринимать действительные духовные импульсы эпохи. Для этого, правда, они должны быть вначале воспитаны, для этого надо прекратить называть историей то, что как история рассказывается сегодня. Вместо тех вещей, которые рассказывает сегодня история, в недалёком будущем будут говорить о духовных импульсах, которые стоят позади исторического становления, и о которых сновидят люди. Так как эти духовные импульсы являются тем, что призывает людей к свободе и делают его свободным, поскольку поднимают его в мир, из которого приходят интуиции, инспирации, имажинации. Поскольку то, что происходит на физическом плане внешним образом, что является внешней историей, - я это говорил даже в публичных лекциях, - уже потеряло своё значение, когда произошло; в действительности это не имеет такого значения, что можно сказать: Предшествующее всегда является причиной последующего. - Нет ничего более бессмысленного, чем рассказывать историю так, что, пересказывая деяния Наполеона в начале 19-го столетия, полагать, что то, что произошло позже, после изгнания Наполеона, было результатом того, что Наполеон сделал в своё время. Нет ничего бессмысленнее этого! Потому что то, что можно рассказать о Наполеоне, для действительности означает ровно то же самое, что для жизни человека означает описание его трупа через три дня после его смерти. То, что сейчас называется историей, по отношению к действительности исторического становления является описанием трупа, даже если это описание в сознании некоторых людей значит чрезвычайно много.

То, что произошло внешним образом, становится действительностью только тогда, когда оно показано в своём произрастании из духовных импульсов. Тогда можно будет видеть, что то, что делает какой-то человек, скажем в каком-то определённом десятилетии какого-то столетия, является следствием чего-то, что он узнал до того, как он вошёл в свою собственную земную инкарнацию, - никак не следствием того, что произошло десятилетия назад в ходе физического переживания на Земле, и так далее. Как раз, в отношении исторической, в отношении социальной и нравственной жизни, антропософско-ориентированная духовная наука должна будет оказать углубляющее, плодотворное воздействие, а именно в области истории. Это знание духовных импульсов, будучи возведенное до требований нашего времени, будет чем-то подобным тому, что для древних времён было помещением себя в живые мифы, будет наполнять людей такими импульсами для их деятельности, которую они осуществляют свободно. Эти вещи сначала надо понять,

потом, по мере того, как это понимание будет становиться всё более распространенным, они начнут вмешиваться в реальную жизнь.

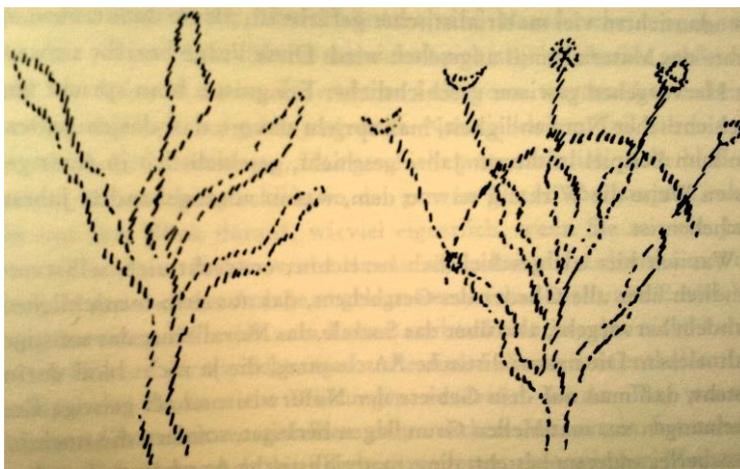
Но ещё и нечто другое выходит для вас, как раз, из этих рассмотрений. Из них выходит, что чувственные импульсы, волевые импульсы, вместе с которыми мы стоим в одной и той же жизненной сфере, что и, так называемые, мёртвые, являются тогда более высокой, более интенсивной действительностью, чем та, что мы знаем своим бодрствующим сознанием как представления и чувственные восприятия. Поэтому то, что требуется сейчас так, чтобы оно стало также предметом публичного изучения, может быть действительно плодотворным только тогда, когда оно охватывается не только разумом, а переходит в импульсы чувства, в импульсы воления.

Это может произойти только тогда, когда в духовной науке будут видеть реальную действительность, а не просто учение. А в духовной науке легко увидеть просто учение, теорию. Но духовная наука не просто учение, не просто какая-то теория, духовная наука - это живое слово. Поскольку то, что провозглашается духовной наукой, является откровением из миров, которые мы разделяем с высшими иерархиями и с миром, так называемых, мёртвых. Этот мир сам говорит нам через духовную науку. И тот, кто действительно понимает духовную науку, знает, что в этой духовной науке продолжает звучать то, что является душевной музыкой духовного мира. То, что считается, - но теперь не из мёртвых букв, а из действительных событий духовного мира, - может пронизывать наше чувство живой жизнью, если мы воспринимаем духовную науку в этом смысле как нечто такое, что обращается к нам из духовного мира.

Я подчеркивал, что это так, когда говорил, что с 1879-го года, с одной стороны, появилась возможность духовной жизни стекать на физический план таким образом, какого раньше не было, но с другой стороны, она находит своих противников в духах тьмы, о которых мы говорили. И, как раз, в отношении этого вживания духовно-научного содержания в чувство и волю всё ещё, так сказать, должно произойти. И это может произойти только в том случае, если фундаментально изменятся определённые вещи, в отношении которых люди сейчас зашли в культурный тупик.

И проникнуться необходимо следующим: С одной стороны, развитие продвигается так, что события истории можно сравнить с растущим деревом; но когда листья развиваются до своей внешней периферии, дальше оно не растёт, а начинает там отмирать. Так обстоит дело и с историческими событиями. Обратимся к картине, которую я в этом рассмотрении привёл раньше (см. рис. 10): Есть совершенно определённая сумма исторических событий, коренящихся в последней трети 18-го столетия, - об этом я буду говорить подробнее завтра, - к ней в ходе 19-го столетия добавляются другие влияния, и так далее. И, смотрите, эти исторические события распространяются и достигают внешней границы. Но эти границы не такие, как у дерева или какого-то растения, где на периферии рост просто прекращается, а должен начаться новый корень исторических событий. Мы в самом прямом смысле уже целые столетия живём во времени, в котором из непосредственных интуиций должны начаться новые исторические события (правая часть рисунка). Только в исторической жизни людей дело обстоит так, что и об этих вещах легко распространяются иллюзии. Вы, ведь, можете взглянуть на какое-либо естественным образом растущее растение, которое, благодаря своему внутреннему закону, растёт до определённой периферии, только до этой периферии (рис. 11). Но теперь вы могли бы вызвать иллюзию: вы могли прикрепить

провода,
этим проводам
предаться
растение тогда
места.

прикрепить к
листы бумаги и
иллюзии, что
зайдёт до этого

Рис. 11

Такие провода есть и в отношении исторических событий! Хотя уже давно должен был быть другой дукт (Duktus) исторических событий, такие провода есть. Только в историческом развитии этими проводами являются человеческие предрассудки, человеческие удобства, которые в мёртвых проводах продолжают то, что давно умерло. Тогда некоторые люди садятся на концах этих мёртвых проводов, и люди, которые тогда садятся на концах этих мёртвых проводов, то есть, на самых внешних краях человеческих предрассудков, часто воспринимаются как исторические личности, да, часто как настоящие исторические личности. И люди даже не догадываются о том, насколько эти личности сидят на таких проводах человеческих предрассудков! Немного создавать себе суждение о том, сколько личностей, которые сегодня считаются «великими», раскачиваются на таких проводах человеческих предрассудков, - это уже принадлежит к важнейшим задачам современности.

ШЕСТАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 16 декабря 1917 года

Во всех этих рассмотрениях, которые мы сейчас предприняли, на заднем плане стоял вопрос, который современностью, - которая всё же в своих основных взглядах окрашена гораздо более материалистично, чем она полагает, - рассматривается, как раз, в свете материализма. Этот вопрос касается возникновения определённых исторических событий. Говорят, об исторической необходимости, говорят о том, что то, что происходит, например, в этом году, является, в некотором роде, историческим следствием того, что произошло в предыдущие годы.

То, что я называю здесь историческим, разумеется, распространяется на все члены событий, возникающих в результате человеческой деятельности, то есть, на социальную, моральную и прочую культурную жизнь. Материалистический взгляд, который, ведь, состоит не только в том, чтобы в области естествознания выводить духовные явления из материальных оснований, но и во многом другом, - этот материалистический взгляд, собственно, хотел бы совершенно исключить понятие свободы. Поэтому я хотел бы то, что происходит в ходе истории, представить также так, как это привыкло делать естественно-научное рассмотрение, а именно, так, что всегда с определённой необходимостью последующее выходит как следствие предыдущей причины. Тогда говорят, возможно,

полагая, что мыслят вполне адекватно: Ну, какое-то событие - даже такое событие, как то, что столь страшно катастрофическим образом ворвалось сейчас в происходящее в мире - это, опять же, необходимость.

В этом смысле, то есть, с понятием «естественно-научной необходимости», этот взгляд является полной бессмыслицей, даже если выражение: какое-то событие является необходимостью, - в другом отношении имеет свой положительный смысл. Если вы обдумаете то, что вчера, в свою очередь, предстало нашим душам, - сложность человеческой природы, - то вы обретете также соответствующий чувствам, не только разуму, взгляд на глубины мирового порядка вообще, и будете постепенно отвыкать считать, что с абстрактными естественно-научными представлениями законов можно как-то охватить эту реальность.

Ваш взгляд тогда будет направлен на определённые природные явления, которые, если рассматривать их в правильном свете, могли бы многому научить человека, - на природные явления, вроде следующих. В море круглый год развивается большое количество зародышей, которые не становятся живыми существами. Зародыши откладываются и погибают. Лишь небольшая часть из них становится действительно живыми существами. Это происходит, конечно, не только в море, это происходит во всей природе вообще. Обратите внимание на то, - рассматривая лишь один год - сколько из них, собственно, предназначены для жизни, как множество зародышей, яиц, откладываются и не приходят к развитию. Сколько из них предназначены для жизни и не становятся жизнью! Не должны ли мы сказать: Все эти зародыши содержат в себе причины, которые не приводят к следствиям? - Фактически, тот, кто рассматривает природу не согласно предварительным теоретическим мнениям, а именно, не согласно ё определяющему теоретическому мнению: Любая причина имеет своё следствие, и все следствия имеют свою причину, - тот, кто рассматривает природу непредвзято, тот обнаружит, что в природе есть бесчисленное количество того, что в полном смысле этого слова обозначается как причина, без того, что из неё образуется какое-то следствие в том смысле, как это должно было бы быть, если бы эта причина полностью реализовалась. Мы видим, что, как бы, в бесконечно большом числе случаев, жизнь снова и снова прерывается, не приходит к своей цели.

Это нечто такое, что можно видеть снаружи в материальной природе. Если теперь духовный исследователь спросит себя: Как же соответствующим образом обстоит дело в духовном мире? - то он придёт к очень странным вещам. Он придёт к чему-то такому, что в определённом смысле точно соответствует стоянию жизни на месте в природе, но так, как духовное соответствует природному. А из бесчисленных рассмотрений мы знаем, что в очень многих вопросах, - не во всех - духовное характеризуется, как раз, тем, что оно в своих свойствах противоположно природному, прямо противоположно. Точно так же, как в тех случаях, о которых я говорил, мы имеем естественные причины, не приходящие к своим следствиям, где мы, как бы, видим: здесь процесс обрывается, и обрывается то, что, как говорят, заложено в нём и не достигло формирования, - хотя слово «заложено» («*veranlagt*») является одним из худших слов, используемых для понимания реальности, - так, и наоборот, как духовные исследователи, мы видим, что в духовном мире появляются следствия, возникают следствия, о которых так же мало можно сказать, что тут их причины, как и о только что охарактеризованных причинах можно сказать, что тут их следствия.

Зададим теперь конкретный вопрос: Что же открывается взору духовного исследователя, когда он направляет взор души на такие остановленные жизненные процессы, как только-что описанные? Физический глаз видит, что зародыши просто погибают; но духовное, душевное око видит, что там, где такие зародыши - только кажущимся образом - погибают, возникает нечто сущностное на более ранней ступени, на ещё не материальной ступени. Если бы человек хотел проследить за тем, что действительно происходит в таком случае, когда материальные причины, как бы, не имеют следствий, тогда ему пришлось бы, если можно так выразиться, сновидеть космически. В обычном сознании человек может сновидеть только эгоистически. Когда он сновидит ночью, он сновидит связанным со своим собственным

организмом; в сновидении он не связан с окружением. Если он может быть связанным со своим окружением и развивать те же силы, которые он иначе развивает в сновидении, то он находится в имажинативном представлении.

То, что тут остановлено в природном процессе, что не становится физическим живым существом, - это становится чем-то таким, что теперь имажинативное представление вполне может осознать. Из таких остановленных зародышей возникают существа, которые доступны только имажинативному представлению. Существа, которые можно было бы сновидеть, если бы человек сновидел не как человек, а как существо иерархии Ангелов. Ангелы действительно видят сны, если можно использовать такое выражение, о тех существах, которые ежегодно в большом количестве поднимаются из моря, с Земли, как элементарные формы, являющиеся ни чем иным, как продуктом кажущимся образом погибших зародышей.

Если вы сделаете свои мысли по-настоящему живыми, то увидите, как с Земли, словно некий духовный аромат, поднимается элементарная жизнь, в которую мы помещены, внутри которой мы находимся нашей душой. Но внутри этой элементарной жизни мы стоим ещё гораздо более интенсивным образом, поскольку мы участвуем в процессе, о котором я говорил. Как люди мы задействованы в нём очень сильно. И животные в нём задействованы тоже. Почему? Ну, нет никакой разницы между тем, что происходит, когда в море откладывается столько-то рыбных икринок, которые не становятся рыбами, а лишь дают начало элементарному существованию, и тем, что происходит, когда мы видим семена, вырастающие из земля в поле, скажем, семена пшеницы. Сколько вырастает семян пшеницы, все из которых предназначены для того, чтобы самим, в свою очередь, образовывать пшеничные колоски, и которые этого не делают, поскольку мы их съедаем! Тут мы сами, в своих стоящих в мире процессах, соединяемся с тем, что развивается как элементарное бытие. В зёрнах пшеницы и в других продуктах, которыми мы питаемся, мы также останавливаем идущий вперёд процесс. Мы не позволяем получить из них действительным существам, а обуславливаем, посредством нашего собственного бытия, превращение того, что предопределено к совсем другому, в элементарные процессы, достижимые только через имажинации. Но эта действительность, лежащая в основании этой имажинативной жизни, разыгрывается, благодаря тому, что мы сами помещены в процесс, что мы в нём участвуем. Из пшеничных, ржаных зёрен, из всего прочего, что мы таким образом используем в природе, из всего этого развивается элементарная жизнь, и эта элементарная жизнь проходит через нас. Эту элементарную жизнь мы принимаем, внутри этой элементарной жизни мы стоим.

Здесь вы смотрите на основу элементарной жизни. Здесь вы видите, что мы можем тут быть в мире, только благодаря тому, что мы останавливаем другой идущий вперёд процесс и доводим его до одухотворения. Даже когда мы едим, мы одухотворяем процесс, который иначе был бы предопределён протекать чисто материально.

В духовном мире присутствует противоположное. Там дело обстоит так, что есть следствия, которые имеют причины не в том же смысле, как в случае с движением бильярдного шара, который приводится в движение другим шаром, а которые появляются, так сказать, без необходимости уточнять: то или иное является их причиной. Понятия причины и следствия теряют свой смысл, когда мы обращаем свой взор на такие вещи. В нашу душевно-духовную жизнь вступают воздействия, - воздействия из духовного мира, о которых нельзя сказать, что у них есть причина. Так, как мы сейчас с вожделением стоим перед элементарными воздействиями, поднимающимися подобно запаху из описываемых процессов, - с тем вожделением, которое исходит из нашей жизненной необходимости: мы хотим себя прокормить, поэтому мы обязаны вписываться в те элементарные процессы, которые были описаны, - так же, насколько мы являемся людьми физического плана, мы стоим с отвращением, с антипатией, собственно, перед духовными воздействиями, которые в определённом смысле беспричинны. Таким воздействиям, приходящим из духовного, поскольку мы являемся физическими людьми, мы стремимся не позволять входить в нас.

Если вы поймёте эти несколько тонкие мысли, то вы увидите: мы в некотором смысле окружены некой духовной волей, желающей в нас проникнуть, стремящейся в нас проникнуть, и перед которой мы поначалу не стоим с желанием, с вожделением, которую мы поначалу совсем не хотим просто так в нас принимать. Это так, будто вокруг нас в воздухе постоянно парят волевые импульсы, по отношению к которым мы ведём себя уклончиво. Это также нечто такое, к чему вскоре приводит ясновидческое сознание, когда оно достигает своего развития: к воззрению того, как, как бы, образное парит в нашем окружении, и как мы испытываем внутреннее сопротивление принятию в себя этого образного.

Будем рассматривать это образное как некую действительность. Как правда то, что каждый год на земле гибнет столько-то зародышей жизни, так правда и то, что в мире, который всегда окружает нас как духовный мир, живёт нечто духовно-образное, которое можно достичь посредством имажинации, но которому мы, благодаря нашему человеческому положению, оказываем лёгкое сопротивление.

Эти сопротивления теперь нужно понимать не просто в общем абстрактно, а конкретно дифференцированными. То, что в физической жизни каждый год развивается как восходящая элементарная жизнь, - это развивается в других временных периодах, духовно нисходящим образом, превращаясь в то, что мы отвергаем, - отвергаем в других временных периодах, то есть, не точно в регулярных временных периодах. Бывают времена, когда духовная жизнь, как бы, бурлит вокруг нас и многое хочет добраться до нас. Бывают другие времена, когда духовный воздух вокруг нас становится, так сказать, более бедным. Человек может теперь вести себя более или менее воспринимающим образом, хотя в общем он не расположен принимать в себя это достигаемое через имажинации образное существо. Однако, он может вести себя воспринимающим образом, благодаря определенным предпосылкам, о которых мы ещё будем говорить позже, или может вести себя, совершенно отвергающим образом.

Предположим, что в какой-то период был бы, я бы сказал, особый наплыв таких существ, которые хотели бы добраться до человека, и человек не хотел бы принимать их в себя. Что бы тогда произошло? Тогда произошло бы то, что человек, из-за того, что он не хочет принимать в себя такое напорающее на него духовно-сущностное, в самом себе создал бы возможность для того, - то есть, человечество создало бы в самом себе эту возможность, - чтобы старое, ставшее иссохшим, сухим, продолжилось бы и, вместо того, чтобы прийти к живому действию, произвело бы мёртвое действие: так же, как растение, которое закончило своё время жизни, не убирается прочь, а остаётся, вредя окружению, в виде задеревенелого, высохшего растения.

В историческом становлении это выглядит следующим образом: Когда приходит какой-то период времени, - и один из таких периодов в своих основных чертах приходится на начало 20-го столетия, - когда духовно-сущностное, как бы, ожидает, чтобы приблизиться к человеку, когда для человека все требования состоят в том, чтобы открыть душу для новых откровений, а человек не хочет принимать эти откровения, уклоняется от них, тогда старое продолжает прокручиваться неподобающим образом дальше. Поскольку это старое нуждается в новом оплодотворении обходным путём через человека. Этого не происходит. Неоплодотворённое, сухое и безжизненное, продолжает прокручиваться, и тогда возникают такие события, как теперешняя катастрофа.

Среди различных причин, которые можно найти в духовном мире, эта является одной из наиболее важных: развитие к 20-му столетию было таким, что люди сопротивлялись - по причинам, которые мы обсудим позже - новому откровению. Можно было бы сказать: духовный мир был полон того, что было предложено человечеству в виде новых духовных познаний, в виде новых духовных импульсов, и человечество отвергло это. По какой причине? Конечно, такие вещи также связаны с условиями развития человечества. Мы, ведь, знаем, что должно было прийти время материализма, поскольку в отношении определённых других сторон оно имеет и свои хорошие качества. То есть, это материалистическое время пришло, и одним из последствий этого материалистического времени стало то, что люди создали понятия, которые относятся только к части человеческой природы.

Подумайте о том, что мы обсуждали вчера. Вчера мы говорили о том, что этот четырехчленный человек, который, если рассматривать его грубо, состоит из физического тела, эфирного тела, или тела образующих сил, астрального тела и Я, по отношению ко всем этим частям, ко всем этим членам, имеет, собственно, разный возраст. Если человеку двадцать восемь лет, то ему двадцать восемь лет только по отношению к его физическому телу, говорил я вчера, по отношению к, так называемому, эфирному телу ему двадцать один год, по отношению к астральному телу - четырнадцать лет, по отношению к Я - всего семь лет. Вы легко можете понять это из того, что обсуждалось вчера: вот, перед нами человек двадцати восьми лет; но это сказано не в собственном смысле: человеку с этими двадцатью восемью годами жизни двадцать восемь лет только как физическому лицу. В этом человеке живёт, например, Я, - если опустить другое, - которое живёт медленнее, которое ещё остается семилетним ребёнком, когда человеку двадцать восемь лет. Этот семилетний ребёнок, когда физическому телу человека исполнилось двадцать восемь лет, фактически связан с совершенно другими мирами, нежели тот мир, в котором царит естественно-научная необходимость. Но в материалистическую эпоху люди привыкли формировать только те понятия, которые применимы к взаимоотношениям между физическим телом человека и физической средой, и обо всём судят согласно этому. Человек как действительный человек как он стоит в мире, - существо сложное, такое сложное, как мы обсуждали вчера и знаем из многих рассмотрений. То, что, человек думает, что знает о себе, что он говорит о себе, для нашего материалистического века является, собственно, лишь четвертью того, что относится к человеку, - только то, что относится к физическому телу. Только в этом отношении физического тела к среде можно говорить о естественно-научной необходимости. О чём же нам говорить, - если снова отвлечься от всего остального, - в отношении того, что, например, в двадцативосьмилетнем человеке является ещё семилетним ребёнком? Тут надо говорить совсем о другом, от чего это бесконечно просвещенное настоящее, это бесконечно умное настоящее совершенно отвернулось. Тут нужно говорить, как бы странно это ни звучало для современного человека, о чудесах.

Чудеса в том смысле, в каком люди их себе представляют, чудеса в том смысле, в каком представляют себе их те люди, которые любят ходить на спиритические сеансы, - это вещи, о которых истинная духовная наука говорить не может. Чудеса лежат в совершенно разных областях. Чудеса лежат в духовных событиях. Поскольку, как во внешних, естественных событиях лежит необходимость, так в области духовных событий лежат чудеса. Ни один человек, который из духовного мира входит в физический мир, который вступает в физическое воплощение, не является физической необходимостью. Он является необходимостью, поскольку он сам устанавливает себе эту необходимость, поскольку, исходя из духовного мира, он принимает сверхсознательное решение соединить себя с каким-то наследственным течением. Нет нужды лежать причинам у матери и отца, - лежит только возможность. Любое появление человека в физическом мире — чудо. То, что в физический мир вступает то, что в нашем возрасте двадцати восьми лет имеет только семь лет, - это всегда действительное чудо, по отношению к которому всякий естественно-научный вопрос о причине является совершенно обычной бессмыслицей. То, что в нас растёт так медленно, что в двадцать восемь лет достигает возраста только семи лет, - выводить это из наследственности, является бессмыслицей. Если мы действительно хотим найти причины, если мы хотим спросить: Откуда происходит то, возраст чего тут в двадцать восемь лет составляет только семь лет? - то мы вернёмся назад в духовный мир, в тот мир, который мы имеем сообща вместе с, так называемыми, мёртвыми, в тот мир, который мы населяли до того, как спустились в наше тело. Духи, которые были способны мыслить непредвзято, могли уже сформировать понятия о таких вещах, хотя в наш материалистический век и с большим трудом.

Подумайте только, как много Гёте занимался естественно-научными представлениями, как он даже достиг образцовых естественно-научных представлений! Как вы знаете, он постоянно тосковал по Италии, ещё до своего приезда в Италию. И когда он увидел в Италии

великие произведения искусств, которые дали ему представление о творческой деятельности искусства Греции, он написал своему другу в Веймаре: «Это необходимость, это Бог». Он говорил о другой необходимости, нежели та, о которой говорит простое естествознание. Ощутить эту необходимость, как раз, согласно своим естественно-научным представлениям, он мог уже раньше; когда в Италии он увидел греческие произведения искусства, он ощутил эту необходимость, которая светила из духовного мира и была тождественна чуду.

Но наше время просвещено, люди нашего времени очень умны. Поэтому они отвергли не только неправомерное понятие чуда, но и вообще вытеснили само чудо, в том числе и из духовного мира. Но изгнать чудо из духовного мира означает ни что иное, как сделать всё, чтобы этот духовный мир вообще нельзя было понять. Поскольку из духовного мира вещи выступают так, что мы видим только следствия; если мы ищем причины, то мы не можем их найти. Как раз, став духовным исследователем, человеку предстаёт это как безусловная истина. А поскольку в конце 19-го столетия нечувствительность человечества к чуду, к трепету перед тем, что хочет открыться миру, до определённой степени возросла, появилось отвращение к откровению. Поскольку в том же смысле, в каком развивается почтение ко всему глубинному в мире, в такой же мере приходят к людям и эти откровения.

То, что в мировом порядке может появиться как действие чуда, может также и не появиться, может отсутствовать. С этой невосприимчивостью к чуду связано и то, что в эпоху, которая приблизилась в 20-ом столетии, не было предпринято. И если говорить о причинах наших катастрофических событий, то эти причины не те, что создали люди, а эти причины - грехи бездействия. Это то существенное, что имеет значение.

В предыдущие годы в одной лекции, которую я прочёл несколько раз, я обратил внимание на то, что в середине 19-го столетия жил выдающийся философ: Карл Христиан Планк. Я во многих местах имел возможность указать на этого Карла Христиана Планка по той причине, что он написал произведение, которое оставил после себя, как, так сказать, своё философское и литературное завещание. И в этом произведении о нынешней мировой катастрофе даже не намекается, а в подробностях, - даже в духовных подробностях, - описывается заранее. Книга была написана в 1880-ом году. Почему он мог это сделать? Потому что Планк принадлежал к тем духам, которые в нужное видели, что происходит. Если у вас есть какой-то дом, который находится в аварийном состоянии, то его надо вовремя отремонтировать. Если вы будете ждать, пока его уже нельзя будет починить, он рухнет, и последует катастрофа. А наша нынешняя катастрофа - это ни что иное, как такое обрушение. При действительном рассмотрении - это обрушение. Семидесятые и восьмидесятые годы прошлого столетия были подходящим временем для того, что должно было произойти. Как известно, такие духи, как Карл Христиан Планк, указавший грядущее, никогда не годятся на то, чтобы стать ведущими личностями во внешней жизни! Для того, что должно было произойти, семидесятые и восьмидесятые годы прошлого столетия были подходящим временем. Такие духи, как Карл Христиан Планк, которые указывали на то, что должно произойти, как известно, ведь, никогда не подходили для того, чтобы стать ведущими личностями во внешней жизни! Когда где-то речь идёт о том, чтобы обратиться к какой-то ведущей личности, найти какого-то государственного деятеля или кого-то подобного, тогда, разумеется, не обращаются к тем, кто что-то знает в смысле Карла Христиана Планка - не к ним же обращаться, не так ли, - а обращаются к другим людям, которые очень часто не могут найти возможности поддержать нуждающийся в ремонте дом. Но сегодня можно предоставить историческое доказательство, если только заглянуть за кулисы жизни, - и Карл Христиан Планк не единственный, есть и множество других, - что в нужное время из духовного мира к некоторым людям пришло откровение о событии, к которому приближается человечество. Тогда также ещё было время придать этому событию иной ход. Конечно, Карл Христиан Планк не был услышан.

Но услышаны ли сейчас люди, которые говорят, что для того, чтобы это было действительно, нужно говорить за годы до того, как произойдёт это обрушение? К сожалению, приходится сказать, что то, как человечество до сих пор переживало это катастрофическое

событие, ясно дает понять, что если это катастрофическое событие будет продолжаться ещё четыре года, люди к нему привыкнут и примут его, - теперь уже как нормальную жизнь; поскольку в определённой высокой степени эта привычка уже развилась. Но тот, кто понимает знамения времени, тот спрашивает сегодня: что должно произойти? - поскольку если что-то не происходит, то через десятилетия оказывается, что что-то должно произойти, поскольку оно произошло в нужное время.

Но, исходя из окружающего физического мира, нельзя найти то, что должно произойти согласно сегодняшним условиям времени. Сегодня, если вы хотите услышать правильные вещи, вам нужно слушать тех, кто может говорить из духовного мира. Конечно, в менее важных вещах всё происходит быстрее. Можно сказать: лет через пять люди, возможно, поймут, что им надо было бы послушать некоторые вещи, которые они могли бы знать уже сегодня, если бы они слушали. Но они не склонны слышать эти вещи, потому что склонны слышать только то, что уже проявляет признаки во внешнем физическом мире. Но физический мир для исторического становления не важен. Он не показывает то, что должно быть толчком и импульсом происходящего. То, что должно быть толчком, импульсом для происходящего в общественной и нравственной жизни, должно происходить из духовного мира.

Теперь, к одному из величайших событий в ходе человеческой эволюции человечество должно быть воспитано, как раз, в наше время: верить в свободу также и в историческом развитии. В определенном пункте духовной жизни современное человечество со всей мощью должно столкнуться с тем, чтобы поверить в свободу, - и чудо тогда идентично этому. И этот пункт заложен в понимании импульса Христа, в понимании Мистерии Голгофы. То, как человечество относилось к Мистерии Голгофы, в прежние времена было совершенно иным и становилось всё более иным по мере того, как мы продвигаемся в историческом развитии. Мы часто об этом говорили. Сегодня в человеке нет возможности, - нет, как раз, в смысле духа времени самых продвинутых людей, - ставить событие Голгофы как историческое событие в ряд других исторических событий. То, что здесь входит в рассмотрение как предпосылка, мне нужно лишь представить: Вы знаете, что Евангелия, как исторические документы, пошатнулись в своём значении. В соответствии с тем, как проводятся сегодня исторические исследования, мы не можем рассматривать Евангелия как документы в том же смысле, в каком мы рассматриваем документы о Сократе или Платоне, или об Алкивиаде или Цезаре как исторические документы, как не можем рассматривать и другие документы, объединённые Новом Завете о событии Голгофы. То, как люди сегодня думают об историческом исследовании, лишает это историческое исследование возможности рассматривать Евангелия как исторические документы и из Евангелий рассматривать событие Голгофы как историческое, я имею в виду, как нечто исторически доказанное, как то, что является исторически доказуемым, как исторически доказываются и документируются другие исторические события и факты. Нельзя говорить о Христе Иисусе как об исторической личности в том же смысле, в каком как об исторической личности можно говорить о Карле Великом согласно тому, что теперь называют историческими источниками.

Для того, кто понимает эти вещи, сегодня настало время, когда искренний, проникающий в истину человеческий разум должен сказать себе: то, что считалось историческими источниками в отношении Мистерии Голгофы, через ту форму, которую приняли исторические исследования, поколеблено. И надо быть кем-то вроде тупицы, как, например, знаменитый теолог Адольф Гарнак (Adolf von Harnack), чтобы на основании того, что, как он говорит, на четверть страницы, можно собрать о Христе Иисусе, снова и снова утверждать: в этом всё же даются исторические документы в смысле сегодняшней истории. Конечно, в этих вещах, которые умещаются на четверти страницы, исторические документы даются так же мало, как они даются - согласно самому Гарнаку - в Евангелиях. Но такая идея как гарнаковская, которая противостоит сотням и сотням других, связана, как раз, со всей неправдой нашего времени в таких вещах, которая никогда не хочет доходить до радикальных выводов, которые являются, как раз, просто правильными выводами.

А вывод, который, ведь, надо сделать, состоит в том, что, человек, исходя из того, что имеется, должен сегодня признаться: если он будет искать Христа Иисуса внешне-историческим образом, он его найти не сможет. Он должен найти его на пути духовного исследования. Но там он найдёт его обязательно. Там он найдёт историческое событие Голгофы. Почему? Потому что историческое событие было таково, что оно вступило в человеческое развитие через свободу, через свободу в ещё более высоком смысле, чем другие исторические события, и потому что это свободное событие, как раз, в нашу эпоху подступило к человеку так, что ничто не принуждает его принять его значимость; он должен принять эту значимость, исходя из внутренней свободы. Для принятия того, для чего есть исторические доказательства, человек несвободен. То, для чего нет внешнего исторического доказательства, человек принимает, исходя из духовных оснований, а на духовной почве он свободен. Христианином становятся, благодаря свободе. И это, как раз, то, что необходимо понимать в сегодняшнюю эпоху, - что в действительности христианином можно быть, только исходя из полной свободы, а не по принуждению исторических документов. В нашу эпоху христианство должно обрести ту истину, - это предназначено этой эпохе, - благодаря чему оно станет великим импульсом человеческого понимания свободы. В наше время это принадлежит к самым фундаментальным истинам, - чтобы было понято, что доказательства для христианства надо искать в духовном мире.

Если это понимание станет таким интенсивным в человеческой природе, каким оно должно стать, то оно произведёт также другие взгляды и многое другое. Прежде всего, оно произведёт то, что человек вообще научится отвечать на вопрос: Как мне сделать себя более восприимчивым к тому, что не принуждает меня, исходя из физического мира, признать это, к чему я, возможно, поначалу даже испытываю отвращение, антипатию? Что делает меня более склонным к этому?

Действительно, - не из личного тщеславия и глупости, а потому, что я просто хочу дать конкретный пример, - я должен в таких случаях снова и снова обращать внимание на то, что я начал свою литературную деятельность не с того, что прежде всего высказывал свои мнения, а с того, что публиковал всё в связи с духом Гёте, сознательно оглядываясь на тот дух, который уже в 1832-ом году поднялся в духовное царство, так называемых, мёртвых. Но прочтите то, что я писал о Гёте ещё до моей «Философии свободы»! Так называемые, исследователи Гёте в основном заботятся о том, чтобы передать взгляды Гёте. Гётевские взгляды даются этим людям, если они являются литературными пережёвывателями жвачки, то есть, если они пережёвывают то, что Гёте говорил в своей инкарнации до 1832-го года. Я всегда придерживался мнения, что то, что сказал Гёте, действительно не нуждается в повторении того или иного учителя, а также не нуждается в том, чтобы это повторял я, поскольку то, что он хотел сказать, он уже сказал лучше сам. Всегда лучше прочесть сами произведения Гёте, чем взгляды на них учёных мужей, даже таких известных магистров, как, например, Льюис (Lewes) в его известной биографии Гёте. То, что я пытался написать, является тем, что основывается на инспирации более не стоящего на Земле Гёте: дальнейшее развитие его взглядов в определенной области после его смерти, которое могло быть написано из некоего чувства живой связи с так называемыми умершими душами.

Я упоминаю об этом как пример, действительно не из глупого тщеславия, а потому, что это связано с вопросом: Что люди должны делать, чтобы стать более восприимчивым для того, что приходит из духовного мира? Люди должны связаться с мёртвыми. Они должны найти путь в те миры, где живут мёртвые, но разумным понимающим образом, действительно соответствующим образом, не через спиритизм. Мёртвые продолжают говорить после своей смерти. И то, что они говорят, что они импульсируют, живёт, как вы видели, хотя и не в нашем чувственном опыте, не в наших представлениях, но в наших чувствах и в реальности наших волевых импульсов. Там это живёт.

Но тогда нам также нужно найти в себе то, что вообще побуждает нас подступать к духовному миру. С неверием в приближение к духовному миру связана антипатия к имагинациям, которые хотят прийти из духовного мира, которые хотят импульсировать наше

участие также в социальных человеческих событиях, в моральных и этических человеческих событиях, и которые всё же единственно и только могут сделать человека свободным.

Две вещи необходимы в наше время: увидеть, что вера в Мистерию Голгофы должна быть свободным делом человеческой души, и проникнуться ей. И, с другой стороны: реально, не просто абстрактно, не просто в абстрактной вере, а реально искать мост к мёртвым. Также и против последнего многое говорит в наше время. Люди не сразу видят полностью всё, что говорит против. Какой идеал представляют себе люди для происходящего в социальном? Они представляют себе: Мы умны, поскольку мы родились, ходили в школу, то есть, мы разумные существа, разумные люди, поэтому мы и так знаем, что должно происходить в социальной жизни. Мы формируем собрания, местные советы, государственные советы, парламенты, как бы их ни называли, где мы, разумеется, обсуждаем то, что должно произойти в общественной жизни, поскольку мы умны, и если такие умные люди, какими мы и являемся в наше время, собираются вместе, то всегда выходит нечто правильное.

Это идеал. Но он исходит из одной предпосылки, которая неверна. Он основан на той предпосылке, что человек просто знает, что является правильным. Вы знаете, что является правильным? Знаете ли вы, кто знает, что является правильным в 1917-ом году? Не те, кому сейчас за двадцать и которые предпочитают в парламенте просто болтать и судить о том, что правильно для 1917-го года, а лучше всего это знают те, кто уже давно умер! У них нужно спрашивать, как надо себя вести! Здесь кроется значительная часть того, что отвечает на вопрос: как можно улучшить нашу социальную жизнь? - Когда мы научимся спрашивать мёртвых.

До конца своей жизни, как физическое лицо, вы обычно знаете всё только в той мере, в какой это приносит пользу лично вам. Знание становится по-настоящему зрелым только тогда, когда человек умирает. Только тогда оно становится настолько зрелым, что его можно правильно применить в социальной жизни. Но не следует полагать, что мёртвые теперь должны вмешиваться прямо, как бы, физическими руками, примерно так же, как люди, живущие здесь в физическом теле. Мёртвые могут знать лучше живых, что должно происходить социально, но они должны быть услышаны людьми, а исполняющие органы должны быть здесь, в физически живущих людях. Люди в наше время должны прежде всего учиться быть такими исполняющими органами. Но о таких «парламентах» - если мне будет позволено использовать такое выражение, которое так неприятно, - о таких «парламентах, где люди будут стремиться к тому, чтобы в них участвовали мёртвые, не будет слышно ещё долго. Однако в определенных областях спасение всё же не придёт, если не позволять давать слово мёртвым, и если социальная жизнь также и с этой стороны не сможет быть спиритуализирована. Прежде чем отдаться вере, что приобретенная здесь на Земле через рождение, мир и обучение мудрость является зрелой для социальных импульсов, следует углубиться в то, что является действительно зрелым для социальных импульсов: та мудрость, которая уже сбросила своё физическое тело, и которое, если мы её действительно исследуем, откроет перед нами значительные перспективы.

Подумайте, как углубится жизнь чувств, какое углубление испытывает весь человеческий характер (Gemüt), когда то, что я сейчас высказал как идеи, станет чувствами и ощущениями; когда на место старого мифа, который связывал современного человека с его предками, вступит та связь, на которую я указал: конкретная духовная жизнь, которая, в свою очередь, наполнит нашу духовную атмосферу; и когда то, что посредством духовной науки можно постичь как идеи, перейдёт в характер (Gemüt) и восприятие, и люди действительно захотят жить в этом.

СЕДЬМАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 17 декабря 1917 года

В основе рассмотрений, которые проводились в эти недели, лежало многое из того, что может вести к пониманию человеческой природы в её связи с историческим становлением таким образом, чтобы постепенно можно было сформировать представление о необходимости и свободе. Такие вещи могут стать решающими не столько посредством определений и словосочетаний, сколько посредством собирания вместе соответствующих истин из духовного мира. Человечество в наше время всё больше и больше должно привыкать к усвоению другого рода понимания действительности, нежели то, которое является сегодня обычным и господствующим и которое держится, по сути, за всевозможные вторичные туманные представления, связанными с определениями слов и так далее. Сегодня, когда вы смотрите на то, что пишут или говорят некоторые люди, считающие себя особенно умными, у вас возникает ощущение, что они говорят в понятиях и представлениях, которые только кажутся определенными, но в действительности так же неопределенны, как если бы кто-то говорил об определенном предмете, сделанном, например, из тыквы. Если превратить тыкву в бутылку и использовать её как бутылку, то можно говорить об этом предмете так же, как о тыкве, поскольку он действительно является тыквой; но также можно говорить о нём как о бутылке, потому что это и бутылка тоже, его действительно используют как бутылку. Не правда ли, то, о чем вы говорите, приобретает свою ценность (Valeurs, фр.) только в определённом контексте. Если говорить, опираясь не на слова, а на определенную точку зрения, каждый человек будет знать, имеется в виду бутылка или тыква. Но тогда нельзя ограничиваться описанием объекта или определением объекта. Поскольку, пока вы ограничиваетесь описанием, определением, это может быть и тыква, и бутылка. И поэтому то, о чём сегодня многие филологи, люди, считающие себя очень умными, говорят, что это человеческая душа, - это может быть и человеческим телом, это может быть тыква, а может быть и бутылка.

Под этим замечанием я имею в виду многое из того, что в наши дни воспринимается очень серьёзно, отчасти в ущерб человечеству. Поэтому необходимо, чтобы антропософско-ориентированная духовная наука, которая, кроме всего прочего, требует также ясного и точного мышления, стремилась смотреть на мир не так, как принято сегодня, не путать тыкву с бутылкой, а повсюду смотреть на реальность, будь то внешняя физическая реальность или духовная реальность.

Нельзя прийти к действительному представлению о том, что входит в рассмотрение человека, придерживаясь определений и тому подобного, но только рассматривая жизненные взаимосвязи в их действительности. И тем более в таких важных понятиях, как свобода и необходимость в социальной и нравственной жизни можно получить ясность, только если держать вместе такие духовные факты, которые представлены в этих рассматриваниях, и некоторым образом попытаться сопоставить их друг с другом, чтобы обрести суждение о действительности.

Подумайте только, что я уже в публичных лекциях, а также, в свою очередь, здесь, в самых различных отношениях интенсивно снова и снова подчёркивал, что то, что мы называем представлениями, мы сможем правильно понять только в том случае, если мы приведём их в отношение к нашему телесному организму так, чтобы видеть в представлениях в теле не что-то растущее, распространяющееся, а, как раз, обратное, нечто отмирающее, нечто отмирающее в теле. В одной публичной лекции я высказал это так: Человек всегда, собственно, умирает в своей нервной системе. - Нервный процесс таков, что он должен ограничиваться нервной системой. Поскольку, если бы он распространялся на весь организм, если бы то же самое, что происходит в нервах, происходило бы во всём организме, то это означало бы в каждый момент смерть человека. Можно сказать: Представления возникают там, где организм отмирает, мы постоянно умираем в своей нервной системе. - Поэтому духовная наука поставлена в необходимость проследить не

только те процессы, которые сегодняшнее естествознание рассматривает как единственно определяющие: восходящие процессы. Эти восходящие процессы представляют собой процессы роста, вершина их лежит ещё в бессознательном. Только когда организм начинает производить нисходящие процессы, в нём выступает та деятельности души, которую можно обозначить как деятельность представления, ну, и также как деятельность чувственного восприятия. Этот процесс разложения, этот процесс отмирания должен существовать, если вообще должен происходить процесс представления.

Теперь, я показал, что свободная деятельность человека основана, как раз, на том, что человек оказывается в положении поиска импульсов для своей деятельности, исходя из чистых мыслей. Эти чистые мысли окажут наибольшее влияние на процессы деградации в организме человека. Что, собственно, происходит, когда человек осуществляет действительно свободное действие? Проясним для себя, что тут у обычного физического человека происходит, когда он действует, исходя из моральной фантазии, - вы знаете, что я сейчас имею в виду, - то есть, исходя из мышления, которое не обусловлено чувственными импульсами, чувственными побуждениями, аффектами, - что, собственно, происходит тогда с человеком? Тогда происходит то, что он отдаётся чистым мыслям; они образуют его импульсы. Сами по себе они не могут его импульсировать; он должен себя импульсировать сам, поскольку они являются просто зеркальными отражениями, - мы, ведь, это подчёркивали. Они принадлежат к майе. Зеркальные отражения не могут принуждать, человек должен принуждать себя сам под влиянием этих чистых представлений.

На что действуют чистые представления? Сильнее всего они действуют на процессы разложения (Abbauprozeß) в человеческом организме. С одной стороны, из организма приходит процесс разложения, с другой стороны, из духовной жизни этому процессу разложения противодействует чистая мысль действия. Я имею в виду мысли, лежащие в основе действия. Благодаря соединению обоих, благодаря взаимному действию друг на друга процесса разложения и мысли действия, возникает свободное действие.

Я говорил, что процесс разложения не обуславливается чистым мышлением; он присутствует и так, он, собственно, присутствует всегда. Если человек не противодействует этому процессу разложения, как раз, наиболее важным процессам разложения в нём, исходя из чистого мышления, то он остаётся процессом разложения, тогда этот процесс разложения не преобразуется в процесс построения, тогда в человеке остаётся умирающая часть. Продумайте это, тогда вы увидите, что есть возможность того, что, именно воздерживаясь от свободных действий, человек не устраняет в себе процесс смерти. В этом содержится одна из самых тонких мыслей, которые человеку необходимо усвоить. Тот, кто понимает эту мысль, уже не сможет сомневаться в существовании в жизни человеческой свободы. Поскольку действие, происходящее свободно, происходит не благодаря чему-то, что обусловлено организмом, а там, где прекращаются причины, а именно, исходя из процесса разложения. В основе организма должно быть нечто, где причины прекращаются, только тогда вообще чистое представление может вступать как мотив действия. Но такие процессы разложения присутствуют всегда, просто они остаются, как бы, неиспользованными, когда человек не осуществляет свободных действий.

То, что лежит здесь в основе, однако, убеждает нас также, как это должно выглядеть в эпоху, не желающую в полной мере заниматься пониманием идеи свободы. Вторая половина 19-го столетия, 20-ое столетие до нашего времени, эта эпоха, как раз, поставила перед собой задачу всё большего и большего затуманивания идеи свободы для познания во всех сферах жизни, фактически отключения её для практической жизни. Свободу понимать не хотели, не хотели иметь свободу. Философы прилагали усилия для того, чтобы доказать, что всё исходит из человеческой природы с определённой необходимостью. Конечно, в основе человеческой природы лежит некая необходимость, но эта необходимость прекращается, когда начинаются процессы разложения, в которых связь причин находит свой конец. Когда там, где в организме прекращается необходимость, вступает свобода, тогда нельзя сказать, что действия человека исходят из внутренней необходимости; они исходят из него только тогда, когда эта

необходимость прекращается. Вся ошибка состояла в том, что люди не позволяли себе не только понимать в человеческом организме созидающие процессы, но и понимать процессы разложения. Однако для того, чтобы осознать, что, собственно, лежит в основе человеческой природы, необходимо было бы развить больше талантов, чем к этому имеют склонность сейчас. Вчера мы видели, что необходимо уметь действительно направить внимание душевного ока на то, что называется человеческим Я. Но, как раз, в настоящее время имеется мало таланта, чтобы эту действительность Я как-то ухватить. Я хочу предоставить вам одно доказательство.

Я часто упоминал отличную научную работу Теодора Цигена⁶ (Theodor Ziehen): «Физиологическая психология». Там на странице 205 речь идёт о Я. Только Циген никогда не был в состоянии указать на действительное Я, он говорит только о Я-представлении, которое, как вы знаете, является всё же лишь отражением действительного Я. Но интересно послушать, как такой отличный мыслитель современности, причём такой, кто считает, что можно всё постичь естественно-научными представлениями, говорит о Я. Это лекции, которые были воспроизведены, и потому представлены в форме лекций. Циген говорит: «Вам, вероятно, бросилось в глаза, что обозначаемое коротким словом Я представление Я должно быть сложной трёхчастной структурой, в которую должны входить тысячи тысяч частичных представлений. Но я прошу вас задуматься: хотя слово короткое, но то, что представление его содержания должно быть очень сложным, ясно уже из того, что каждый из вас будет приведён в замешательство, если ему придётся давать мыслительное содержание своего, так называемого, Я-представления».

И теперь Циген переходит к тому, чтобы сказать что-то о мыслительном содержании Я-представления. Посмотрим, что этот учёный может сказать о том, о чём, собственно, надо думать, когда думаешь о Я: «Вы сразу же подумаете о своём теле», - то есть, думать о своём теле! - «о своих отношениях с внешним миром, о ваших родственных отношениях и отношениях к собственности», - то есть, скоро переходит к тому, чтобы думать о своём кошельке и своих деньгах! - «о своём имени и титуле...».

Теперь это большой учёный отчётливо указывает на то, что надо думать о своём имени и своём титуле, если в представлении надо охватить своё Я.

«... о ваших основных склонностях и доминирующих представлениях и, наконец, о вашем прошлом, и тем самым предоставить доказательство того, насколько чрезвычайно сложен состав Я-представления. Конечно, рефлектирующий человек снова сводит эту сложность Я-представления к относительной простоте, противопоставляя внешние объекты и другие Я своему собственному Я как субъекту своих ощущений, представлений и движений. Конечно, это противопоставление и это упрощение Я-представления имеют также свои познавательные-теоретические обоснования, но, рассматривая чисто психологически, это упрощённое Я - лишь теоретическая фикция».

Таким образом, «это упрощённое Я» является лишь «теоретической фикцией», то есть, просто представлением фантазии, которая образуется, когда составляются вместе имя, титул, возможно также ордена и другие подобные вещи, придающие вес! На таких пунктах можно опознать всю слабость сегодняшнего мышления. И эту слабость надо иметь в виду, поскольку, ведь, то, что оказывается решающей слабостью для познания психической жизни, является силой для познания внешних естественно-научных фактов. Именно то, что непригодно для познания душевной жизни, очень хорошо подходит для понимания внешних, чувственных фактов в их непосредственной внешней необходимости.

Не нужно обманываться тем, что это является одной из характеристик нашего времени, что люди, которые могут быть великими в одной области, являются представителями полнейшей бессмыслицы в другой области. Только если внимательно взглянуть на этот факт, который очень подходит для того, чтобы сыпать песок в глаза человечеству, тогда можно будет как-то задуматься о том, что входит в рассмотрение для восстановления той силы, в

⁶Собственно, не «Цигена», по старой транслитерации (как значится в Википедии), а «Циена» (прим. пер.)

которой человечество нуждается для обретения таких представлений, которые могут плодотворно и исцеляюще влиять на жизнь. Поскольку на эту жизнь, какова она есть сегодня, будут влиять только те представления, которые взяты из глубины истинной действительности, при формировании которых не стесняются углубляться в истинную действительность. Но многие современные люди, как раз, стесняются этого.

Люди современности часто очень склонны реформировать духовную действительность, без того, чтобы вначале взглянуть на истинную действительность, из которой они должны брать свои импульсы. Кто только не реформирует сегодня всё возможное в мире, то есть, считается, что реформируют. Что только не извлекают из чистого ничто души! Но то во время, как наше, могут быть плодотворными только те вещи, которые извлечены из глубины самой духовной действительности. Для этого нужна воля.

Самодовольство, которое на основе душевного ничто хочет формировать всевозможные мысли о реформации, так же вредны для развития в наше время, как и сам материализм. Вчера в заключение я обратил внимание на то, что истинное Я человека, то Я, которое принадлежит, правда, волевой природе, и над которым поэтому для обычного сознания распространяется сон, должно быть оплодотворено тем, что уже во время публичного обучения людей приводят к конкретному пониманию важнейших интересов времени. Это нельзя в наше время делать никак иначе, как делать ясным, какие духовные силы и влияния вторгаются в происходящее. Это делается не с помощью туманных речей о духе, а путём познания конкретных духовных процессов, таких, как мы описывали в этом рассмотрении, где по годам указывалось на то, как здесь и там в физическое вторгались определённые власти и силы из духовного мира.

Но, посредством этого, возникает то, что в общем становлении человечества я мог обозначить как совместная деятельность, так называемых, мёртвых и, так называемых, живых. Поскольку в действительности нашей чувственной и волевой жизни мы с мёртвыми находимся в одном царстве. Точно так же можно сказать, что действительностью нашего Я и нашего астрального тела мы находимся с мёртвыми в одном царстве. Оба означают одно и то же. Но этим указывается на некую общую область, в которую мы помещены, когда мёртвые и живые работают вместе в той материи, которую можно назвать социальной, нравственной, исторической человеческой жизнью в её целостности, к которой принадлежат также те отрезки жизни, которые проводятся между смертью и новым рождением.

В этом рассмотрении мы указали на то, как, так называемый, мёртвый между смертью и новым рождением имеет в качестве самого нижнего животное царство, так же, как мы в качестве самого нижнего имеем минеральное царство. Мы также некоторым образом показали, как мёртвый должен работать среди существ животного царства, как из законов животности он должен выстраивать то, что, в свою очередь, ляжет в основу его следующей инкарнации как организация. Мы указывали на то, как мёртвый в качестве второго царства переживает все те отношения, которые кармически обоснованы здесь в физическом мире, и которые, соответствующе преобразованные, продолжаются в духовном мире. Таким образом для мёртвых образуется второе царство, которое сплетается из всех кармических отношений, которые когда-либо были им основаны в какой-либо инкарнации на Земле. Благодаря этому, однако, всё, что человек развил в себе в качестве интереса между смертью и новым рождением, постепенно распространяется, можно сказать, в конкретике во всём человечестве.

В качестве третьего царства, который проживает тогда человек, мы можем назвать царство Ангелов. И мы также уже в некотором смысле указывали на то, какую роль Ангелы играют там, между смертью и новым рождением. Они, как бы, переносят мысли от одной человеческой души к другой, туда и обратно. Они являются посланниками общественной мысленной жизни. По сути, Ангелы - это те существа более высоких иерархий, относительно которых и имеет самое ясное переживание; ясное переживание животного и ясное переживание человеческих отношений, которые его карма образовала посредством существ более высоких иерархий. Самое ясное представление он имеет о тех существах из иерархии

Ангелов, которые являются, собственно, переносчиками мыслей, или вообще душевного содержания, от одного существа к другому, и которые помогают мёртвому при обработке животности. Можно было бы сказать, - если о делах мёртвых говорить как о личных делах, - что существа из иерархии Ангелов стремятся в основном проявлять заботу о личных делах мёртвых. О более широких делах мёртвых, не являющихся личными, проявляют заботу больше существа из царства Архангелов и Архаев.

Если вы вспомните цикл лекций о «Внутреннем существе человека и жизни между смертью и новым рождением»⁷, вы сможете восстановить в памяти, что к жизни, так называемых, мёртвых принадлежит, как бы, попеременное растягивание их существа в мир и стягивание его снова в своё внутреннее. Там я обосновывал и показывал это более глубоко. Жизнь мёртвых протекает так, что имеет место некоего рода смена дня и ночи. Но этот род таков, что из внутреннего человека возникает оживлённая жизнь. Известно: то, что тут возникает, эта оживлённая жизнь, - это лишь повторное всплытие того, что человек проживает в другом состоянии, с которых меняется это, когда его существо растягивается по миру, когда он срастается с внешним миром. Поэтому, встречаясь с мёртвым, сталкиваются с переменными состояниями: такими состояниями, когда он растягивает своё существо по миру, когда он, как бы, вырастает своим собственным существом в сущностное своего окружения, в процессы своего окружения. Об этом он знает меньше всего, тут для него наступает, своего рода, состояние сна, когда он своим существом вырастает в духовный мир вокруг себя. Когда он снова выныривает из своего внутреннего, тогда для него наступает, своего рода, состояние бодрствования, тогда он знает всё это. Поскольку его жизнь протекает не в пространстве, а во времени. Так же, как мы как владельцы бодрствующего дневного сознания имеем снаружи в пространстве то, что мы вносим в наше сознание и затем снова уходим от него во сне, так и у мёртвого дело обстоит так, что он из какого-то временного периода, который он проживает, берёт переживания в следующий период и они тогда наполняют его сознание. Прошлое время наполняет его сознание так же, так наше бодрствующее сознание наполняет пространство. Это полностью жизнь во времени. И это надо знать.

Благодаря этой ритмической жизни во времени, которую ведёт мёртвый, он приходит в совершенно определённое отношение с существами из иерархии Архангелов и Архаев. Об этих существах, об Архангелах и Архаях, у него нет таких ясных представлений, как об Ангелах, людях и животности, но обо всех этих вещах он всегда имеет то представление, что эти существа, Архаи и Архангелы, являются теми, кто вместе с ними работает в этом пробуждении, засыпании, пробуждении, засыпании, - в этом ритме, который разыгрывается с течением времени. Мёртвый, - когда он приходит к тому, чтобы развить сознание о том, что он пережил в предшествующий период времени, не осознавая этого, - всегда имеет сознание, что в отношении этой ритмической жизни работает вместе с Архаями и Архангелами.

Хорошо запомним, так же, как мы здесь в пробуждённом состоянии ясно осознаём: мы осознаём внешний мир, о котором мы не знаем во время сна, как здесь мы осознаём: этот внешний мир уходит вниз во тьму, когда мы засыпаем, - так в душе, так называемого, мёртвого живёт сознание: Архаи, Архангелы, я работаю с ними, чтобы пройти эту жизнь, засыпая, просыпаясь, засыпая, просыпаясь и так далее. Можно было бы сказать, что мёртвый общается с Архангелами и Архаями так же, как мы здесь в бодрствующем сознании в физическом окружении общаемся с растительным и минеральным миром. Человек не может посмотреть назад на это взаимодействие, в которое он вплетён между смертью и новым рождением. Почему нет? Ну, люди думают: Почему нет? - но это оглядывание назад является, как раз, тем, чему человек должен учиться, только ему, разумеется, трудно учиться, исходя из материалистических представлений современности. Я хотел бы наглядно показать вам, почему люди не оглядываются назад. Я хотел бы представить вам графически, почему человек тут не смотрит назад (см. рис.12)

⁷8 лекций в Вене в 1914-ом году, ГА 153.

Предположим, вы стоите со всем своим аппаратом чувствования и представления перед миром. Благодаря этому, у вас есть представления, различного рода содержания восприятий. То, что в какой-то момент является сознанием, я обозначу различными небольшими кольцами, кружками. Это в данный момент находится в сознании. Теперь, как вы знаете, происходит - по-другому, нежели имеют в виду сегодня психологи, но происходит, - процесс воспоминания, когда мы смотрим назад; а время, на которое вы можете оглядываться, вспоминая, я обозначу этой линией, под которой подразумевается, собственно, это слепое пространство, здесь располагается пункт на третьем, четвёртом или пятом году, до которого доходят воспоминания. Там внутри лежат, таким образом, все те представления, которые

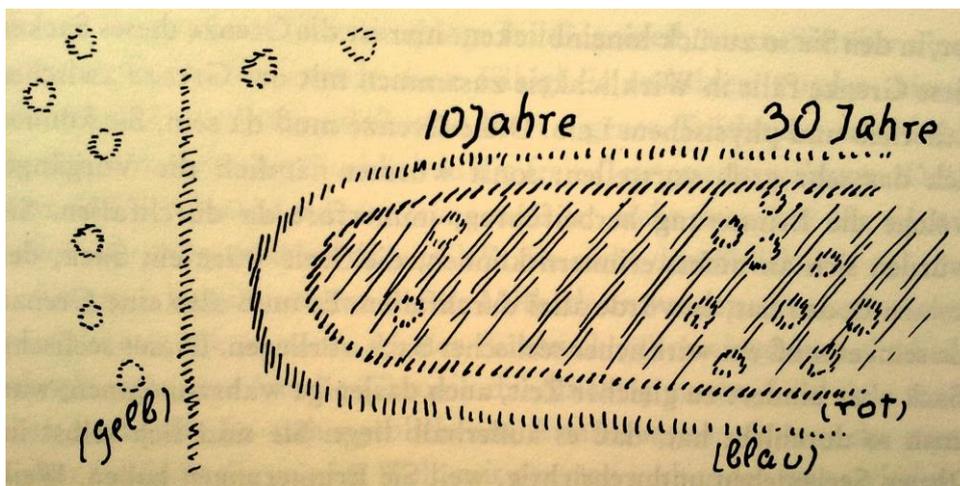

Рис. 12

возникают, когда человек вспоминает эти переживания, которые у него были. Предположим: у вас были эти представления, скажем, в тридцать лет, тогда вы вспоминаете их, когда эти представления всплывают перед вами, как нечто, что вы имели 10 лет назад. Если вы так действительно живо представите себе, представите образно, как это свойственно душе, то вы сможете подумать о следующем. Вы можете сказать себе: Когда мы так оглядываемся назад, вплоть до того, где в детстве всплывает то, до чего мы себя вспоминаем, то это некий мешок, который имеет конец; он имеет там свою дугу, где лежит пункт, до которого мы вспоминаем себя в детстве. Это такой душевный мешок; это время, которое можно охватить взглядом. Представьте себе такой душевный мешок, в который вы оглядываетесь: здесь граница этого мешка, эта граница в действительности совпадает с границей между эфирным телом и физическим телом. Эта граница должна тут быть. Вы можете себе это представить очень грубо: иначе процессы, которые вызывают воспоминание, постоянно проваливались бы. Вы не смогли бы ничего вспомнить, душа была бы мешком, не имеющим дна, всё проваливалось бы сквозь него. Таким образом, должна быть граница, должен существовать действительно душевный мешок. Но этот душевный мешок в то же время также препятствует восприятию того, что человек проживает за его пределами. Вы непрозрачны для себя в своей душевной жизни, поскольку у вас есть воспоминания. Поскольку вы можете иметь воспоминания, вы непрозрачны.

Вы видите, то, что обуславливает то, что у нас есть определённое сознание физического плана, в то же время является причиной того, что мы не видим с обычным сознанием в той области, которая должна была бы лежать позади воспоминаний. А позади воспоминаний лежит действительность. Но можно попытаться это воспоминание постепенно несколько преобразовать. Только при этом надо быть осторожным. Можно начать с того, чтобы попытаться то, что вспоминаешь, медитативно рассматривать всё точнее и точнее, пока не возникнет чувство: Это не просто то, что вы таким образом вспоминаете, а это то, что, собственно, там остаётся. У человека, развивающего интенсивную, активную духовную

жизнь, постепенно появляется это чувство, что воспоминание - это не что-то, что приходит и уходит, приходит и уходит, а что содержание памяти - это нечто такое, что остаётся. Правда, работа таким образом может привести к возникновению убеждения, что то, что всплывает в воспоминании помимо этого, остаётся, что оно действительно остаётся как Акаша-Хроника, что оно не исчезает. То, что мы охватываем в воспоминании помимо этого: это стоит тут в мире, оно действительно присутствует. Но продвинуться дальше посредством этой метода, собственно, нельзя, поскольку эта метода вспоминать только свои личные переживания, которые легко вызываются, знание, что содержание воспоминания остаётся, - эта метода является в высшем смысле эгоистичной для того, чтобы вести дальше этого убеждения. Напротив, если вы разовьёте эту способность видеть остающееся своих собственных переживаний за пределы определённого пункта, то вы действительно заблокируете свой взгляд в свободный духовный мир. Поскольку вместо наличия мешка воспоминаний, будет тогда только ваша собственная жизнь, которая становится ещё более компактной, не позволяя смотреть сквозь неё.

Однако, можно применить другую методу, которая, если можно использовать такое выражение, превосходным образом делает прозрачными записи Акаша-Хроники. И когда человек однажды взглянет сквозь оставшиеся воспоминания, тогда он с уверенностью увидит духовный мир, с которым он был связанным между смертью и новым рождением. Но для этого вам нужно использовать не только то, что остаётся в памяти из собственной жизни - оно становится всё более и более компактным, и вы ничего не сможете увидеть сквозь него. Оно должно стать прозрачным. А прозрачным оно будет, если всё сильнее и сильнее пытаться вспомнить не столько себя, то, что пережито со своей точки зрения, сколько всё больше вспоминать то, что к вам приходило извне. Вместо того, чему вы учились, вы вспоминаете учителя, то, как говорил этот учитель, как влиял этот учитель, что этот учитель из вас сделал. Вы вспоминаете то, как возникла книга, по которой вы учились тому или этому. Вы вспоминаете преимущественно то, что работало с вами из внешнего мира.

Одним из прекрасных начал, даже введением к такому воспоминанию является работа Гёте «Поэзия и истина», где он показывает, как он, Гёте, формировался временем; как над ним работали различные силы. То, что Гёте делал что-то подобное в своей жизни, что он таким образом делал, своего рода, воспоминание, не с точки зрения собственных переживаний, а с точки зрения других и тех событий того времени, которые на него действовали, - благодаря этому, он смог достичь того глубокого понимания духовного мира, какого он достиг. Но это в то же время и путь, чтобы в дальнейшем войти в соприкосновение со временем, которое протекало между последней смертью и этим нашим рождением.

Таким образом, вы видите, что я с другой точки зрения указываю вам сегодня на то же самое, на что уже указывал: на расширение интересов за пределы личного, направление интересов и внимания не на то, чем являемся мы, а на то, что нас формировало, из чего мы возникли. В идеале это взгляд на время и на более длительное время до нас, и поиск всех сил, которые этот парень, которым мы стали, из себя сформировал.

Это, правда, причиняет меньше сложностей, чем таким образом описано, но это не совсем лёгкая задача. Это также задача, которая, - поскольку она требует сильной самоотверженности, - имеет большой успех. Как раз, эта метода пробуждает силы для того, чтобы со своим Я войти в ту же сферу, которая является общей для мёртвых и живых. Меньше знакомиться с собой, больше знакомиться со своим временем, - это будет задачей публичного обучения в недалёком будущем, но знакомиться со своим временем в конкретном, не так, как стоит сегодня в книгах по истории; разумеется, так, как это время развивается из духовных импульсов.

Итак, снова, также и таким образом, мы приходим к тому, чтобы развивать интерес к характеристике своего времени и к его образованию из общего хода мира. Почему же Гёте так интенсивно стремился к тому, чтобы познакомиться с греческим искусством, насквозь понять своё время, сравнить его с предыдущим временем? Почему он позволяет своему Фаусту возвращаться вплоть до греческого времени, до времени Елены, разыскать Хирона,

Сфинкса? Потому что своё собственное время, то, как оно над ним работало, он хотел узнать так, как он мог узнать его, только сравнивая с предыдущим. Но Гёте не позволяет своему Фаусту садиться и развёртывать пергаменты, листать документы из государственных архивов, а он ведёт его назад путями души к импульсам, которые сформировали его самого. В нём заключено многое из того, что указывает человеку на соединение, с одной стороны, с мёртвыми, а, с другой стороны, - теперь вы можете это видеть из связи мёртвых с Архангелами - с Духами Времени и Архангелами. Благодаря тому, что человек соединяется с мёртвыми, он входит в соприкосновение также с Архангелами и Духами Времени. Как раз, в импульсах, на которые Гёте указывает в своём «Фаусте», лежит то, благодаря чему человек расширяет свои интересы до Духа Времени, лежит то, что в самом выдающемся смысле этого слова необходимо нашему времени. Правда, в наше время необходимо по-другому взглянуть на нечто подобное тому, чем является, например, «Фауст», нежели на это смотрели раньше. Большинство тех, кто выносит свои суждения о «Фаусте», едва ли приходят к источнику проблем. Некоторые приходят к тому, чтобы поставить вопросы. Ответы на них даются зачастую курьёзные.

Возьмите, например, место, где Гёте действительно указывает на это: Подумай! Всегда ли это делают? Но Гёте делает всё, чтобы внести ясность в то, что есть определенные вещи, о которых можно подумать. Например: Вы знаете, Эрихто⁸ говорит о том, что представляет собой сцена классической Вальпургиевой ночи; она удаляется и появляются воздухоплаватель, гомункул и Мефистофель. Вы помните первые речи гомункула, Мефистофеля, Фауста. После того, как Фауст коснулся земли и спросил: Где она? - гомункул говорит:

Wüßten' s nicht zu sagen,
Doch hier wahrscheinlich zu erfragen.
In Eile magst du, eh' es tagt,
Von Flamm' zu Flamme spürend gehen:
Wer zu den Müttern sich gewagt,
Hat weiter nichts zu überstehen.

Не знали б что сказать,
Но здесь можно спросить.
Не хочешь ли, пока возможно,
От пламени к пламени идти по следу:
Кто осмелился бывать у Матерей,
Тому уж ничего не страшно⁹.

Гомункул говорит: «Кто осмелился быть у Матерей, тому уж ничего не страшно...». Откуда он, собственно, знает, что Фауст бывал у Матерей? Это вопрос, возникающий с необходимостью, поскольку если мы перелистаем назад, мы увидим, что нигде нет никакого упоминания, что Гомункул, как какое-то существо, кроме Фауста, мог узнать о том, что Фауст бывал у Матерей. И вот, вдруг, Гомункул пищит, что «Кто осмелился быть у Матерей, тому уж ничего не страшно». Вы видите, что Гёте здесь загадывает загадку. Отсюда с обязательной необходимостью выходит, что Гомункул, если он вообще кем-то является, является этим в пределах области сознания самого Фауста; поскольку он может знать то, что находится в области сознания Фауста, только если он сам принадлежит к этой области сознания Фауста.

Вспомните некоторые рассматривания, которые мы проводили о «Фаусте», что Гомункул является, собственно, ничем иным, как тем, что должно быть подготовлено как астральное тело, чтобы могла появиться Елена. Но, благодаря тому, что он находится в другом сознании, его сознание расширяется до астрального тела. Тогда вы имеете возможность понимания

⁸Эрихто (др.-греч. Ἐριχθὼ) - ведьма (волшебница, колдунья) из Фессалии. В «Фаусте» Гёте персонаж Эрихто появляется в сцене Вальпургиевой ночи, произносит речь, в которой упоминает исторические события и деятели, а также «спорит» с тем, как Овидий и Лукан её изобразили (прим. пер.).

⁹В переводе Холодковского:

Не можем дать ответа;
Но, вероятно, можно здесь о ней
Спросить. Спешит все время до рассвета
Использовать, блуждая меж огней;
Иди смелей: кто был у Матерей,
Тому нет в мире страшного предмета.

знания Гомункула, когда он входит в область сознания самого Фауста. Поэтому Гёте вводит этого Гомункула, поскольку, благодаря Гомункулу, сознание Фауста, как бы, находит возможность выйти из себя, быть не только в себе, но и снаружи. И он также там, где находится Фауст; Гомункул находится внутри сознания Фауста.

В этом смысле Гёте воспринимает алхимию очень даже серьёзно, как вы видите. Таких загадок, которые напрямую связаны с тайнами духовного мира, в «Фаусте» очень много. Необходимо позволить действовать на себя «Фаусту» так, чтобы осознать, какие, собственно, глубины духовной действительности лежат в основе этого «Фауста». Понять кого-то, подобного Гёте, можно только, если уяснить себе: с одной стороны, он рассматривал то, что с ним происходит, как бы, со стороны, доказательством чему является его «Поэзия и истина», а с другой стороны, также знал, что это даже возвращает к более широким перспективным связям с мёртвыми. И Фауст входит в жизнь очень далеко лежащего прошлого человеческого развития, а также вступает в жизнь лежащих далеко в прошлом духовных существ.

Но если вы хотите полностью понять, что необходимо для современности в позитивном смысле, то необходимо во многих отношениях иметь взгляд и иметь чувство для негативного, необходимо развить правильное чувство для негативного. Надо иметь в виду всё, что препятствует обозначенному как необходимое соединению живых людей в общем плане с деятельностью мёртвых. Сегодня вы можете обнаружить такие препятствия повсюду. Вы найдете их на каждом шагу. Вы обнаружите их именно там, где сегодня распространяется, - простите меня за это уродливое слово, - образование.

Как чувствует себя сегодня человек, такой умный, такой глубоко умный, просвещенный, когда он может написать что-то вроде этого: «Сведенборг, вокруг тёмной, загадочной личности которого с трепетом бродил и Гёте, общался с ангелами по ту сторону Земли. Он рассказывал, что эти сверхземные создания приходят, споря с мыслями, даже одетые в мантии. Борьба за знания и просвещение им не чужды, наладили же они типографию, из которой иногда посылают несколько листов особо удачливым людям. Затем газеты загробной жизни покрываются еврейскими буквами. Особенность почитаемых библейских символов будто бы в том, что каждая их линия, каждый край, каждый изгиб скрывает в себе таинственную духовную ценность. Человеку нужно только научиться правильно читать ангельские закорючки, чтобы он мог быть посвящён в потустороннюю истину, в другую, вечную, освещённую солнцем жизнь, в блаженную праздничность и волнующий рай загробной жизни. Сведенборг, которому удавалось при живом теле иногда умереть для земной жизни и до телесной смерти совершить вознесение в загробный мир, много чего спрашивал у ангелов и сообщал о них. За столетия до него вавилоняне, египтяне и евреи практиковали такое же познавательное ремесло. Поколения после него, ещё и по сей день, это делают недовольные существа на Земле, которые хотят спросить совета у Бога о своём будущем, которые не отказываются от общества своих мёртвых и которые, наконец, верят, что от их окружённой снами постели до областей необъятного будет построен мост, который станет прочным, цементированный Серафимами, тщательно выложенный и поддерживаемый духами путём».

И так этот считающий себя очень умным человек продолжает свои рассуждения, пускаясь в дешёвое высмеивание тех, кто пытается перебросить мост на ту сторону; поскольку этот очень умный человек прочитал книгу другого человека, считающего себя очень умным, и пишет об этом: «Это лежащее за пределами чувств, в котором обитает душа, хочет описать заново важная книга Макса Дессуара (Max Dessoirs): <О загробной душе>, после того как тысячи копателей уже прошли этот путь в потустороннее. На этот раз, таким образом, говорит философ, приложивший больше усилий к пониманию человеческой природы, чем к разделению осиротевших школ мысли, любитель искусства, который не побоялся объяснить загадочный момент рождения замысла художника, и, наконец, человек, который время от времени с ножом в руках исследовал кости и нервы человека. Рука обыскала кости и нервы человека, чтобы освоиться в многочисленных земных тайниках души.

Поскольку Дессуар во многих отношениях защищен от чрезмерной спешки мечтателей и от холода высокомерных рационалистов, его суждения о потусторонних вещах, которые он готовил более тридцати лет, заслуживают уважения и внимания даже со стороны тех, кто не может следовать за ним на его пути», и так далее.

Мне пришлось говорить об этом человеке, Максе Дессуаре, во второй главе моей книги «О загадках души», потому что этот университетский профессор имел наглость обсуждать антропософию как таковую. Я должен был взять на себя задачу доказать, что весь род работы Макса Дессуара - это самый бессовестный и поверхностный род, который только можно себе представить. Этот человек имеет наглость выносить пренебрежительное суждение, основываясь почти исключительно на глупо составленных цитатах, которые он выписывает из некоторых моих книг, всегда выписывая их так, что они искажаются самым глупым образом. Надо уже представить этот факт в такой форме, если желать увидеть в действительности тот скандал, который возможен в рамках того, что сегодня часто называют наукой. Я видел индивидуума Дессуара только один раз в жизни; это было в начале девяностых годов. Тогда он сделал мне очень умное замечание. Моя «Философия свободы» тогда ещё не была написана. Макс Дессуар сказал тогда - это было на службе Гёте в Веймаре: "Да, у вас, правда, есть ошибка, вы имеете дело со слишком многими разными науками". Это было большой ошибкой - пытаться не быть односторонним!

Среди прочей бессмысленности, которую Макс Дессуар излагает в своей книге. Есть также и то, что он говорит о моей «Философии свободы» как о моём первенце. Она написана десять лет спустя после моего действительного первенца; «Философии свободы» предшествует десятилетняя писательская биография. Всё это, как и многое другое, перевернуто в этой книге Дессуара. Сколько людей будут читать ставшие необходимыми объективные рассуждения, показывающие пустословие наука Дессуара, сколько людей будут читать эти объективные рассуждения в моей книге «О загадках души»! Сколько ещё соберётся журналистов, подобных Макс Хохдорфу (Max Hochdorf) в Цюрихе, чтобы о бессмысленной книге Макса Дессуара «О потустороннем мире души» раструбить в следующих словах: «Это лежащее за пределами чувств, в котором обитает душа, хочет описать заново важная книга Макса Дессуара (Max Dessoirs): <О загробной душе>, после того как тысячи копателей уже прошли этот путь в потустороннее», и так далее.

На такие вещи необходимо обращать внимание. Хорошо известно, что то, что делается на основе антропософско-ориентированной духовной науки, то там, то здесь искажается самым беспрецедентным образом; причём часто людьми, которые очень хорошо знают, что верно обратное тому, что они говорят. Конечно, это в основном бедные хашеры¹⁰, которые внутри общества не смогли удовлетворить те свои личные интересы, которые они хотели бы удовлетворить, которых можно только пожалеть и о которых нет нужды говорить более. Но к такому яду, какой распространял Макс Дессуар, надо уже относиться более серьёзно, и я должен был что-то предпринять, чтобы, так сказать, предложение за предложением разъяснить всю философскую никчемность доводов Дессуара.

До тех пор, пока в самых широких кругах не будет здравого суждения о такой мнимой науке, как наука Макса Дессуара, - а таких Максов Дессуара очень много, - и до тех пор, пока не будет здравого суждения о тех, кто носит шлейф Макса Дессуара, вроде автора этой статьи, который, конечно, не мог удержаться от завершения своей статьи словами: «Поскольку путь в потустороннее настолько полностью перекрыт» - конечно, для замурованного мозга этого господина Макса Дессуара, путь в потустороннее закрыт! - «на протяжении тысячелетий люди снова и снова пытались эти барьеры разрушить. Дессуар называет этих борцов за сомнительно прочное и в то же время недоступное духовное царство <магическими идеалистами>. Он представляет их всех: этих целителей, числовых апостолов, египетских магов, негритянских святых, антропософов, необуддистов, каббалистов и хасидов. Он является самым захватывающим историком всех поклоняющихся чуду, и всех

¹⁰arme Hascherin: бедные, достойные сожаления люди.

восставших против чуда. Получается своеобразное братство, если перечислить всех мужей, мудрых и глупцов, которые хотели собраться ради чистого духа. Калиостро и Кант, Гегель и даже современный мастер колдовства Свенгали (Svengali) встречаются там друг с другом, когда теряются, блуждая на пути в потустороннее».

Конечно, невозможно запретить людям писать таким образом, но в самых широких кругах должно иметь место здоровое суждение, которое не позволяет тому, что таким образом доходит до публики, быть принятым авторитетно. Поскольку, разумеется, мыслеформы такого рода, расплываясь в нашем социальном организме, препятствуют всякой возможности благотворного прогресса человечества. Для самого себя, если вам приходилось сталкиваться с такой научной чушью, как у Макса Дессуара, вы можете просто умыть руки и забыть об этом. Но эта научная чушь течет и течет, и сегодня есть слишком много путей, по которым эта чушь может течь. Иногда нужно уже присовокупить какой-то пример. В данном случае это должно было произойти снова, поскольку вы, ведь, можете подсчитать, в какое количество голов войдет, среди прочего, некое суждение об антропософии, когда появится такой фельетон, как тот, что был опубликован в декабре 1917-го года в «Neuen Zürcher Zeitung» (Новой цюрихской газете) от человека, который, как очень умный человек, опирается на такого же умного человека, а именно на Макса Дессуара!

Эти вещи надо рассматривать как культурно-исторические факты, надо учитывать их культурно-историческое значение. Определённо, сегодня, к сожалению, существует лишь небольшая возможность донести до людей что-то вроде написанной мной главы: «Макс Дессуар об антропософии». Поскольку, ведь, даже в Антропософском обществе есть лишь небольшой круг, который действительно понимает свою задачу: задачу правильно и правомерно просвещать человечество в том, каким образом сегодня зачастую делается наука. И то, что сегодня делается как наука, - это, однако, только один из симптомов для общего мышления. Поскольку так же, как это заказывается в науке, - ярким примером которой является Макс Дессуар со всеми своими спутниками, - это заказывается и в других областях. И если задаться вопросом: Какие более глубокие силы привели к сегодняшней катастрофе? - вы всегда будете оставаться на поверхности, если не будете вникать в эти более глубокие причины, в то, что лежит в искажении, в искомом искажении и в искомой поверхностности, в шарлатанстве, - в шарлатанстве, стремящемся сохраниться за счёт того, что шарлатанство оно приписывает, как раз, серьёзной духовности. Это нужно здраво понимать в его истинном облике. Я привожу пример с Максом Дессуаром только потому, что за ним не надо ходить далеко. Но это пример для многого, что существует в наше время как негативное. Если кто-либо в человечестве хочет иметь сердце для позитивного срастания с духовным миром, то он должен также иметь сердце для отвержения, решительного, сердечного отвержения неверного, поверхностного, бесполезного повсюду, где это только возможно.

Как раз, в наши дни мы часто переживаем то что те, кого в общественной жизни изображают худшими, на самом деле являются самыми порядочными. Нет нужды смотреть на эти вещи с пессимизмом, но надо в своей собственной душе выискивать силы, которые произведут и воспитают в этой душе здоровое суждение об этих вещах.

ВОСЬМАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 22 декабря 1917 года

Кажется, было бы хорошо, как раз, в это время, в актуальный момент нашего рассмотрения, как бы, оглянуться назад на различные вещи, которые в ходе этого

рассмотрения прошли через наши души, но оглянуться назад не в смысле повторения, а ориентировочным образом, освещая их снова с определённой точки зрения. Поскольку рассмотрения, которые мы провели в это время и которые определенным образом связаны с тем, чему мы позволили предстать перед нашими душами в предыдущие годы, должны, прежде всего, помимо тех позитивных сообщений, которые они содержат, быть годными для того, чтобы в это серьёзное время наполнить нашу душу такими мыслями, какие нужны человеческой душе, опять же, в это время, - время, о котором надо сказать, что оно принадлежит к одному из самых серьёзных времён всемирно-исторического развития. Несмотря на то, что мы многое сделали в ходе последних лет, мы стоим перед истинно серьёзными вещами. И, собственно, относительно серьёзности этого времени не должен заблуждаться никто, если он не хочет отвлекать свою душу от многих вещей, необходимых в самом высшем смысле, насущно необходимых для человеческой души, если она хочет пережить это настоящее время более или менее с достоинством.

Мы попытались охарактеризовать 19-ое столетие и начало 20-го столетия теми средствами, которые образуются, если рассматривать важные, решающие события, с которыми связано развитие людей в этих 19-ом и 20-ом столетиях. Вы знаете, что если вы хотите понять, каковы наиболее важные характеристики современной эпохи, то прежде всего вам следует обратить внимание на то, что это наше время страдает от переизбытка интеллектуальности. Этим совсем не утверждается, что человечество в наше время стало как-то умнее по сравнению с более ранними временами. Это не имеется в виду, а имеется в виду, что различные душевные силы человека в наше время склоняются к интеллектуализму. И поскольку мы живём в эпоху материализма, то интеллектуальность используется исключительно для того, чтобы человеческой душой пронизывать (durchspinnen) материальное бытие, и, наоборот, человеческую душу пронизывать материальным бытием.

Высокой нашу интеллектуальность в наше время не назовёшь, поскольку она почти исключительно направлена на составление и обобщение, если выражаться педантично, на систематизацию материальных вещей и материальных явлений. Но в определённом смысле эта интеллектуальность господствует внутри человеческой души единолично.

Какая необходимая душевная сила должна прибавиться к интеллектуальности в то ближайшее время, в начале которого мы стоим? Интеллектуальным сегодня пронизано всё, пусть и интеллектуальным, которое связано исключительно с физическим планом. Интеллектуальным пронизана наука, интеллектуальным пронизано искусство, интеллектуальным пронизано человеческое социальное мышление. То, что должно добавиться, это нечто такое, что будучи понятым правильно, может быть совершенно не интеллектуальным. И то, что может быть совершенно не интеллектуальным, если оно будет действительно понятым, если оно будет принято в человеческое сознание, - это человеческая воля, такая пронизанная любовью человеческая воля, которую я попытался охарактеризовать в моей «Философии свободы» как человеческую волю в связи с импульсом любви. Человеческая воля проявляется либо в подсознательных реальностях побуждений, желаний, будь то отдельные эгоистические желания или социальные желания, или политические устремления, - всё это остаётся в подсознании, в бессознательном. Если же воля будет поднимается в сознание, если то, что иначе в отношении волевых импульсов просыпается или в лучшем случае про-сновидится, как показывали последние рассмотрения, поднимается в сферу сознания, то такое воззрение воли не может быть больше материалистичным. В наше время мы находим для каждого человека, действительно духовно видящего мир, доказывающий симптом того, что то, что есть воля, в наше время не понимается. И этот симптом состоит в том, что таким образом, как в этом случае, вообще может быть поставлен вопрос теми умами, которые сами считают себя самыми важными в наше время: есть ли вообще человеческая свобода, или её нет.

Этот вопрос, есть ли вообще человеческая свобода, указывает, если он ставится, на неспиритуальный род мышления. С точки зрения спиритуального мышления к вопросу о свободе надо относиться совсем другим образом. Надо относиться к нему, зная: Тот, кто

может сомневаться в факте человеческой свободы, человеческую волю не понимает. Там, где выступает сомнение в человеческой свободе, там это наличие сомнения является доказательством того, что принимаемый во внимание человек не имеет никакого понятия о действительной реальности человеческой воли. Поскольку, как только человек познаёт волю, он познаёт также самостоятельный коррелят воли, познаёт импульс человеческой свободы.

Правда, в наше время о свободе и необходимости говорится так, что в этих речах ясно распознаётся то, что я представлял вам в прошлый раз в тривиальном сравнении тыквы с бутылкой. Я сказал, что если сделать из тыквы бутылку, то кто-то может сказать: «Это тыква», - а другой может сказать: «Это бутылка». - Так люди спорят сегодня о свободе и необходимости человеческой деятельности, и то, что они приводят в качестве аргументов, стоит обычно столько же, сколько стоил бы спор, когда один человек упорно и твёрдо утверждал бы, что это тыква, а другой упорно и твёрдо утверждал бы, что это бутылка. Это тыква, ставшая бутылкой!

Это важно и существенно, чтобы человек снова принял в своё сознание силу воли. Насколько говорят о мировой воле, говорят также о том, что реально царит в мировой воле: о мировой любви. Правда, о ней нет нужды много говорить, поскольку она царит тогда, когда воля действительно есть. И гораздо более ценно говорить об отдельных конкретных импульсах воли, необходимых в наше время, чем сентиментально предаваться общим вещам любви.

Но эти вещи необходимо рассматривать так, чтобы в этом рассмотрении лежало настоящее мужество к познанию, а также настоящая энергичность познания. Поскольку в наше время необходимо знание человеческой природы всей целиком. И наше время должно начать ставить вопрос, как некий вопрос человеческой судьбы: Как надо формировать воззрение на человеческое существо, если подвергать сомнению тот факт, как мы поставили это перед своей душой в этих рассуждениях, что сфера, так называемых, живых и сфера, так называемых, мёртвых едины, что, по сути, мы живём среди живых только в нашем чувственном восприятии и нашем интеллекте, но, что мы, однако, насколько мы являемся чувствующими и волящими существами, живём в том же мире, в котором живут и мёртвые. И внутренние душевные импульсы, связанные с этим вопросом познания, должны сопровождаться действительной волей к конкретному пониманию человеческой жизни, включая то, как она протекает между смертью и новым рождением. Поскольку без понимания этой бестелесной жизни человека невозможно и настоящее понимание бытия человека внутри физического тела, а именно, невозможно понимание задачи человека внутри физического тела.

Говоря некоторым образом абстрактно: Современному человечеству необходимо действительно принять в себя внутренние импульсы Духа Времени, того Духа Времени, который правит в узком смысле с 1879-го года, а в общем - уже с середины 15-го столетия, познакомиться с импульсами этого духа Времени. Об этом - по крайней мере о том, что, собственно, имеется в виду под только-что сказанными словами, - большинство людей современности не имеют ни малейшего понятия. Я уже часто говорил в этом рассмотрении: то, что нашей молодёжи - нашей более юной и более старшей молодёжи - сообщается о, так называемой, истории, в большинстве своём является, с одной стороны, *Fable convenue*¹¹, а, с другой стороны, в основном дешёвка. Для возникновения действительной истории необходимо вначале понять то, чем были импульсы последних столетий, и то, что в этих импульсах, как раз, в нашу эпоху, должно измениться. Сегодня люди едва ли имеют понятие о том, какая огромная перемена произошла в человеческом мышлении и чувствовании с началом пятого послеатлантического периода, к середине 15-го столетия. Самое бессмысленное слово, касающееся развития, сегодня многие воспринимают как руководство. Это бессмысленное слово: Природа не делает скачков. - Так же, как природа делает свои огромные скачки от зелёной листвы к разноцветной листве, так природа делает свои скачки

¹¹Fable convenue (franz., spr. fābl' kong-w'nū'), «досужая басня, сказка, в которую верит большинство (прим. пер.).

повсюду. И от четвёртого послееатлантического периода к первой половине 15-го столетия, к пятому послееатлантическому периоду, начиная со второй половины 15-го столетия, - это был не общий переход, а мощный скачок. Ориентироваться здесь можно только в том случае, если хотя бы до некоторой степени сравнить то, что принесли до сих пор пара столетий пятого послееатлантического периода, с тем, что им предшествовало; поскольку обе эти вещи фундаментально отличаются друг от друга. Я хотел бы сегодня обратить ваше внимание на этот вопрос с определённой точки зрения.

Если вы ознакомитесь с тем, чему вы можете научиться из сегодняшнего содержания науки, сегодняшнего содержания человеческого образования, - если позволительно использовать такое дурацкое слово как «образование», - если вы подготовитесь, основываясь на этом сегодня, а затем возьмёте в руки тексты из 15-го столетия, то вы их не поймёте, - не поймёте, как раз, являясь особенно учёной головой сегодняшнего времени.

Не поймите меня неправильно. Учитывая все предпосылки нашей антропософско-ориентированной духовной науки, я никоим образом не могу быть за подогрев старых вещей. Та болтовня, которую так часто можно услышать сегодня в мире о необходимости подогрева всякой старины и всяких старых воззрений, не могут иметь место в области нашей антропософско-ориентированной духовной науки, поскольку эта антропософско-ориентированная духовная наука должна черпать то, что должно открыться именно для современности, непосредственно из самой духовной жизни, и поскольку в наше время для того, кто может это воспринимать, открывается нечто значительное. Но можно многое прояснить для себя, если направить взгляд на то, как может вести себя сегодня по-настоящему учёная голова по отношению к вещам, сохранившимся как мудрость, - нам даже не нужно возвращаться дальше чем, скажем, 14-15-ое столетие. Если сегодня эта по-настоящему учёная голова возьмет в руки, например, труды так называемого Василия Валентина¹² (Basilus Valentinus), знаменитого адепта 15-го столетия, то она не будет знать, что с ними делать. Что обычно узнают сегодня, когда люди берут в руки что-то из Василия Валентина - могли бы быть и другие, но я упоминаю его, поскольку он самый известный адепт 15-го столетия, - это то, что они либо говорят чепуху, дилетантские вещи, когда они наполняются тем, чего нельзя понять, но верят в то, чего не понимают, или же как учёные головы говорят всякую чепуху, говорят не имеющие никакой силы вещи о том, что течёт к ним от Василия Валентина.

Если же читать нечто вроде работ Василия Валентина с взглядом знатока, с действительным взглядом спиритуального знатока, то скоро можно прийти к тому, что в них содержится некая мудрость, которая, правда, бесполезна для современных людей, которые имеют, как раз, нынешние интересы, но которая является мудростью такого рода, которая выступает, когда человек вступает в связь с душами, имеющими своё бытие между смертью и новым рождением. Можно сказать, что чем больше то, что в наше время кажется людям бесполезным, эта мудрость, содержащаяся в работах Василия Валентина, тем больше она полезна людям, живущим между смертью и новым рождением. Но и им нет необходимости изучать Василия Валентина, поскольку в антропософско-ориентированной духовной науке у нас есть нечто такое, что говорит языком, который является общим как для, так называемых, живых, так и для, так называемых, мёртвых. Для того, чтобы известным нам образом говорить и с мёртвыми, достаточно того, что даёт нам антропософско-ориентированная духовная наука. Но в качестве некоторого исторического факта я привожу то, что тот способ, каким мёртвый воспринимает то, что является мировым знанием, имеет определённое родство с тем, что содержится в текстах, подобных текстам Василия Валентина. Поскольку Василий Валентин говорит о всяких химических процессах, говорит, кажется, о том, что совершают с металлами и другими веществами в ретортах и плавильных тиглях. В действительности он говорит о том знании, которое должны усвоить мёртвые, когда они хотят осуществлять свои дела в том самом нижнем царстве, о котором я говорил, что он

¹²Василий Валентин (лат. Basilus Valentinus) - легендарный тюрингский бенедиктинский монах-алхимик, якобы живший в XV веке. Википедия (прим. пер.)

является самым нижним для них царством, - в животном царстве. Он говорит о том, что надо знать о импульсах, приходящих из духовного мира, чтобы понять микрокосмос из макрокосмоса. Ведь, это является познавательной деятельностью души между смертью и новым рождением, которая сегодня, однако, может осуществляться правильно только тогда, когда она подготовлена между рождением и смертью. Это ещё имелось как атавистическое наследие, как древнее наследие мудрости, в 15-ом столетии. И Василий Валентин говорит об этом древнем наследии мудрости, говорит о тайнах того, как человек связан с макрокосмосом, говорит о действительной божественной мудрости, - как мы бы сегодня сказали, в имагинациях.

Этот род общения с космосом в познании в ходе последних столетий исчез. Он должен быть снова обретен, - более духовным образом, нежели он имелся до 15-го столетия, должен быть обретен снова. Поскольку в нём надо упражняться как в науке, так и в социально-политической жизни. Оздоровление человечества возможно лишь в том случае, если будут преследоваться такие цели. И это надо признать, что здоровье человечества возможно только под влиянием таких целей.

Древнейшее наследие, которое можно назвать перво-откровением, передавалось через столетия. Оно было утеряно в материалистической пятой послеплатонической эпохе. И оно должно быть завоёвано снова другим образом. Его можно завоевать, как мы уже часто обсуждали, только тогда, когда человек пронизывает себя, но деятельно, волевым образом, словами Павла «Не я, но Христос во мне», когда он призывает те силы, которые исходят из Мистерии Голгофы, чтобы, после принятия мистериальных сил Голгофы в свою душу, исследовать этими силами вселенную. И только так мы сможем найти себя вместе с мёртвыми, которые пребывают среди нас. Иначе мы будем разделены с ними по той простой причине, что тот план мира, который мы постигаем только представлениями и чувственными ощущениями, никогда не приведёт нас в какую-либо связь с мёртвыми.

Но, как уже было сказано, как раз, учёная голова современности, - как стоит она перед древней мудростью? Примерно, как тот учёный, который произнёс следующие слова: «Последняя и самая важная операция» Василия Валентина «это в течение десяти месяцев постепенно усиливающееся нагревание философской ртути и золота в философской печи», в результате чего <чёрный ворон> рождает <павлина>, а последний рождает <белого лебедя>, который снова создаёт <птицу Феникс со своими птенцами>. Но последняя (некое красное вещество) - это философский камень, который может умножаться до бесконечности. «К сожалению», - говорит современная научная голова, - «невозможно понять, как кто-то, пусть даже самый искусный и восторженный адепт (так называли людей, владевших тайной философского камня), мог следовать таким предписаниям».

Так, Теодор Сведберг (Theodor Svedberg) из Уппсалы, который написал книгу об этих вещах с научной точки зрения настоящего и который в этом отношении является лишь представителем всех этих учёных голов, которые, как раз, должны сказать: «К сожалению, это понять невозможно». - Это ещё хорошо, когда говорят так: «К сожалению, это понять невозможно». - Для всех них Василий Валентин даже записал необходимые заключительные слова в своих «Двенадцати ключах ко Вселенной и их понимание»: «Если ты сейчас понимаешь, о чём я говорю, то ты открыл ключом первый замок и отодвинул задвижку входа. Но если ты ещё не можешь постичь свет внутри, то тебе не потребуются ни стеклянное видение, ни естественные глаза не смогут помочь тебе найти последнее, чего тебе не хватало вначале. Тогда я больше не буду говорить об этом ключе, как научил меня Луций Папирий (Lucius Papirius)».

Так говорит Василий Валентин всем потомкам, которые, по отношению к древней мудрости, самое большее имеют слова: «К сожалению, это понять невозможно». - Но эти люди современности должны, ведь, делать также кое-что ещё, кроме познания духовного! У нынешних людей есть и другие заботы; и когда где-то речь идёт о духе, они должны прежде всего оклеветать эту речь о духе. И сегодня огромное количество времени тратится на то, чтобы оклеветать эти речи о духе.

К берлинской бессмыслице Макса Дессуара можно добавить - сам я ещё не читал эту писанину, но мне о ней было много рассказано - голландский двойник философа Болланда, который получил некоторые заслуги для философского развития тем, что вдохновлял философскую молодежь Голландии своими повторениями отрывков Гартмана и Гегеля, а также, похоже, не смог в последнее время избежать искушения использовать свою философскую непродуктивность для того, чтобы всякой неправдой оклеветать нашу духовную науку.

Это надо снова и снова подчеркивать, поскольку к действительному приёму духовной науки в нашу душу принадлежит также внимание к тому, каким образом настоящее в своем духовно-научном бессилии, относится к тому, что необходимо человечеству.

Эта сегодняшняя наука, - я тут говорю не о внешней науке, которую, как вы знаете, я полностью признаю, хотя и не слежу за каждым естествоиспытателем, - то, что часто называют философией и чему-то подобным, в настоящее время является не намного большим, чем абстрактными речами, которые ведутся в полной путанице о понятиях тыква и бутылка. К сожалению, слишком часто с нами случается то, что мы снова и снова попадаем на бессмысленные разговоры, особенно современных философов, и иногда даже радуемся, когда какая-нибудь философская голова здесь или там не находит достойным порицания чего-то из того, что хочет антропософско-ориентированная духовная наука. Будто то, что он не находит чему-то порицания, не является, по крайней мере, его обязанностью! Нам нет нужды радоваться, как делают многие из нас, когда с той или иной стороны иногда выпадает похвальное словечко. Эти похвальные словечки тоже, ведь, выпадают в основном не от большого понимания. Но надо быть готовым к тому, что такие клеветники, как Дессуар и Боллан, будут появляться снова и снова, и даже умножатся в ближайшем будущем. Поскольку, ведь, им же надо чем-то заниматься, этим людям! А поскольку им слишком удобно вникать в то, что нужно извлечь из духовного мира для спасения человечества в нынешнюю эпоху, то им приходится заниматься тем, чтобы клеветать на то, что извлечено.

Василий Валентин, говорил я, предложил древнейшее, атавистическое наследие, некую науку о том, как человек создан из космической вселенной, науку, прежде всего, о душе, освобожденной от тела, но также и о том, какой должна быть эта наука, которая хочет участвовать во всём, что не является просто внешней природой. Способствовать этой науке можно только в том случае, если к чистому, а именно, материалистически ориентированному интеллектуальному элементу Нового времени прибавить познание воли, - воли, которая, если она будет действительно познана как воля, может быть познана только в своей спиритуальной природе, поскольку в настоящей стадии развития человечества она проявляется только спиритуально. Не трусливое извлечение жизненных импульсов из сферы воли - это то, чего так не хватает настоящему. Наше время хочет, прежде всего, говорить, говорить. Это хорошо, но только на основании действительного знания. Но не этого хочет современность, - каждый хочет говорить, хочет говорить без всяких оснований. А мы, ведь, видели, что в этом оставлении без внимания спиритуального элемента в мире, как раз, и лежит несчастье нашего времени. В настоящее время человек честен в отношении развития человечества только в том случае, если он действительно хочет участвовать в основании тех волевых импульсов, которые необходимы для продвижения вперёд волн человеческой эволюции.

Конечно, эти вещи не надо принимать лично. На том или ином месте жизни, разумеется, каждый может сказать: Хорошо, но что я должен делать? - Совершенно определённо, что не может быть также требования, чтобы мы сегодня поняли, что мы должны делать, чтобы завтра сделать первые шаги для того, чтобы предпринять нечто делающее мировую эпоху. То, что мы должны предпринять, нам принесёт карма. Но что мы должны делать, так это следующее: открыть глаза - я имею в виду, глаза души, - чтобы действительно познавать, чтобы действительно понимать время. То, что мы должны делать, так это не проспать это время, а всматриваться в то, что происходит! То, что забрал у человека материализм пятого послепалеолитического периода, он должен был забрать, поскольку люди должны были сначала

ориентироваться чисто личностно, - это всеобъемлющие идеи, которые, как раз, вытекают из духа времени, это всеобъемлющие идеи, которые мы можем иметь общими с, так называемыми, мёртвыми. Интеллектуальные вещи, которые стали такими великими в наше время, овладели не только человеческими душами, но овладели соответственно и социальным и историческим развитием самой эпохи. Перед необходимостью истории - с определённым правом. Поскольку эти вещи нельзя критиковать, а они должны быть охарактеризованы, - человек с определённым правом многое из того, что раньше делалось, исходя из его человеческой инициативы, я имею в виду также, исходя из органической человеческой инициативы, передал машине. Материалистическая эпоха является в то же время машинной эпохой. И эта машинная эпоха формирует машинами не только то, что необходимо обычной жизни, - даже война превратилась в обслуживание большой машинерии. По-другому случиться и не могло, поскольку человечество в ходе последних столетий не только сформировало определённый человеческий слой, но и в рамках этого слоя также культивировало воззрение, которое, как предполагалось, прежде всего, должно было позволять считаться научным только тому, что могло реализоваться в пределах внешнего социального порядка в становлении машин: либо в становлении механических машин, - если позволительно использовать эту тавтологию плеоназма¹³, - либо в становлении социальных машин. Поскольку большой машинерией, вплоть до начала войны, был, например, финансовый менеджмент, интернациональный финансовый менеджмент мира. Всё стало машиноподобным. За это машиноподобие человек отдал много. Определённый слой человечества, по сути, хотел от этой машинерии только того, чтобы она делала тривиальные жизненные потребности приятными. Можно было бы сказать: зимой работать, летом ходить купаться, и думать только столько, сколько необходимо, чтобы мировая машинерия работала на тебя, - это стало сигнатурой эпохи.

Не то чтобы этого можно было избежать. Эта мировая машинерия должна была возникнуть, и это вполне естественно. Критиковать то, что произошло, - это дилетантство, в котором духовная наука не может принимать участие. Но эту вещь надо увидеть и признать в том своеобразии, которое оно имеет, поскольку только тогда по отношению к ней можно будет развить правильные волевые импульсы.

Снова и снова появлялись люди, которые уже высказывали идеи, соответствующие этой эпохе. Но этих носителей приемлемых идей, как раз, во второй половине 19-го - начале 20-го столетий рассматривали, собственно, как невозможных человеческих личностей. Через такие умы, ясно видевшие, какой должна быть по всей Земле социальная структура человечества под влиянием эпохи машин, через такие умы, как Брайт (Bright)¹⁴ или Кобден (Cobden)¹⁵, последующее человечество перешло к порядку дня, - это последующее человечество, правда, должно было бы применить некоторую духовную силу для того, чтобы выяснить, как раз, приемлемость идей Брайта и Кобдена для машинного века! Но внесение воли в интеллект для того, чтобы просматривать действительность, - это, как раз, напряжение сил, которое пугает людей современности. Они не хотят пронизывать свои мысли волей. Они хотят, чтобы их мысли сентиментально скользили по тому, что, как они говорят, делает их сердцу тепло, когда они хотят подняться. И под влиянием такого лишённого воли мышления, которое, однако, так тепло и уютно чувствует себя при сентиментальной болтовне, человек привыкает подходить даже к самым важным вопросам с безвольным, трусливым мышлением. Прежде всего, он привыкает ничему не учиться из мировых исторических событий. Готово ли

¹³Плеоназм (от др.-греч. πλεονασμός «излишний, излишество») - оборот речи, в котором происходит дублирование некоторого элемента смысла; наличие нескольких языковых форм, выражающих одно и то же значение, в пределах законченного отрезка речи или текста; а также языковое выражение, в котором имеется подобное дублирование (Википедия, прим. пер.)

¹⁴Джон Брайт (1811–1889) — английский политик-либерал. Вместе со своим другом Кобденом, лидер Манчестерской партии свободных торговцев, боролся за прогрессивную социальную политику.

¹⁵Кобден Ричард (1804–1865) — английский экономический политик. Выступал за международную политику взаимопонимания и демократию внутри страны.

человечество в настоящее время учиться? Это также надо высказывать не как критику, а только как характеристику.

Всё то, что я говорю, даётся не с точки зрения критики, а с точки зрения стимулирования воли. Надо уяснить, как направить в свои мысли волевой импульс, который может послужить на благо человечеству. К сожалению, сегодня люди недостаточно склонны учиться. Они позволяют вещам идти своим чередом и обсуждают их, полагая, что этими обсуждениями они смогут овладеть также и элементом воли. Сколько болтовни, бессмысленной болтовни протекало за то время, когда подготавливались губительные причины этой мировой катастрофы! Сколько болтовни было сделано по поводу Firlfanzereien¹⁶ царского мирного манифеста! Это смогло произойти потому, что можно было сказать, что вначале надо было научиться тому, что речь идёт о Firlfanzereien царского мирного манифеста и что вся эта болтовня, которая к нему прилагается, находится за миллионы и миллионы миль от возможности стимулирования в человечестве волевых импульсов. Но этому надо было учиться. Научились? Нет, пока ничему не научились, - и речь идёт не о критике такого ненаучения, а о том, чтобы понять это ненаучение, чтобы учиться. Что заняло место болтовни о всяких мировых целях в связи с Firlfanzereien мирного манифеста ныне свергнутого царя? Другой бред Firlfanzereien мирного манифеста болтуна Вудро Вильсона! Ровно то же самое вместо того же самого! Это то, чему человечество не хочет учиться. И в познании этого нежелания учиться в нашей душе воспламенится святая воля к правой воле, которая должна возникнуть из правильного понимания того, что действует и движется в наше время. Точно такая же вещь! Надо учиться тому, что человечество не хочет учиться. И в познании этого нежелания учиться в нашей душе воспламенится святая воля к настоящему волеию, которая должна исходить из правильного понимания того, что действует в наше время.

В публичных лекциях я говорил, что, по сути, то, что развивалось за последние четыре столетия в исторической мечте человечества, в 19-ом столетии как некая мировая программа высказывалась такими людьми, как Карл Маркс и ему подобными. Когда это было сказано, эти импульсы уже прошли; но этим высказывалось то, что, по сути, было основой исторического развития последних четырёх столетий.

Как тут обстоит дело? Сегодня дело обстоит так, что широкие слои людей оставили всякое мышление о социальных отношениях. Они передали это профессорам национальной экономики, которые в ходе последних столетий, а особенно последних десятилетий, наболтали достаточно бессмыслицы. Действительное социальное мышление, которое должно исходить из знания импульсов, приходящих из духовного мира, отсутствует в, так называемых, правящих классах. Единственно и только один слой в последнее время принёс в мир всемирно-исторические идеи: тот слой, который в оккультном понимании является братьями тени, по-сравнению с братьями буржуазных партий последних столетий. Всемирно-исторические идеи, пусть и теньевые идеи, принесла социал-демократия, - серые теньевые идеи особенно опасного рода, поскольку они целиком пропитаны духом последних столетий. Но всемирно-исторические идеи - это именно то, чего совершенно не хватало другим слоям человечества. Поскольку другим слоям человечества пришлось бы заимствовать их из духовного мира; им пришлось бы не развивать в общих чертах в елейной манере свои религиозные, социальные и исторические идеи, а понимать социальное становление на прочном познавательном основании. Никто не сможет в действительности понять социальное становление, если он не захочет поставить себя в положение делать это, исходя из тех отправных точек, которые легли здесь в основу наших наблюдений в последние несколько недель.

За это говорит лучшее, что, так называемые, живые могут сегодня получить из духовного мира; за это говорит лучшее, что мёртвые открывают нам из своей жизни между смертью и новым рождением. За это говорит та новое понимание Мистерии Голгофы, к которому мы должны подойти путём углубления антропософско-ориентированной духовной науки. За это

¹⁶Firlfanzereien — безделушка, радующее сердце (прим. пер.)

говорит всё то, что в это серьезное время мы должны позволить пройти через наши души в виде серьёзных рождественских мыслей. Поскольку для спасения человечества в земное развитие вступило существо, рождение которого празднуется в Рождество, не просто для утешительного обращения к душе, а для того, чтобы эту человеческую душу пропитать - если можно выразиться так парадоксально - волей к воле, волей к волею. Если эта воля к волею пронизает человеческую душу, то это будет означать импульс к стремлению к действительно новым идеям, поскольку старые истощились. Иногда мы даже не можем больше использовать слова.

Мы живем в катастрофические времена. Называть происходящее войной, - это почти анахронизм, возникший из-за старой привычки называть бутылку тыквой. Но как мало происходящее можно называть войной, так же мало следует легкомысленным образом надеяться по-старому говорить о мире! В наше время проявляются мощные знамения, и человечеству надлежит попытаться их понять. События трансформируются в самих событиях. В 1914-ом году началось мировое событие, которое, возможно, сначала можно было назвать войной между Антантой и центрально-европейскими силами. Но за тем, что таким образом названо, господствует нечто существенно иное, - за этим стоят совершенно другие враги! И в наши дни нам открывается серьёзный симптом, который тлеет за тем, что мы совершенно неправомерно называем войной между Антантой и центральными силами, симптомом, который состоит в печальном столкновении двух народов северной и южной России, значимый симптом, даже если его, возможно, на время можно погасить, значимый симптом для того, что тлеет за этими событиями. Люди не любят, когда вещи сегодня называют своими именами, поскольку не хотят воли, поскольку предпочитают игнорировать, пока могут, серьёзность времени до тех пор, пока их животы не урчат слишком громко. То, о чём идёт речь, - это то, чтобы у нас действительно развилась воля видеть более глубокие основы событий, чтобы мы, наконец, развили волю избавиться от всей поверхностности, чтобы глазами своей души взглянуть вещам в лицо.

То, относительно чего мы сейчас делаем, своего рода, обзор, позволяя проходить этому перед нашими душами, на следующих лекциях, мы должны будем дополнить и указать на многое ещё, что связано с более глубокими импульсами, нежели те, которым мы предавались в этих рассматриваниях. Но я верю, что в это время люди будут чтить ту таинственную тройственную необходимость, которая проходит через становление мира, и которая является братом человеческой свободы и свободы других существ, особенно если они не хотят навешивать пелену на свои глаза. Здесь, на этой Земле, мы должны понять свободу. Также и в этой связи взгляд современного человека учится очень многому, когда он обращается к умершим; поскольку умерший знает, что для него свобода в жизни между смертью и новым рождением создаётся посредством того, что он приносит с собой из жизни между рождением и смертью. Покоиться в интеллигенции более высоких иерархий, - это нечто такое, что станет для нас подобным природной необходимости, когда мы пройдем врата смерти, когда мы живём по ту сторону - покоиться в интеллигенции более высоких иерархий и следовать их импульсам, как здесь какое-то природное событие с необходимостью следует за природными импульсами. Тогда, после того, как мы проходим через врата смерти, мы ещё свободны, если переносим в духовный мир в своих душах то, что мы можем приобрести здесь как знание духовного становления и духовного существа.

Это нечто такое, что теперь также в самом глубоком смысле связано с Мистерией Голгофы. И поскольку это так, я полагаю, что и рассмотрение Рождества в это время не может быть сентиментальным, а должно апеллировать к воле воления.

Поскольку, возьмём Евангелия: какое множество в Евангелиях апелляций к воле воления! Евангелии - никак не сентиментальные шрифты, это шрифты, которые, хотя и обращаются к самому простому в человеческой природе, но они хотят пробудить в человеке то, что он может принести как силу воли. Не для того должны гореть рождественские свечи, чтобы мы предавались сладострастным рассматриваниям, а они должны гореть также для того, чтобы быть символами для разжигания служащего благу мира света воли.

Человечеству предстоит многое наверстать; и это можно наверстать! Поскольку, развивая силу, заключенную в этом навёрстывании, оно разовьёт настоящие целительные силы, чтобы выбраться из нынешнего катастрофического положения. Задача человечества состоит не просто в том, чтобы войти в эти времена; гораздо важнее задача выхода из них. Эта задача стоит как священный знак, как я полагаю, написанный письмом пламени всех рождественских свечей, которые уже как четыре года горят перед нашими душами иначе, чем многие предыдущие годы!

Завтра мы встретимся в четыре часа в базельском отделении на празднике Рождества. В понедельник в половину пятого мы соберёмся здесь на первое представление «Paradeis-Spieles», а в заключение я проведу некое рождественское рассмотрение¹⁷ для тех наших друзей, кого ничто не удерживает дома, и кто, как раз, сейчас присутствует здесь, посвящая себя работе и тому подобному, и кто в этот день, возможно, предпочтёт провести Рождество здесь.

¹⁷Вторая лекция в GA 180.